

Санкт-Петербургское городское отделение Всероссийской общественной
организации «Всероссийское общество охраны памятников
истории и культуры» (ВООПИиК)

.....

ЧЕТВЕРТЫЕ ТИХОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы конференции
16–17 апреля 2019 года**

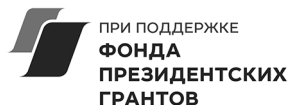
*Научный редактор И. Л. Тихонов
Ответственный редактор А. И. Чепель*

.....

Санкт-Петербург
Издательский дом «Коло»
2020

УДК 719
ББК 72
Ч52

Издание осуществлено

Организационный комитет конференции:
А. Е. Иванов (*председатель*), Б. М. Кириков, А. Д. Марголис,
М. С. Штиглиц, Т. А. Цема

Четвертые Тихоновские чтения : материалы конференции : 16–
Ч52 17 апреля 2019 года / науч. ред. И. Л. Тихонов; отв. ред. А. И. Чепель.—
Санкт-Петербург : Коло, 2020.— 320 [8] с. : ил.
ISBN 978-5-4462-0126-6

Сборник составлен по материалам очередной конференции, посвященной памяти Льва Павловича Тихонова (1929–2010) — заместителя председателя ЛГО (СПбГО) ВООПИиК,— и приуроченной к 130-летию со дня рождения знаменитого культуролога, краеведа, градоведа Н. П. Анциферова (1889–1958).

В статьях отражен широкий круг проблем: от зарождения государственных структур и общественных движений по охране памятников до современных задач сохранения культурного наследия. В иных статьях освещаются биографии архитекторов, политических деятелей, поборников защиты культурного наследия, рассказывается об отдельных памятниках истории и культуры.

Издание предназначено для специалистов в области охраны памятников, а также для всех, кто интересуется историей Петербурга и неравнодушен к его культуре.

УДК 719
ББК 72

ISBN 978-5-4462-0126-6

© Коллектив авторов. Текст, фотографии, 2020
© Оформление. ООО «Издательский дом „Коло“», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение А. Г. Демидова, председателя Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников и культуры	9
Предисловие	11
А. Д. Марголис. Н. П. Анциферов и содружество Эрмитажного кружка	13
Б. М. Кириков. Первый список охраняемых памятников Санкт-Петербурга	21
М. С. Штиглиц, А. М. Залманзон. Кинотеатр «Москва» — один из первых памятников архитектуры советского времени. История и современное состояние	29
Т. И. Николаева. Готическая доминанта на Васильевском острове	40
И. Л. Тихонов. Династия Романовых и памятники древности	50
И. А. Золотинкина. А. П. Остроумова-Лебедева. Иллюстрации к книге Н. П. Анциферова «Душа Петербурга»	66
Л. В. Глушкова. Николай Павлович Анциферов. Начало. Становление ученого	78
М. А. Мощеникова. Изучая наследие Н. П. Анциферова: теория «Градоведения», написанная в Детском Селе (из опыта современных прочтений)	83
Н. Г. Кузьмина. Последователи Н. П. Анциферова — авторы изданий «Экскурсия в типографию»	91
В. И. Аксельрод. «Достойны ли мы своих наследий?» (размышления над одним социологическим опросом школьников)	97
И. Б. Фурманова. Школьный музей — ближний круг истории	105

Содержание

<i>З. В. Юркова.</i> Норматив и сохранение культурного наследия	109
<i>Г. Ф. Груздева.</i> Концепция сохранения памятников деревянного зодчества в Петербурге и пригородах: миф или реальность?	114
<i>Л. В. Семькина.</i> Несостоявшийся памятник — резервуар Петроградской фильтроозонной станции с садом на крыше на Пеньковой улице	124
<i>М. А. Власникова.</i> Реставрация и музеефикация памятников культовой архитектуры на современном этапе	135
<i>И. В. Руднева.</i> Любезным моим сослуживицам...	141
<i>И. А. Измайлова.</i> Судьба по благословию	146
В. П. Аристов. Ленинградская государственная лесотехническая академия в дни блокады	152
<i>А. Н. Журавская.</i> Стрельнинский дворцово-парковый ансамбль при великом князе Константине Николаевиче	159
<i>А. Е. Ухналёв.</i> Стрелка Васильевского острова в пространстве акватории Невы: Швертфегер. Кваренги. Тома де Томон	169
<i>В. А. Коренцивит.</i> Неосуществленные проекты строительства Петергофа в царствование Петра I и Екатерины II	177
<i>А. Н. Шипунов.</i> К истории проекта парка культуры и отдыха в Московском районе (предшественника Московского парка Победы)	186
<i>В. Г. Авдеев.</i> Неизвестный Кваренги (о проекте Знаменского собора в Курске)	194
<i>А. Л. Потравнов, Т. Ю. Хмельник.</i> К вопросу о создании Самсоновского бассейна в Луговом парке Петергофа	199
<i>В. М. Белковская.</i> Ограда у Мраморного дворца. К вопросу об авторе проекта	206
<i>Н. П. Столбова.</i> Каменных дел подрядчики на строительстве Исаакиевского собора в 1820–1830-е годы	214

В. А. Черненко. Дом Бердов. К вопросу о сохранности	221
Ю. И. Кашаверская. Гербы на исторических зданиях Петербурга	232
В. А. Маркевич. Кладбища как городские парки: к постановке проблемы	240
Д. К. Равинский. «Тайные памятники» Петербурга — Ленинграда	246
Э. В. Трусинов. Новообретенные памятники города Пушкина	252
С. В. Выжевский. Новые разыскания о церкви Святой Троицы в Павловске	259
А. Г. Груздева. Магазин Гвардейского экономического общества в Царском Селе	270
И. Д. Исаев. Забытый купеческий особняк в Царском Селе. Из истории рода Кокоревых.	280
Д. В. Козлов. Жизнь — горение: страницы жизни революционера В. О. Лихтенштадта (Мазина) (1882—1919)	288
А. И. Чепель. О гражданском инженере Алексее Петровиче Гоголицыне (1879—1930)	296
В. Г. Авдеев. Прерванный дебют (о довоенном проекте ленинградского метрополитена)	302
Краткие сведения об авторах	311
Список сокращений	314

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, который по праву называют городом-музеем, вот уже более полувека существует городское отделение ВООПИиК, которое объединяет многих неравнодушных поборников сохранения и популяризации уникального культурного наследия Северной Пальмиры.

Члены Санкт-Петербургского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры долгие годы собирают под эгидой Общества множество небезразличных к судьбе неповторимого города людей. Образцом для нынешних защитников петербургского наследия служит их учитель и наставник — Лев Павлович Тихонов, один из основателей Общества охраны памятников — талантливый музейщик, организатор экскурсионного дела, яркий ленинградский и петербургский интеллигент. Лев Павлович всю жизнь беззаветно служил своему городу, и во многом благодаря его усилиям СПбГО ВООПИиК стало одним из лучших в нашей стране.

Весной 2019 г. в сердце города, в Петропавловской крепости, прошли уже Четвертые Тихоновские чтения, на которых с теплотой и признательностью вспоминали Льва Павловича Тихонова и его учеников, продолжателей дела наставника, рассказывали об объектах культурного наследия, которые общими усилиями удалось отстоять, вдохнуть в них новую жизнь. Вне всяких сомнений, мы можем гордиться той титанической подвижнической работой по сохранению родного Петербурга, которую систематически вели и ведут члены городского отделения Общества.

В наши дни городское отделение Общества сумело многократно расширить круг неравнодушных к судьбе культурного наследия людей. Совместно с Комитетом по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП) и Союзом реставраторов Санкт-Петербурга СПбГО ВООПИиК организовало школу волонтеров в сфере сохранения культурного наследия. Пройдя обучение в этой школе, можно получить первичные навыки реставрационных работ и в дальнейшем участвовать в волонтерских акциях на объектах культурного наследия нашего города, на практике способствуя сохранению объектов истории и культуры.

С благодарностью Санкт-Петербургскому отделению Общества за масштабную практическую работу по спасению и защите любимого города, за активную просветительскую деятельность,

А. Г. Демидов,
Председатель Центрального совета
Всероссийского общества
охраны памятников истории и культуры

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПРОВЕДЕННАЯ 16–17 апреля 2019 г. конференция была приурочена к 130-летию со дня рождения Николая Павловича Анциферова и стала важным звеном в серии мероприятий, посвященных знаменитому краеведу, графоведу, культурологу. Конференция также традиционно посвящалась памяти Льва Павловича Тихонова (1929–2010), который долгие годы был заместителем председателя Ленинградского (Санкт-Петербургского) городского отделения ВООПИиК.

В ходе конференции, проходившей в Государственном музее истории Санкт-Петербурга, затрагивались различные аспекты истории и культуры Петербурга. Слушатели узнали о различных сторонах жизни и творчества Н. П. Анциферова, познакомились с многоплановыми проблемами сохранения и реставрации, изучения и пропаганды культурного наследия. Докладчики поведали об особенностях охраны и изучения памятников истории и культуры, рассказали о просветительских проектах, способствующих формированию в обществе бережного отношения к историческим памятникам, поделились подробностями создания, реставрации, бытования, приспособления и современного состояния объектов культурного наследия, приоткрыли страницы биографий людей, которые внесли и продолжают вносить свой посильный вклад в дело охраны, систематизации и популяризации памятников истории и культуры.

На конференции прозвучало более сорока докладов, она продолжалась два дня, что говорит о повышении интереса к этому научному и культурно-просветительскому мероприятию у жителей и гостей нашего города. В ходе завершающей конференцию дискуссии было решено продолжать практику проведения Тихоновских чтений, вызывающих большой интерес выступающих с докладами участников и неравнодушных слушателей.

Оргкомитет конференции

1

2

3

4

5

Четвертые Тихоновские чтения собрали полный зал (1).
 За трибуной: А. Д. Марголис (2), М. С. Штиглиц (3), Б. М. Кириков (4),
 И. Л. Тихонов (5)

Н. П. АНЦИФЕРОВ И СОДРУЖЕСТВО ЭРМИТАЖНОГО КРУЖКА

ОСЕНЬЮ 1910 г. студент историко-филологического факультета Петербургского университета Николай Анциферов присоединился к так наз. Эрмитажному кружку. Это событие сыграло весьма большую роль в жизни и судьбе будущего автора «Души Петербурга».

В Эрмитажный кружок, созданный осенью 1910 г., в разное время входили 11 студентов Петербургского университета: Николай Павлович Анциферов (1889–1958); Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890–1943); Михаил Александрович Георгиевский (1888–1950); Александр Алексеевич Гизетти (1888–1938); Георгий Эдуардович Петри (1888–1942); Анатолий Эсперович Серебряков (1890–1938); Алексей Петрович Смирнов (1889–1930); Андрей Вячеславович Тищенко (1890–1914); Федор Артурович Фиельструп (1889–1933); Лев (Левко) Евгеньевич Чикаленко (1888–1965); Алексей Викторович Шмидт (1894–1935), а также 10 курсисток Бестужевских курсов (ВЖБК): Людмила Федоровна Завалишина (1885–1936); Валентина Павловна Красовская (ок. 1889–?); Мария Михайловна Левис (1890–1991); Елизавета Андреевна Лютер (1888–1942); Вера Михайловна Михайлова (1889–1955); Вера Николаевна Николаева (ок. 1889 — не позднее 1934); Татьяна Николаевна Оберучева (1889–1929); Татьяна Сергеевна Стахевич (1890–1942); Валерия Васильевна Табунщикова (1891–1970) и Елена Осиповна Флеккель (ок. 1889–1934).

Удалось установить годы жизни 18-ти членов кружка. Это было содружество сверстников: в 1910 г. средний возраст — около 21 года. Самой старшей из них — Л. Ф. Завалишиной — было тогда 25 лет, младшему — А. В. Шмидту — едва исполнилось 17. Менее половины кружковцев были коренными петербуржцами. Большинство — уроженцы иных мест, от Парижа до Иркутска (Москва, Юрьев, Киев и Киевская губ., Минская губ., Брянская губ., Херсонская губ., Омск).

В Эрмитажный кружок вошли студенты и курсистки — историки, половина из них — ученики профессора И. М. Гревса. Единственное исключение — Г. А. Бонч-Осмоловский, учившийся на естественном отделении физико-математического факультета университета. Семь из 21-го (Анциферов, Георгиевский, Гизетти, Петри, Смирнов, Тищенко и Елизавета Лютер) после окончания курса были оставлены для подготовки к профессорскому званию. Забегая немного вперед, скажем, что 12 членов студенческого Эрмитажного кружка в дальнейшем оказались тесно связаны с музейной и экскурсионной работой.

Анциферов так вспоминал о возникновении Эрмитажного кружка: «[Осенью 1910] в университете появилось воззвание: студенты приглашались для обсуждения форм культурной работы среди рабочих. В основу возвания были положены идеи Джона Рёскина. Инициатором этого начинания был студент-филолог А. А. Гизетти. На его призыв откликнулась небольшая группа студентов. Гизетти предложил собравшимся заняться изучением Эрмитажа для того, чтобы водить экскурсии рабочих. „Стыдно нам — студентам, нам — интеллигентам наслаждаться сокровищами человеческого духа и не думать о наших товарищах-рабочих, совершенно лишенных этого счастья“. Возникли прения. <...> Гизетти возбужденно доказывал: „Повышение культурного уровня рабочих есть один из видов подготовки революции, т. к. культурные рабочие в большей мере ощутят ее необходимость, чем темная масса“. Тогда возражали ему: „Рабочих нужно просвещать, но лишь политически“. — „Нет! — горячо говорил Гизетти, — политическое просвещение не должно, не может быть оторвано от культурного просвещения“.

В Эрмитажный кружок записались лишь несколько студентов. Мы условились встретиться на квартире Гизетти. <...> В тот вечер мы познакомились с несколькими курсистками, [которые присоединились к кружку]»¹.

Анциферову в высшей степени был свойственен народнический просветительный пафос. Со студенческих лет он видел в культурно-просветительной работе, к которой чувствовал призвание, «дело своей жизни». Поэтому он одним из первых откликнулся на призыв Александра Гизетти. Совершен-

но не случайно ядро Эрмитажного кружка составили ученики И. М. Гревса, приверженца и энтузиаста экскурсионного метода «наглядного показа истории»: Анциферов, Гизетти, Георгиевский, Петри, Смирнов, Лютер, Михайлова, Николаева, Серебряков, Тищенко, Шмидт. Одной из главных целей студенческого кружка была подготовка экскурсоводов по Эрмитажу для рабочих Петербурга. Следует учесть, что до революции в Эрмитаже вообще не было экскурсоводов, самим музеем экскурсии не проводились.

О деятельности Эрмитажного кружка мы знаем по воспоминаниям его участников. Анциферов: «Наши занятия мы решили организовать таким образом: мы совместно осматривали какой-нибудь отдел Эрмитажа и намечали ряд трудных для нас проблем. После этого приглашали специалиста-профессора, который проходил с нами в соответствующие залы, и мы вместе выясняли то, что для нас необходимо. Так, с нами работали... Борис Викторович Тураев, Михаил Иванович Ростовцев, Фаддей Францевич Зелинский. После окончания работы с профессором один из членов кружка должен был взять на себя разработку темы, объединяющей группу залов (например, греческая керамика), и показать эти залы в качестве руководителя (экскурсовода), как можно более углубленно. После такого осмотра мы выделяли наиболее ценные объекты для экскурсионного показа. Занятия мы должны были вести в воскресные дни»².

Из воспоминаний Марии Михайловны Левис: «Эрмитажный кружок собирался примерно раз в неделю у кого-нибудь на дому. Все очень подружилось и вошли в жизнь друг друга. На собраниях кружка обсуждалось все: и политика, и литература, и история»³. Вспоминая особый характер отношений внутри этого юношеского «содружества», Анциферов писал: «...мы не добивались единомыслия. Мы мирились с различиями нашего миропонимания, довольствовались тем общим, что связывало всех нас»⁴. И в другом месте: «...в нашем Эрмитажном кружке зародились крепкие связи на всю жизнь. Наша работа в чудесном музее-храме, наши собрания то у одного, то у другого породили отношения, далеко уводившие нас за пределы культурно-просветительной работы...»⁵. Стали супругами Николай Анциферов и Татьяна Оберучева, Александр Гизетти и Елена Флеккель,

Анатолий Серебряков и Людмила Завалишина, Левко Чикаленко и Татьяна Стахевич. Особенно тесные дружеские отношения на долгие годы связали Анциферова с Алексеем Петровичем Смирновым и Георгием Эдуардовичем Петри.

Работа Эрмитажного кружка, начатая в конце 1910-го, была прервана знаменитой студенческой забастовкой 1911 г. (т. н. «студенческая революция») ⁶ и возобновилась только в конце 1912. Анциферов вспоминал: «Начать [экскурсионную] работу нам пришлось не с рабочими, а с учителями. В конце 1913 в Петербурге состоялся Всероссийский съезд учителей. О наших занятиях, конечно, знало руководство Эрмитажа. Президиум съезда обратился в музей с просьбой обслужить учителей экскурсиями... Учителя, среди которых было много пожилых, смотрели с удивлением на нас, юношей и девушек... Но мы сумели быстро овладеть нашими группами и рассеять естественное недоверие...» ⁷. В дальнейшем участники Эрмитажного кружка стали проводить экскурсии для рабочих, а после начала Первой мировой войны — для солдат столичного гарнизона.

Одновременно с Эрмитажным кружком в столице существовал аналогичный кружок, который был создан и возглавлен искусствоведом и педагогом Георгием Константиновичем Соломиным (1865 — ок. 1942), — «Соломинский кружок» или «Кружок двадцати». Его участники (Борис Павлович Брюллов, Надежда Владимировна Брюллова-Шаскольская, Николай Владимирович Вейнерт, Ядвига Адольфовна Влядих-Вейнерт, Лазарь Владимирович Розенталь, Артур Викторович Карлсон, Наталья Давидовна Флиттнер и др.) готовили и водили экскурсии преимущественно по Русскому музею. Анциферов пишет, что «имелось в виду слить оба кружка, но слияние не состоялось. <...> Мы работали параллельно, каждый кружок с любовью делал свое дело» ⁸.

«Так зародилось в старом Петербурге, в студенческой среде то экскурсионное дело, которое получило такой размах после революции, в особенности в ее первые годы» ⁹, — писал Анциферов, подводя итог своим воспоминаниям об Эрмитажном кружке. И вслед за Анциферовым мы можем признать Эрмитажный кружок одним из родоначальников экскурсионного дела в нашем городе.

«Экскурсионное дело» стало едва ли не главным занятием Анциферова в 1918–1924 годах. «Я и мои друзья по Эрмитажному кружку прежде всего смогли приложить свои знания в области музейной и экскурсионной работы»¹⁰. С 1918 г. Анциферов был преподавателем истории в школе при бывшем Тенишевском училище. Вспоминает один из его школьных учеников Георгий Александрович Штерн: «Особое место в педагогической работе Николая Павловича занимали экскурсии. Кроме экскурсий по родному городу Николай Павлович возил нас в Москву, Новгород и Псков. Свообразие экскурсионного метода, впоследствии детально разработанного Николаем Павловичем, уже тогда дало наглядное представление о возникновении и росте городов, о неповторимой индивидуальности каждого. Все это он учил читать в особенностях планировки, в расположении сохранившихся памятников. С Петербургом знакомство началось с вышки Исаакиевского собора, откуда раскрывалась панорама всего города, затем следовал целый комплекс исторических экскурсий. С ними перемежались экскурсии историко-архитектурные и историко-литературные. Этот последний вид экскурсий собственно и был создан Николаем Павловичем, по крайней мере для Петербурга. Он открыл нам тогда душу родного города, столь сложную и противоречивую...»¹¹.

Одновременно с преподаванием, в годы Гражданской войны (1919–1921), Анциферов работал в экскурсионной секции Отдела музеев Петроградского управления научных и научно-художественных учреждений Наркомпроса.

В ноябре 1920 г. был открыт Петроградский экскурсионный институт, через год реорганизованный в научно-исследовательское учреждение. Гуманитарный отдел Экскурсионного института возглавил И. М. Гревс. Характерно, что в состав его сотрудников вошли активисты Эрмитажного кружка (Анциферов, Петри, Лютер) и соломинского «Кружка двадцати» (Брюлов, Вейнерт, Влядих-Вейнерт, Карлсон, Флиттнер).

Анциферов работал в Экскурсионном институте вплоть до его ликвидации в сентябре 1924-го. Это был наиболее плодотворный период его творческой биографии. Достаточно напомнить, что именно в эти годы в Петрограде написаны и изданы лучшие книги Анциферова — «Душа Петербурга» (1922),

«Петербург Достоевского» (1923), «Быль и миф Петербурга» (1924). Одновременно выходят в свет его монография «О методах и типах историко-культурных экскурсий» (1923), статьи в журналах «Педагогическое дело» и «Экскурсионное дело», посвященные теории и практике литературных экскурсий. Анциферов руководит семинарами по изучению Петербурга, Павловска и Царского Села, выступает с докладами и лекциями («Типы гуманитарных экскурсий», «Исследовательское значение экскурсий», «Город как объект экскурсий», «Теория литературных экскурсий», «Петербург в художественной литературе», «Петербург Достоевского», «Павловск в поэзии Жуковского», «Васильевский остров как объект экскурсий», «Невский проспект» и др.), разрабатывает и сам водит экскурсии по городу и пригородам. Вспоминая об этом периоде своей жизни и деятельности, Анциферов утверждал: «Мои работы по градоведению вытекали из экскурсионной работы» и свидетельствовал, что «по принципу экскурсии построены „Петербург Достоевского“ и „Быль и миф Петербурга“»¹².

«Экскурсионная работа в Царском Селе достигла в те годы наивысшего расцвета, — вспоминал Георгий Александрович Штерн. Душой этого творческого коллектива был Николай Павлович. Все его любили, восхищались его экскурсиями, невольно поддавались обаянию его таланта, доброты, приветливости, внимания к людям»¹³.

Секретарь Гуманитарного отдела Экскурсионного института Ядвига Адольфовна Влядих-Вейнерт оставила детальное описание деятельности Анциферова-экскурсиониста: «Прирожденный экскурсионист, Николай Павлович обладал многими свойствами, необходимыми для этого вида работы. <...> Он много и горячо работал, мог часами рыться в архивах и литературных материалах, обрабатывая их тщательно и кропотливо, выправляя, имитируя речь, придираясь к каждому своему слову. <...> Говорил он медленно, веско, отчеканивая ответственные, ведущие слова. <...> Прелесть экскурсий Николая Павловича была еще в том, что они не повторялись: всякий раз в хорошо разработанный и во всем знакомый материал он вносил что-нибудь новое, свежее, только что им замеченное, придуманное или подсказанное составом аудитории. Поэтому слушать его можно

было много раз, и всегда казалось, что слушаешь впервые. <...> В экскурсиях Николая Павловича хорошо было всё: талантливо задуманная тема, стройный план, его оформление словом и показом, наконец, если можно так выразиться, исполнительская часть»¹⁴.

В заключение нельзя не упомянуть о трагической судьбе многих членов Эрмитажного кружка, жертвах политических репрессий 20–30-х гг. Анциферов, арестованный в 1929, прошел через Соловецкий лагерь особого назначения, Белбалтлаг, Бамлаг на Дальнем Востоке, находился в заключении в общей сложности более 6 лет. Погибли в тюрьмах и лагерях его товарищи Алексей Петрович Смирнов (1930), Федор Артурович Фьельstrup (1933), Алексей Викторович Шмидт (1935), Анатолий Эсперович Серебряков (1938), Александр Алексеевич Гизетти (1938) и Михаил Александрович Георгиевский (1950). Арестованы и сосланы Георгий Эдуардович Петри, Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский и Мария Михайловна Левис¹⁵.

Примечания

¹ Анциферов Н. П. Из дум о былом: воспоминания / вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А. И. Добкина. М., 1992. С. 202–203.

² Там же. С. 303.

³ Цит. по: Конегный А. М., Кумпан К. А. Петербург в жизни и трудах Н. П. Анциферова // Анциферов Н. П. «Непостижимый город...». Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина / сост. М. Б. Вербловская. СПб., 1991. С. 8.

⁴ Анциферов Н. П. Из дум о былом. С. 194.

⁵ Там же. С. 205.

⁶ См.: Круглова З. С. Студенческая забастовка 1911 года // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. История СССР. М., 1964. Т. 135. Вып. 8.

⁷ Анциферов Н. П. Из дум о былом. С. 204. Приобретенный опыт подготовки и ведения экскурсий по Эрмитажу нашел отражение в изданной позднее книге (см.: Анциферов Н. А., Петри Г. Э. Исторические экскурсии по Эрмитажу. Л., 1924).

⁸ Там же. С. 204–205.

⁹ Там же. С. 205.

¹⁰ Там же. С. 407.

¹¹ Цит. по: Конегный А. М., Кумпан К. А. Указ. соч. С. 10.

¹² Анциферов Н. П. Из дум о былом. С. 410.

¹³ Цит. по: Конегный А. М., Кумпан К. А. Указ. соч. С. 13.

¹⁴ Влядих-Вейнерт Я. А. Как я помню Николая Павловича Анциферова // Звезда. 2014. № 8. С. 104–109.

¹⁵ См.: Политические репрессии и сопротивление тоталитарному режиму в Петрограде — Ленинграде. 1917–1991: справочник / авт.-сост. А. Д. Марголис. СПб., 2016.

ПЕРВЫЙ СПИСОК ОХРАНЯЕМЫХ ПАМЯТНИКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ОХРАНА памятников старины в России восходит к петровскому времени. Уже тогда были изданы указы Петра I об археологических находках и древних сооружениях в разных частях страны. Тогда же состоялась первая охранная акция в самом Петербурге: по императорскому повелению в 1723 г. была сооружена защитная галерея над Домиком Петра I. Но долгое время самая ранняя постройка города оставалась единственным историческим памятником.

Молодая столица стремительно развивалась, приумножая свой культурный фонд. Каждый следующий период, каждое царствование преображали архитектурную среду города. В ней естественно сохранялось то, что отвечало новым вкусам и потребностям. Грандиозный созидательный процесс неизбежно сопровождался постоянными утратами и заменами. Классицизм стирал в облике города черты барокко. Эклектика и модерн вытесняли классицистическую застройку.

Малая временная дистанция затрудняла осмысление архитектуры Петербурга как исторического наследия. К тому же апологетическое восприятие Северной Пальмиры, преобладавшее до пушкинской эпохи, сменилось вскоре неприятием классицистического европеизированного города. Былому стилевому единству противопоставлялись принципиальное разнообразие эклектики, а также русский стиль, выражавший идею национального возрождения.

По этим причинам в Петербурге не существовало официально признанных историко-архитектурных памятников. Во второй половине XIX в. в России развернулась активная деятельность археологических обществ и комиссий. Они выдвигали проекты мер по государственной защите российских древностей. Но и эти меры обходили столицу стороной: древностей здесь не было.

Памятник М. И. Глинке.

Объект списка 1902 г.

Петербург впервые оказался в сфере учета исторического наследия лишь в 1901–1902 гг., да и то лишь потому, что тогда в России проводилась государственная регистрация памятников старины по всем губерниям. Согласно правительственному циркуляру, чиновники канцелярии градоначальника составили первый известный нам перечень городских достопамятностей. В 1902 г. петербургский градоначальник Н. В. Клейгельс представил министру внутренних дел список памятников старины, существующих в Санкт-Петербурге¹.

Приведем этот список в свободной редакции.

1. Памятник Петру I на Петровской площади. 1782.
2. Памятник Петру I на Кленовой аллее. 1800.
3. Памятник Екатерине II на Александринской площади. 1873.
4. Памятник (бюст) Екатерине II на Фонтанке у Обуховской больницы. 1884.
5. Александровская колонна на Дворцовой площади. 1834.
6. Памятник Николаю I на Исаакиевской площади. 1859.
7. Памятник (бюст) цесаревичу Николаю Александровичу на Большой Невке близ Черной речки. 1874.
8. Памятник (бюст) Александру III при казармах Новочеркасского полка. 1895.
9. Памятник (бюст) Александру III перед домом душевнобольных в Удельной. 1895.
10. Памятник (бюст) М. В. Ломоносову у Чернышева моста. 1892.
11. Памятник А. С. Пушкину на Пушкинской улице. 1884.
12. Памятник (бюст) А. С. Пушкину на Коломажском ипподроме. 1892.

- 13–17. Памятники (бюсты) в Александровском саду: В. А. Жуковскому. 1887; М. Ю. Лермонтову. 1893; М. И. Глинке. 1900; Н. В. Гоголю. 1893; Н. М. Пржевальскому. 1892.
18. Памятник И. А. Крылову в Летнем саду. 1855.
19. Памятник А. В. Суворову у Царицына луга. 1801.
- 20, 21. Памятники М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю де Толли у Казанского собора. 1837.
22. Памятник И. Ф. Крузенштерну на набережной Большой Невы. 1871.
23. Памятник принцу П. Г. Ольденбургскому у Мариинской больницы. 1889.
24. Памятник Я. В. Виллие у Медико-хирургической академии. 1859.
25. Обелиск победам П. А. Румянцева в Румянцевском сквере. 1800.
26. Памятник «Слава» у Троицкого Измайловского собора. 1886.
27. Нарвские триумфальные ворота. 1827–1833.
28. Московские триумфальные ворота. 1838.
29. Триумфальная колесница над аркой Главного штаба. 1824.
30. Памятник в селе Рыбацком. Дата неизвестна.

Казанский собор. Не включен в список 1902 г.

Летний дворец Петра I. Объект списка 1902 г.

31. Обелиск в память открытия Морского канала на Гутуевском острове. 1885.
32. Четыре конные фигуры на Аничковом мосту. 1850.
33. Два маяка (Ростральные колонны) у Биржи. 1810.
34. Два египетских сфинкса у Академии художеств.
35. Домик Петра Великого на Петровской набережной.
36. Петровский дворец на Петровском острове. Построен при Екатерине II.
37. Летний дворец Петра Великого в Летнем саду. 1711, 1714.
38. Екатерингофский дворец в Екатерининском парке. 1711, 1823.
39. Таврический дворец на Шпалерной улице. 1783.
40. Инженерный замок — бывший дворец Павла I. 1797–1800.
41. Воскресенский собор всех учебных заведений (Смольный). 1759.
42. Суворовская церковь у здания Академии Генерального штаба. Перенесена из села Кончанского.
43. Петропавловская крепость с собором. Заложена в 1703 г.
44. Главное Адмиралтейство. Заложено в 1704 г. В 1806-м начато сооружение существующего здания.
45. Судостроительные доки на Малой Охте. Построены Петром I, обновлены в 1897 г.

46. Дом, где жил Г. Р. Державин. Набережная Фонтанки, 118.

47. Дом, где жил А. С. Пушкин. Набережная Мойки, 12.

48, 49. Дубы, посаженные Петром Великим на Охте и на Каменном острове.

Этот более чем лаконичный документ производит впечатление курьеза. Вместе с тем он выпукло отражает тогдашний уровень знаний и представлений о наследии. К тому же составители списка, очевидно, не очень ясно понимали поставленную перед ними, но толком не разъясненную задачу.

В реестр включено смехотворно малое число номинаций — всего 49 (сегодня на территории Санкт-Петербурга под охраной состоит примерно 8 тысяч объектов культурного наследия). Отбор производился в основном по формальному принципу, согласно простой логике: памятник — он и есть памятник. Поэтому более двух третей перечня занимают собственно памятники: скульптурные монументы (24 позиции), обелиски, триумфальные арки и колонны. Они внесены в список без разбора, независимо от их художественного качества и времени создания. Многие из них (большой частью — бюсты) были установлены недавно, в 1880–1890-х гг., и никак не могли относиться к петербургской старине.

Удельный вес зданий в списке 1902 г. примерно вдвое уступает скульптурным объектам. В то время еще только назревала позитивная переоценка петербургского зодчества эпох барокко и классицизма. Очевидно, сказалась и определенная заторможенность сознания — в качестве памятников легче было представить те здания, которые переменили первоначальную функцию, то есть их прошлое отошло в область истории. Поэтому вне перечня остались такие бесспорные достопримечательности, как Зимний и Аничков дворцы, Александро-Невская лавра, Казанский и Исаакиевский соборы, Кунсткамера и здания Эрмитажа, Академия художеств и Академия наук, Биржа и Горный институт, Главный штаб, Сенат и Синод, Александринский театр и многие другие. Мемориальные объекты были связаны прежде всего с памятью о Петре Великом и только два дома — с именами писателей.

Первый «свод памятников» не стал действующим, оставшись в архивных бумагах. Этот исторический документ не только

Мариинский театр. Состоит под охраной с 1993 г.

Витебский вокзал. Состоит под охраной с 1993 г.

Финляндский вокзал. Не имеет охранного статуса

любопытен, но и поучителен. Он наглядно продемонстрировал, насколько содержание наследия может быть деформировано в «кривом зеркале» списков.

Эффект «кривого зеркала» отчетливо проявлялся и при определении состава памятников в советский период. Почти тотально ставились под охрану произведения монументальной скульптуры, в том числе совсем недавние и ничем не выдающиеся. Жестким идеологическим подходом было обусловлено чрезмерное преобладание ленинской и историко-революционной тематики. Критическое отношение ко всей послеклассицистической эпохе отечественной архитектуры, восходящее к поколению «мирискусников», продержалось в нашей охранной практике вплоть до конца XX в.

Сложившуюся ситуацию удалось во многом выправить на рубеже столетий, в годы нашей работы в Комитете по охране памятников (КГИОП). Состав архитектурных объектов был значительно расширен и стал несравненно более сбалансированным и адекватным. Предпринимались попытки «профильровать» ленинские адреса и освободить от балласта раздел монументальной скульптуры, но эти инициативы натолкнулись

на противодействие определенных кругов общественности и торможение со стороны Министерства культуры.

Сегодня необходимо продолжить отбор объектов культуры, в особенности XX столетия. Пришло время поставить под охрану здания послевоенного периода (раньше это было невозможно из-за 40-летнего временного ценза). Принятый в нынешней практике «штучный», зачастую — конъюнктурный подход к включению в число памятников препятствует комплексному решению задач. Продуманная корректировка состава нашего наследия возможна только на основе комплексного подхода².

Примечания

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. 1902 г. Д. 98.

² Эти проблемы рассмотрены в ряде работ автора: Какие памятники охраняем? // С.-Петербургская панорама. 1991. № 11. С. 15–17; Что отражают списки памятников? // Санкт-Петербург в конце XX века: Современная жизнь исторического города: Международная конференция 1–3 октября 1998. СПб., 1999. С. 73–78; О списках памятников // Охрана памятников Санкт-Петербурга. К 90-летию Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга. СПб., 2008. С. 159–167; Архитектура Петербурга — Ленинграда: страницы истории. СПб., 2014. С. 314–337.

КИНОТЕАТР «МОСКВА» — ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

СЕЙЧАС, когда разрабатывается предложение санкт-петербургских отделений ВООПИиК и Союза архитекторов по расширению списка охраняемых зданий и сооружений советского времени (в том числе послевоенного периода), хочется вспомнить один из первых объектов этой категории. В 1967 г. по решению исполкома Ленгорсовета кинотеатр «Москва», построенный по проекту ленинградского архитектора Л. М. Хидекеля (1938–1939 гг.), был включен в Список памятников истории и культуры, а в 2001 г. вошел в Перечень памятников регионального значения.

Здание на участке по Старо-Петергофскому проспекту, между Рижским проспектом и Курляндской улицей, сооружено на месте снесенной церкви Святой Екатерины архитектора К. А. Тона. Следует заметить, что произведение известного зодчего было этапным в истории архитектуры, поскольку положило начало новому направлению в русской архитектуре — «русско-византийскому» стилю. Впоследствии вблизи храма были возведены в 1840–1850-х гг. Никольская и Екатерининская часовни. В 1871–1879 гг. к храму пристроили высокую колокольню, выполненную по проекту В. А. Дорогулина. Пристройка колокольни послужила причиной образования трещин в основном объеме, ремонт которого проходил в 1894–1897 гг. под руководством В. А. Косякова.

Исследователи датируют закрытие и снос здания каменной церкви летом 1929 г.¹ Храмы уничтожались ради возведения новых объектов культурного назначения, потребность в которых остро испытывал район бывшей Нарвской заставы. Идея строительства кинотеатра на этом месте появилась еще в 1920-е гг., в период активных поисков типа и образа советского кинотеатра.

Продолжительный процесс проектирования (1933–1936 гг.) и строительства (1937–1939 гг.) совпал со сложными исканиями

отечественной архитектуры. В начале 1933 г. был объявлен конкурс на постройку на проспекте Газа (Старо-Петергофском) большого кинотеатра на 1500 зрителей, совмещенного с различными по функции помещениями культурно-просветительского характера.

Именно такой проект Л. М. Хидекеля в 1933 г. выиграл конкурс Союза архитекторов. Строительство было начато в конце того же года, но приостановлено до окончания постройки аналогичного по типу кинотеатра «Гигант». При возобновлении строительства в 1935 г. архитектор руководствовался новыми нормативами и разработанным в Академии архитектуры СССР новым типом многозального кинотеатра с общим фойе для нескольких залов². Предполагалось, что зрителей будут запускать в один из залов по мере их накопления в фойе. Такой тип кинотеатра казался наиболее экономичным в условиях того времени, когда во всех залах демонстрировался один фильм³.

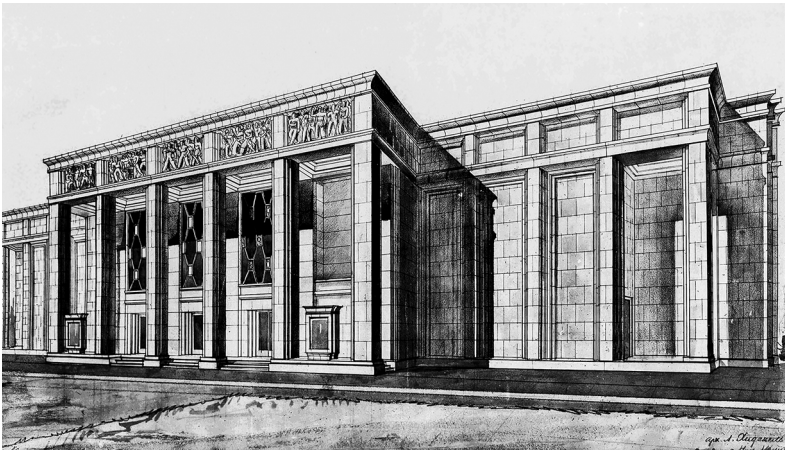
В связи с этим проект претерпел изменения. Согласно постановлению Совнаркома было решено сделать кинотеатр «Москва» трехзальным. По заказу Управления кинофикации при СНК РСФСР Хидекель принял участие в конкурсной разработке типового многозального кинотеатра⁴. При этом, судя по публикациям в журналах, автором разрабатывалось два варианта⁵.

Общей была основная идея композиционного решения фасада: симметричного, с выделенной характерным портиком центральной частью. Осуществленный вариант — невысокое, горизонтально-вытянутое здание кинотеатра вместимостью 1200 мест. Проект был утвержден в 1936 г., а строительство велось в 1937–1939 гг.⁶

Лазарь Хидекель — соратник и продолжатель творческих экспериментов Казимира Малевича, воплотивший в архитектурном проектировании идеи «супрематической архитектуры». Курсовые студенческие работы Хидекеля, выполненные во время обучения в Институте гражданских инженеров (ЛИСИ), — проекты рабочего клуба (1926 г.) и коллективного жилища (1927 г.), открыли путь в практическую архитектуру идеям супрематизма и оказали огромное влияние на современных ему архитекторов, включая его учителя — лидера ленинградского конструк-

тивизма А. С. Никольского⁷. Графические фантазии Хидекеля 1920-х гг. — здания и города будущего — также считаются программными произведениями супрематизма⁸, но главная его заслуга в том, что он первым из архитекторов практически реализовал в профессиональных проектах принципы «супрематического искусства объемостроения»⁹. Именно в мастерской Никольского он разработал ряд крупных проектов.

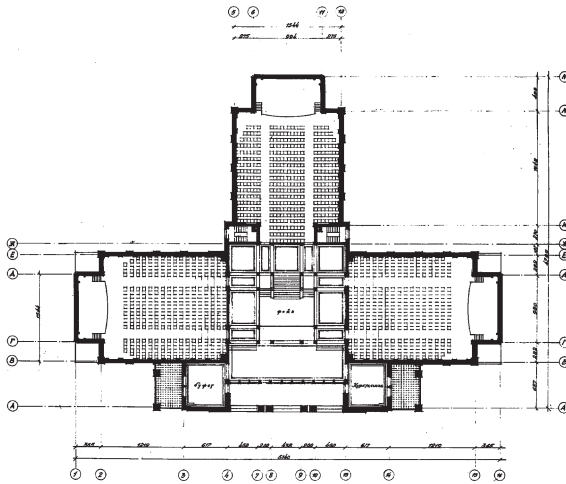
Сложная градостроительная задача решилась после многочисленных поисков в эскизных вариантах: «Здесь приобрело значение перспективное восприятие ансамбля, позволяющее поставить здание кинотеатра по отношению к высокому окружению так, чтобы оно из ряда ответственных точек воспринималось равным и даже более высоким по силуэту. Здание кинотеатра пришлось расположить так, чтобы оно отстояло от красной линии проспекта Газа так, чтобы сохранилась достаточная площадь перед главным входом. Для заполнения разрывов между существующими зданиями и лучшего расчленения пространства перед кинотеатром и двором осуществлена каменная ограда в характере архитектуры кинотеатра, трактованная в своеобразном парковом стиле, в соответствии с разбиваемым вокруг здания партерным сквером»¹⁰.

Фасад. Проект. Эскиз из диссертации Л. М. Хидекеля. 1939–1940 гг.
ЦГАНТД СПб. Ф. 205. Оп. 2-1. Д. 244

М. С. Штиглиц, А. М. Залманзон - Кинотеатр «Москва»

КИНОТЕАТР „МОСКВА“ В Г. ЛЕНИНГРАДЕ.

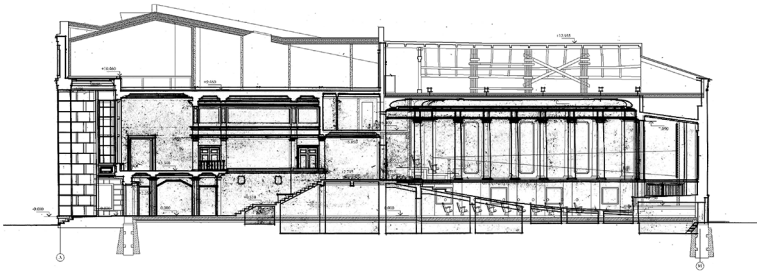

План 2-го этажа. Проект (вверху). Общий вид. Фотография.

Из диссертации Л. М. Хидекеля. 1939–1940 гг.

ЦГАНТД СПб. Ф. 205. Оп. 2-1. Д. 244

КИНО-ТЕАТР „МОСКВА“ В Г. ЛЕНИНГРАДЕ.

РАЗРЕЗ 1-1 .

М. 1 : 100 .

Арх. А. М. Залманзон

Продольный разрез. Проект. Из диссертации Л. М. Хидекеля. 1939–1940 гг. ЦГАНТД СПб. Ф. 205. Оп. 2-1. Д. 244. Л. 25

Идея группировки трех залов вокруг центрального фойе определила объемно-пространственное решение кинотеатра. Центральную часть здания занимает фойе, к которому с двух сторон примыкают залы, вытянутые вдоль красной линии проспекта. Третий зал, примыкающий под прямым углом к центральной оси основного объема, отнесен вглубь участка.

В таком крестообразном плане трудно отрицать влияние ранних работ: «архитектонов» Малевича и самого Хидекеля с их любимым приемом построения архитектурной формы из перпендикулярно пересекающихся параллелепипедов. Симметричный фасад, образованный центральным портиком и расположенными по бокам глухими продольными стенами зрительных залов, получился протяженным. Горизонтальное, протяженное решение главного фасада кинотеатра с акцентированным центром, «распластанность» композиции в плане, сочетание объемных параллелепипедов сближает эту работу архитектора с произведениями конструктивизма.

Боковые части фасадов представляют собой композицию из ступенчато сдвинутых по отношению друг к другу объемов. Прямоугольные в плане залы архитектор объединил в сложную крестообразную фигуру. Основные пространства зрительных залов перетекают в небольшие помещения сцен. Общее восприятие дополняют открытые лоджии, обрамляющие портик.

Центральная часть фасада композиционно выделена портиком-лоджией с развитым антаблементом¹¹. Во фризе размещен скульптурный горельеф скульптора И. В. Крестовского на тему «Советское массовое искусство»¹².

В отделке использованы материалы контрастных цветов и фактур: темно-серый полированный мрамор пилястр и антов выделяется на фоне светлого мрамора портика; темно-коричневый с металлическим блеском фриз — на светло-сером фоне аттика.

Помещения кинотеатра занимают три уровня. В первом (цокольном) этаже на уровне земли находятся: входной вестибюль с кассами, площадка холла перед лестницей. Боковые пространства под фойе и повышенными частями залов заняты хозяйственными и административными помещениями. Этажом выше, на уровне входов в залы, расположено фойе с буфетом и курительной. Входы в залы устроены со стороны, противо-

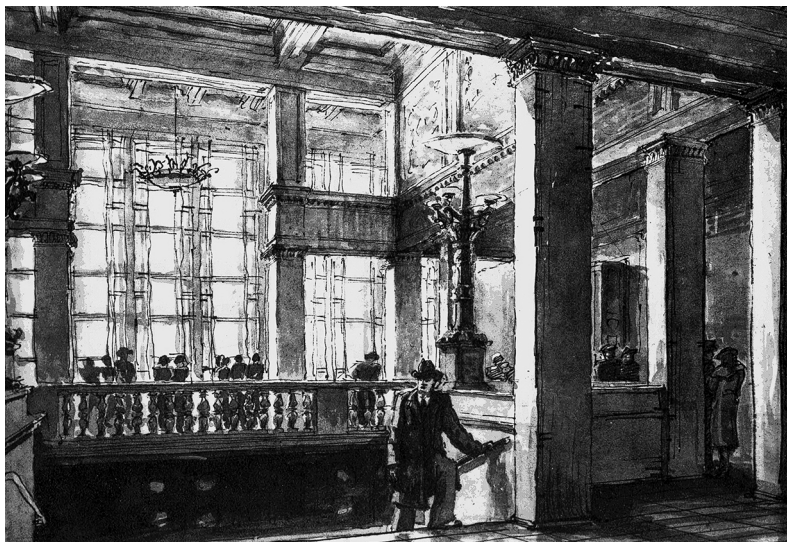
Фасад. Фотография из диссертации Л. М. Хидекея. 1939–1940 гг. ЦГАНТД СПб. Ф. 205. Оп. 2-1. Д. 244

положной экранам, в самых высоких точках. По направлению к экранам уровень полов понижается до отметки земли, на которой располагаются эвакуационные выходы. В антресольном этаже находятся проекционные. В этом уровне устроен второй (верхний) свет для залов, фойе, буфета и курительной. Центральная часть композиции интерьера — двухъярусный объем фойе, — состоит из холла нижнего яруса, лестницы, боковых галерей по сторонам от лестницы и зального пространства перед витражным окном главного фасада.

Объединение лестницы с фойе позволило зодчему максимально увеличить площадь помещения для ожидания сеанса и придать небольшому помещению торжественный образ. Сочетание разноуровневых, различных по размеру и освещенности помещений фойе создает сложную пространственную игру, дополненную освещением — двумя торшерами, люстрой и настенными бра.

Парадная лестница.
Фотография из
диссертации
Л. М. Хидекеля.
1939–1940 гг.
ЦГАНТД СПб. Ф. 205.
Оп. 2-1. Д. 244. Л. 68

Интерьер вестибюля. Эскиз. Из семейного архива Л. М. Хидекеля

Переплеты витража были запроектированы автором с учетом вставки резных фрагментов, которые не были выполнены; поэтому переплеты оказались несколько массивными¹³.

Стены зрительных залов имели ордерное оформление в виде пилястр, опирающихся на декоративный цоколь и увенчанных горизонтальной полосой декоративного антаблемента. Плоскость стены между пилястрами оформлена декоративными рамками, а софитное освещение размещено за карнизом. «Карниз,— писал автор проекта,— декорирующий софитное освещение зала, оригинально решен в виде простого профиля выкружки»¹⁴. Потолки в центральном и одном из боковых залов украшены живописными плафонами. Стены и пилоны вестибюля облицованы светло-зеленым искусственным мрамором. Пол украшен мозаичной плиткой «трех оттенков»¹⁵. Потолок декорирован «мелкой сеткой плоских кессонов, в рисунок которых вписано оформление электроарматуры»¹⁶. Буфет был оборудован стойками со шкафами, столиками и тумбочками по эскизам Л. М. Хидекеля¹⁷.

Проектирование и строительство подвело итог типологическим поискам советского многозального кинотеатра. Необыч-

ный художественный образ, уникальное объемно-пространственное решение обеспечили зданию широкую известность. Оно было встречено одобрительными отзывами таких архитекторов, как А. С. Никольский и В. П. Макашов, откликнувшихся на завершение строительства и открытие кинотеатра.

В частности, Никольский отметил такие достоинства, как протяженность фасада, поддерживающую горизонталь застройки магистрали и закрывающую неорганизованную застройку в глубине участка; удачную постановку здания, придающую ему характер доминирования.

В 1960–1980-х гг. памятник характеризовался как пример архитектуры советской неоклассики, основанной на творческом освоении традиций классицизма¹⁸. В исследованиях двух последних десятилетий появились попытки осмыслить творческий путь архитектора, понять и примерить его супрематические поиски, его ранние работы в стиле конструктивизма с поздними проектами. Важную роль в этом осмыслении исследователи отводят оценке архитектуры кинотеатра «Москва»¹⁹.

Попытку Л. М. Хидекеля применить в классицистической схеме кинотеатра свой супрематический опыт отмечает А. В. Иконников. Как памятник, совместивший черты конструктивизма и неоклассики, характеризует кинотеатр и С. П. Заварихин: «Все эти узнаваемые атрибуты традиционной архитектуры в трактовке Хидекеля довоенного времени были овеяны дыханием конструктивизма. Это переходное, на грани критического балансирования состояние — одно из наиболее ценных в искусстве. И в качестве такового очень точно отражало характер ленинградской архитектуры 1930-х гг.»²⁰ Стиль ленинградских построек Хидекеля он определяет как «конструктивистский монументализм», подчеркивая его своеобразие на фоне общего развития ленинградской неоклассики сталинской эпохи: «„Конструктивистский монументализм“ Хидекеля в известной мере противостоит „лирическому монументализму“ Е. Левинсона. Между этими двумя полюсами и развивалась в то время ленинградская архитектура»²¹.

Мнению критиков и исследователей, без оговорок принимающих и высоко оценивающих всё творчество Хидекеля (С. О. Хан-Магомедов, Ю. С. Яралов, С. П. Заварихин,

Б. М. Кириков, О. С. Романов, Р. Хидекель), противостоит оценка, данная творчеству Хидекеля в критической статье И. Д. Саблина²².

Представляется, что новаторские объемные и фактурные решения, отразившиеся в архитектуре здания, органично продолжают творческие искания архитектора, вдохновленного супрематической идеей «чистой красоты». При этом стилистика фасадов и интерьеров здания сближается с установившейся к тому времени традицией стиля ар-деко. Многие использованные архитектором в «Москве» приемы характерны для его творческого почерка. Например — открытые, поддерживаемые пилонами лоджии высотой в несколько этажей.

Во время блокады здание кинотеатра сильно обветшало. В 1953 г. был проведен ремонт²³, во время которого произведена перепланировка помещений касс и изменены некоторые детали интерьеров. В здании, не эксплуатируемом с 2004 г., произошел пожар, а в 2008 г. оно было выставлено на торги. По проекту «Литейной части — 91» проводится приспособление под многофункциональный культурный центр с двумя выставочными залами, офисами и рестораном.

В 2019 году исполнилось 90 лет со времени окончания строительства, и есть надежда на возрождение и включение в культурную жизнь города памятника советской эпохи. Здание заслуживает лучшей участи, как и память об авторе. Многие исследователи, лично знавшие Л. М. Хидекеля, отмечают его преданность ранним идеям формообразования, которые он всю жизнь творчески развивал в экспериментальном проектировании и в педагогике. Он был не только выдающимся архитектором, но и выдающимся педагогом, воспитавшим несколько поколений архитекторов.

Примечания

¹ Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга: Христианская историко-церковная энциклопедия. СПб., 2003. С. 88–89.

² Даянов Р. М., Залманзон А. М. Кинотеатр «Москва» Л. М. Хидекеля. Судьба идеи // Вестник гражданских инженеров. 2017. Июнь. № 3 (62). С. 9.

³ Постановление Совнаркома «О строительстве многозальных кинотеатров» 1936 г.

⁴ Проекты и постройки. Приложение к Архитектурной газете № 70. 1936.

⁵ Приложение к «Архитектурной газете» № 70. 1936 г.

⁶ Повелихина А. В. Памятники советской архитектуры // Петров А. Н. и др. Памятники архитектуры Ленинграда. Л., 1976. С. 556.

⁷ Shtiglits M., Kirikov B. Lasar Khidekel's Architectural Practic: Conceptions of Suprematism and Architecture. Lasar Khidekel. Palace Editions. Russian Museum. St. Petersburg, 2018. P. 9–20.

⁸ Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Кн. 1–2. М., 1996.

⁹ Хидекель Р. Лазарь Хидекель — отец супрематической архитектуры // Новое русское слово. 29.11.2005.

¹⁰ ЦГАНТД СПб. Ф. 205. Оп. 2-1. Д. 244 (Хидекель Л. М. Опыт проектирования и строительства трехзального кинотеатра «Москва» в Ленинграде. Диссертация).

¹¹ Который сам автор называет аттиком. По-видимому, поэтому такое наименование прижилось в литературе.

¹² Так тему фриза обозначает в своей диссертации Л. М. Хидекель (ЦГАНТД СПб. Ф. 205. Оп. 2-1. Д. 244). В литературе встречается другое название композиции: «Искусство и самодеятельность».

¹³ ЦГАНТД СПб. Ф. 205. Оп. 2-1. Д. 244.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Пиляевский В. И. Архитектура Ленинграда. Л.; М., 1953; Попов А. А. Строительство и архитектура // Очерки истории Ленинграда. Т. 4. Л., 1964; Бартенева И. А. Современная архитектура Ленинграда. Л., 1966.

¹⁹ Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда...

²⁰ Заварихин С. П. Из плеяды пионеров. Эскиз творческого портрета Л. Хидекеля // Архитектура и строительство России. 1991. № 3.

²¹ Там же.

²² Саблин И. Д. Лазарь Хидекель // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век. СПб., 2000. С. 110–114, 117–118.

²³ ЦГАНТД СПб. Ф. 398. Оп. 3-6. Д. 188.

ГОТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ

*К 200-летию со дня рождения
К. К. Бульмеринга*

УВЛЕЧЕНИЕ готикой, привнесенное из Западной Европы, в частности из Англии и Германии, в русской архитектуре началось с конца XVIII в. Выражалось оно в тяготении к экзотической декоративности национальных форм допетровского зодчества. Так, европейская готика не знала сочетания кирпича и белого камня или кирпича и белых оштукатуренных деталей или частей здания.

Особое место готические образы занимают в архитектуре Петербурга. Они вносят черты романтизма и неизменно оставляют сильное впечатление.

В уединенной части Каменного острова 17 мая 1776 г. была заложена церковь Рождества Св. Иоанна Предтечи. Строительством, законченным за два года, руководил архитектор Ю. М. Фельтен. Изящное сооружение, решенное с использованием готических форм, возвышалось в зелени парка. Колокольня и круглый барабан завершались шатрами. Основной объем церкви прорезали стрельчатые окна, обведенные белыми наличниками. Кирпичные фасады не были оштукатурены. Церковь имела крестообразный план. Внутри храма стены «разделяли» под мрамор и декорировали орнаментом.

Пластичность форм и декоративность характерны для другой неоготической постройки — Чесменской церкви, которая построена по проекту Ю. М. Фельтена в 1777–1780 гг. Многочисленные вертикальные тяги стен, высокие стрельчатые окна, двери и лепные арочки в произвольной трактовке отличали отделку фасадов. План храма решен в форме четырехлистника: закругленные в плане помещения примыкали к центральному объему. Эту постройку можно рассматривать в одном ряду с павильонами парковой архитектуры. Вспомним Адмиралтейство на южном берегу Большого пруда в Екатерининском

парке, возведенное архитектором В. И. Нееловым в 1773–1777 гг. Устремленность вверх, характерную для храмовых построек, подчеркивали пять легких куполов, контрастировавших с остроконечными завершениями-пинаклями.

Если в конце XVIII—начале XIX в. обращение к готике носило единичный характер и не вступало в противоречие с эстетическими принципами классицизма, то с конца 1820-х гг. готика распространяется всё шире, всё ярче символизирует индивидуальность духовного мира, камерность архитектурной среды, поворот к романтическому стилизаторству.

Большое влияние на становление русского романтизма оказал крупнейший немецкий архитектор К. Ф. Шинкель. В живописном окружении парка «Александрия» в Петергофе в 1831–1834 гг. по его проекту возвели церковь Св. Александра Невского, получившую также название Готической капеллы. В создании романтического образа участвовали ее строители А. А. Менелас, И. И. Шарлемань 1-й, скульптор В. И. Демут-Малиновский. Квадратный в плане храм имел три одинаковых фасада. Их стены прорезали порталы со стрельчатыми арками, декорированными изящным чугунным орнаментом. Гармоничные пропорции обрели завершенность с появлением больших круглых окон-роз с витражами. Каменные башни со шпилями и крестами внесли акценты в постройку, эффектную по силуэту и усиленную обилием скульптуры ангелов, апостолов и Богоматери.

В дальнейшем неоготика всё больше входила в моду в Петербурге.

Готические капеллы стали прообразом церкви Свв. апостолов Петра и Павла в Шуваловском парке, в усадьбе Шуваловых. Архитектор А. П. Брюллов возвел ее в 1830–1839 гг. в кирпиче с облицовкой камнем. Шпиль, стрельчатые арки, контрфорсы в сопоставлении с гладкой поверхностью стен создают особый художественный эффект. Угловые пятигранные выступы с плоскими впадинами в виде стрельчатых арок образуют мощные пластические акценты и придают храму спокойное величие. В плане здание решено в виде вытянутого прямоугольника с апсидой в восточном торце. Архитектор блестяще использовал стилистические особенности и готики, и классицизма.

Неразрывность структурных, конструктивных и художественных форм выявила характерные качества неоготики, послужив толчком к новым стилистическим поискам, к развитию рационалистических тенденций. Господствующий в архитектуре XIX в. стиль эклектики, пришедший на смену классицизму, предполагал свободный выбор и смешение мотивов и приемов разных исторических стилей.

Образцом неоготики периода зрелой эклектики 70-х гг. XIX в. стала евангелическо-лютеранская церковь Св. Михаила, находящаяся на углу Среднего пр. и 3-й линии (ныне Средний пр., 18).

Первоначально лютеранскую церковь Святого Михаила освятили в 1732 г. при Первом кадетском корпусе. При перестройке здания храм закрыли. В 1842 г. немецкая община арендовала дом на углу Большого проспекта и 3-й линии Васильевского острова, где освятили домовую церковь с прежним посвящением. Одновременно прихожане начали сбор средств на возведение отдельного храма. Его предполагали построить сперва на Румянцевской площади, затем на Офицерской улице, но эти планы не были осуществлены.

В начале июня 1872 г. в евангелическо-лютеранской Генеральной консистории находилось прошение о разрешении приобрести для строительства храма участок земли с имеющимися постройками на углу 3-й линии и Среднего проспекта В. О. «Высочайшее разрешение» императора на приобретение участка в 516 кв. сажень, принадлежавшего купцу Я. Х. Пелю, последовало 9 июня 1872 г.¹ В середине XIX в. этот земельный участок был частью обширного владения английского негодцианта В. В. Гома, затем купца П. П. Шустина. Когда в 1820-х гг. участок разделили, то угловую часть приобрела купчиха В. Ф. Борисова, она и перепродала в 1872 г. новый участок Я. Х. Пелю². Здесь находилось одноэтажное деревянное здание, которое перед началом строительства церкви разобрали. Во время постройки прихожане временно молились в эстонском храме³.

Ранее к составлению проекта церкви привлекались петербургские зодчие немецкого происхождения К. К. Циглер, Р. Б. Бернгард, Г. Кош. В 1872 г. проект здания разработал Р. Е. Бергман, избравший тип однобашенного неоготического сооружения. Однако этот вариант не приняли к исполнению⁴.

Наконец, 12 июля 1874 г. был утвержден проект храма на 800 человек, составленный инженер-полковником К. К. Бульмерингом (1820—1888), выпускником Института инженеров путей сообщения⁵. Проект выгодно отличался дешевизной постройки. Автору как военному инженеру потребовалось особое разрешение на гражданское строительство.

Карл-Георг фон Бульмеринг родился 15 октября 1820 г. в Петербурге, в семье остзейских немцев, выходцев из Лифляндии. На берега Балтики его предки приехали в XVII в. из Любека. Мать Карла, Анна Елена Вильгельмина, своими корнями была связана с немецким родом фон Врангель. Его отец, Карл-Эбергард фон Бульмеринг, тоже военный инженер, строил Ново-Каменный мост между Ивангородом и Нарвой, мост через Обводный канал. Он также служил директором Военно-строительной школы при Институте корпуса инженеров путей сообщения.

Названный в честь отца, Карл-Георг окончил Институт инженеров путей сообщения в 1842 г. Через три года его включили в комиссию по строительству Благовещенского моста. Он занимался также возведением крепостей и укреплений на Кавказе, участвовал в проведении реформ в инженерном ведомстве. Бульмеринг состоял в церковном совете прихода Св. Михаила⁶.

Конфессиональная принадлежность петербургских немцев, исторически населявших Васильевский остров, предопределила обращение в утвержденном проекте к формам неоготики. Постройка велась на собранные пожертвования в сумме около 100 тысяч рублей. На возведение храма было издержано 83 тысячи рублей серебром. Пять тысяч рублей вложил Карл Бульмеринг. Председатель церковного совета Я. Паль подарил кафедру и утварь. Храм освятили 19 декабря 1876 г.⁷ Однако полностью строительные работы закончились осенью 1877 г.⁸

Прямоугольный в плане, храм выдержан в стиле немецкой готической архитектуры. Крупный масштаб форм и высокая башня-колокольня со шпилем выделяют эту архитектурную доминанту в окружающей застройке. Главный северный фасад церкви, оформленный стрельчатым перспективным порталом и окном-розой, завершен декоративным архитектурным поясом и фиалами-крестоцветами.

Колокольня в плане четырехугольная, со скошенными углами, прорезана стрельчатыми окнами. Над ними расположены вимперги. Завершена колокольня многогранной шатровой башней, увенчанной крестоцветом.

Со стороны 3-й линии фасад организован четким ритмом контрфорсов с остrokонечными фиалами. Прямоугольные окна нижних ярусов, стрельчатые и круглые проемы верхнего яруса объединены по вертикали крупными стрельчатыми арками. Боковые части фасада венчает металлическая решетка с орнаментом в виде четырехлопастных розеток.

Рационалистический подход к проектированию и строительству здания отвечал требованиям функциональной целесообразности и экономичности.

Согласно чертежам и пояснительной записке, представленной к проекту⁹, фасад по 3-й линии имел длину 119,5 фута; по Среднему проспекту ширина между наружными гранями контрфорсов составляла 61,5 фута. Высота цоколя — более 2 футов, а колокольни — 178 футов.

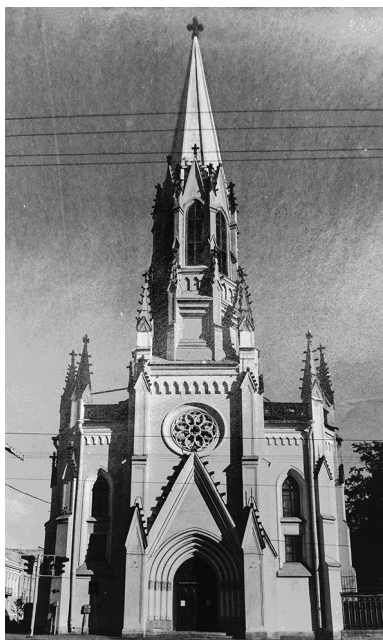
Чтобы предотвратить разрушения от неравномерной осадки, стѣны, колонны и колокольня храма строились на свайном основании. Под стѣны забили 6-вершковые сваи на глубину 3 сажени, а под основание колокольни — 9 свай на такую же глубину. Бутовые фундаменты под колонны и колокольню перекрыли гранитными лещадками толщиной в 4 вершка. Цоколи сделали из тесаной серой цокольной плиты с забуткой кирпичом.

Наружные стѣны церкви имели толщину в три кирпича, также на три кирпича выступали контрфорсы.

Стѣны сакристии и внутренние стѣны по сторонам алтаря сохранили толщину в два кирпича. Внутренние стѣны, примыкавшие к колокольне, имели среднюю толщину в четыре кирпича. Стѣны колокольни до общего карниза были толщиной в шесть кирпичей, выше карниза — в пять кирпичей, а еще выше — 2,5 кирпича.

Внутреннее пространство первоначально разделили на три нефа гранитными пилонами, а в верхней части — чугунными колоннами. Между стѣнами и пилонами располагались два яруса боковых хоров. Нефы перекрывали стрельчатые своды с нервюрами. Над входом находились орган и места для певчих.

1

2

3

Церковь
Св. Михаила.
1. Главный фасад
Фотография 2000 г.
2. Башенки-фиалы
с крестоцветом.
Фотография 1989 г.
3. Перекрытие
лестницы.
Фотография 1989 г.

Боковые хоры и стрельчатые своды поддерживались двумя рядами чугунных колонн, стоящих на гранитных пьедесталах. Толщину стенок чугунных колонн определили в 1,5 дюйма.

Подпружные стрельчатые арки, составившие сводчатое перекрытие внутреннего пространства, имели толщину в 1,5 кирпича, а ширину в 1,5 фута. Для образования продольной и поперечной связи со стенами и уравнивания давления на колонны были выведены продольные и поперечные стенки толщиной в 1,5 кирпича. Для арок, сводов и распалубок использовали цементный раствор.

Сводчатый потолок покрывал двойной слой войлока, обмазанный слоем глины. Для покрытия крыши, брандмауэра, шпица колокольни и контрфорсных шпиз применили кровельное железо по обрешетке деревянных стропил, окрашенных масляной краской.

В церкви и сакристии устроили мраморные полы. Лестницы, ведущие на хоры, выложили плитами. В часовне пол был дощатый, а потолок деревянный, оштукатуренный.

Из экономических соображений и по причине физического свойства железа изменяться при воздействии температурных режимов хоры устроили по примеру других церквей на продольных и поперечных деревянных балках¹⁰. Такое устройство, по мнению Строительного отделения, «снижает расходы и представляет удобную и прочную систему»¹¹. Для этого архитектор составил новые чертежи боковых хоров, в конструкции которых поперечные железные балки двутаврового сечения были заменены деревянными, сделанными в виде полуарок¹².

Дополнением к утвержденному проекту явилось решение о расположении «покоя» для мертвых тел в самом здании, что было вызвано малой площадью двора. Это помещение устроили в сводчатом пространстве под лестницей. Для уменьшения давления на площадь основания алтарной стены предполагалось сложить ее толщиной в два кирпича, так же как и щипцовую, но с закладкой между столбами в один кирпич и устройством контрфорсов¹³.

Из пояснительной записки к проекту церкви известно, что наружные и внутренние стены, своды, арки и потолки под хорами оштукатурили, выделив карнизами, поясками, тягами и леп-

ными украшениями. Чугунные колонны также оштукатурили и отделали по лекалам.

Столбы готических окон церкви и башни, стрельчатые своды и перемычки сделали частично из лекального кирпича на цементном растворе. Оконные переплеты выполнили из железа и привернули к брусчатым оконным деревянным косякам.

Для отопления церкви использовали восемь больших голландских печей, украшенных изразцами. Дымовые и вентиляционные каналы помещались в стенах с выходом через башенные шпицы, снабженные железными решетками. Для чистки дымовых каналов в парапете устроили отверстия с железными крышками. Для сбора дождевой и талой воды между задней стенкой церкви и зданием богадельни был построен колодец, соединенный с городской канализацией. Доступ к колодцу осуществлялся через отверстие, сделанное в контрфорсе.

Двери, оконные переплеты, полы в часовне, крыши и водосточные трубы окрасили масляной краской, а стены, своды, колонны и потолки храма — клеевой.

По распоряжению Леноблисполкома от 15 августа 1935 г. храм закрыли. С 1 ноября 1947 г. здание перешло в ведение табачной фабрики имени Урицкого и использовалось как складское помещение. Колокол весом в 640 кг передали в Смоленскую кладбищенскую церковь в 1949 г. С 15 января 1954-го по 1992 г. здание занимал Ленинградский экспериментальный завод «Спорт» Госкомспорта для шорного производства. Внутри в это время были устроены междуэтажные железобетонные перекрытия и различные перегородки. В 1964 г. произвели капитальный ремонт здания с частичным восстановлением элементов архитектурного убранства, отделкой и окраской фасадов, заменой участков кровли и системы отопления.

По решению Исполкома Ленсовета № 303 от 10.05.1982 г. здание церкви приняли под охрану государства со статусом регионального памятника. В 1992 г. храм передали Евангелическо-лютеранскому религиозному объединению. К богослужениям в нем приступили на следующий год. Первоначально они проходили в небольшом боковом помещении нижнего этажа. С 29 сентября 1996 г. службы проводятся в большом зале. На следующий год началась реставрация храма.

С 1870-х гг. лютеранской кирхе Святого Михаила принадлежал каменный дом, пристроенной к деревянному угловому дому на правой половине участка (№ 18). Возведенное на рубеже XVIII–XIX вв. двухэтажное каменное здание перестроили в 1826 г., расширив и повысив на этаж по проекту архитектора А. З. Комарова. Позднее его надстроили еще на этаж. В 1884–1885 гг. ученик Академии художеств, будущий знаменитый живописец В. А. Серов снимал здесь комнату на втором этаже. На первом этаже традиционно находились торговые помещения¹⁴.

Прихожанами храма были архитекторы Р. Бернгард, Н. Брюлов, А. Буш, К. Вербицкий, Р. Шмеллинг, Г. Штегеман, Э. Шитт, В. Розинский, Р. Бергман, Ф. Алиш, А. Дмитриев, художницы И. Вальтер, М. Курт, гравер Ф. Иордан, живописцы Н. Лоренц, Г. Манизер¹⁵.

Журнал «Зодчий», сообщая о начале постройки новой лютеранской церкви на Васильевском острове, отмечал: «Постройка церкви всегда была и будет одной из самых интересных и художественных задач архитектуры; это памятник, который переживет многие столетия и служит потомкам красноречивым свидетелем состояния искусства своей эпохи»¹⁶. Храм Святого Михаила, безусловно, принадлежит к таковым и как памятник духовной жизни.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 1293. Оп. 113. Д. 176. Л. 1–1 об.

² Никитенко Г. Ю. Васильевский остров. СПб., 1999. С. 392.

³ Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга. СПб., 1996. С. 252.

⁴ Зодчий. 1872. № 2. С. 19.

⁵ РГИА. Ф. 1293. Оп. 113. Д. 176. Л. 7; Зодчий. 1874. № 8, 9. С. 115–116.

⁶ Евангелическо-лютеранская церковь Святого Михаила. Публикация о Карле Бульмеринге в приходской группе ВКонтакте. URL: <https://vk.com/spbstmihail> (дата обращения 27.01.2020 г.).

⁷ Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга. СПб., 1996. С. 252.

⁸ Зодчий. 1877. № 9. С. 43–44.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 2369; Оп. 59. Д. 21. Л. 2–9.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 59. Д. 21. Л. 26.

¹¹ Там же.

¹² РГИА. Ф. 1293. Оп. 113. Д. 176. Л. 8.

¹³ Там же. Л. 12–12 об.

¹⁴ *Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д.* Василеостровский район. СПб., 2002. С. 418.

¹⁵ Евангелическо-лютеранская церковь Святого Михаила. Прихожане. URL: spbstmihail.jimdo.com (дата обращения 27.01.2020 г.).

¹⁶ Зодчий. 1874. № 8 и 9. С. 115.

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ И ПАМЯТНИКИ ДРЕВНОСТИ

В ИСТОРИИ можно найти немало примеров заинтересованного отношения монарших особ к археологическим исследованиям, выразившегося и в прямом их участии в археологических раскопках, в инициативе организации подобных работ, и особенно в покровительстве и финансировании деятельности археологов. Не была исключением и династия Романовых, представители которой занимали российский престол чуть более трехсот лет. Еще во времена Алексея Михайловича было обращено внимание на широкий размах деятельности «бугровщиков», грабивших курганы в Южной Сибири¹. В 1684 г. после находки костей мамонта на Дону под Воронежем, принятых за останки великана — «волота», курскому воеводе была послана грамота великих государей с приказанием «откопать, а откопав, кости измерить, какова которая кость мерою в длину и в толщину и написать на роспись и на чертеже начертить. Да о том к нам в г. писать»². Впрочем, вряд ли информация об этой находке была доведена до юных царей.

Осознанный интерес к вещественным древностям среди российских правителей мы встречаем, начиная только с Петра I. Не случайно и то, что время его правления стало началом отечественной археологии. Ряд указов и распоряжений великого реформатора России положили начало целенаправленным поискам, коллекционированию и описанию древних вещей и памятников. Указ от 13 февраля 1718 г. гласил: «...Ежели кто найдет в земле или воде какие старые вещи... также какие старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, таже бы приносили...»³. Еще ранее, в 1714 г., была создана Кунсткамера — первый российский музей, куда и стали поступать подобные находки. В 1715 г. уральский промышленник А. Н. Демидов преподнес по случаю рождения наследника престола цесаревича Петра Петровича супру-

ге Петра Екатерине коллекцию «бугровых сибирских вещей». Эти находки заинтересовали царя, и он отдал распоряжение сибирскому генерал-губернатору о розыске подобных вещей для Кунсткамеры. В январе 1716 г. губернатор М. П. Гагарин, выполняя это распоряжение, прислал десять золотых вещей, а в декабре того же года 122 предмета, которые составили основу знаменитой Сибирской коллекции Петра I⁴. В 1721 г. последовал указ сибирскому губернатору А. М. Черкасскому о запрещении переплавлять найденные в могилах старинные золотые вещи и о присылке их в Берг-коллегию для доклада царю. По личной инициативе царя в Сибирь была направлена научная экспедиция под руководством Д. Г. Мессершмидта, в задачи которой в том числе входили и сбор сведений о памятниках старины, и сбор древних вещей. Эта экспедиция одна из первых провела раскопки курганов с научными целями на территории Российской империи.

Петр хорошо знал о местах находок костей мамонта под Воронежем и в 1701 г. показывал их голландскому путешественнику Корнелиусу де Брюнну. А отправляясь в Персидский поход, император побывал на Волге в Булгаре и осмотрел руины древних памятников, следствием чего стало распоряжение об их охране и реставрации. После вступления русских войск в Дербент Петр распорядился произвести обмеры древних укреплений и скопировать надписи. Конечно, эти меры преследовали не только познавательный, но и политический интерес — было важно подчеркнуть лояльность к мусульманским святыням.

Петр I положил начало и покупке древностей за рубежом. При нем и по его распоряжениям в Россию были доставлены первые античные статуи и среди них — такой шедевр, как найденная в Италии статуя Венеры, позже получившая название Таврической.

Эти традиции собирательства художественных произведений древности были продолжены и другими русскими монархами. Собрания Екатерины II положили начало крупнейшему музею России — Эрмитажу. Ее собрание гемм насчитывало более 10 тысяч экземпляров. Самое значительное приобретение было сделано в 1787 г. покупкою коллекции герцога Луи-Филиппа Орлеанского, считавшейся одной из лучших в Европе.

В последующие годы были приобретены геммы из коллекции принца Конти, художника Ж. Б. Казановы, собрание И. Франца, хранителя венского Кабинета древностей. В 1785 г. Екатерина II купила за 23 тысячи фунтов стерлингов коллекцию древней скульптуры, собранную на протяжении многих лет английским банкиром Д. Лайд-Брауном и насчитывающую 260 предметов⁵.

Эрмитажные собрания продолжали пополняться и при наследниках Екатерины II. В 1805 г. большое собрание античных гемм подарил Александру I дипломат Н. Ф. Хитрово, бывший представителем России во Флоренции, а 1814 г. в качестве дара Александру I от Жозефины Богарне в Петербург прибыла жемчужина эрмитажного собрания гемм — камья Гонзага. В 1818 г. император Александр I посетил Керчь, где ему были показаны раскопки на горе Митридат, открытые склепы и гробницы, а также коллекции, собранные Полем де Брюксом (Дюбрюксом). Всё это понравилось императору, он повелел де Брюксу проводить дальнейшие раскопки и наградил его бриллиантовым перстнем. Еще ранее, в 1804 г., Александр выделил две тысячи рублей из средств Кабинета на поездку в Северное Причерноморье хранителя I отделения Эрмитажа Е. Е. Кёлера. По возвращении из этой поездки Кёлер поднес императору собранную коллекцию античных монет и других древностей, за что получил 1800 рублей и перстень. А в 1822 г. по результатам новой экспедиции Кёлера в Крым было издано специальное распоряжение «О средствах к сохранению древних достопамятностей Тавриды» и выделено на эти нужды 10 тысяч рублей. Это первый в России случай выделения значительных средств на охрану древних памятников⁶.

Немалое внимание вопросам охраны и изучения древних памятников истории и культуры уделял Николай I. Уже в самом начале его царствования, в 1826 г., последовал циркуляр всем губернаторам с требованием доставления сведений о древних памятниках архитектуры и воспрещении разрушать их. В течение его 30-летнего правления еще неоднократно принимались подобные постановления. Особое внимание Николай обращал на памятники русской истории и культуры⁷. В 1830 г. императору были представлены великолепные находки скифских вещей, сделанные в кургане Куль-Оба близ Керчи. Они настоль-

ко заинтересовали царя, что он повелел продолжать раскопки и выделил на их проведение ежегодные денежные средства. Собственно, с этого времени начинается история целенаправленных и постоянных археологических раскопок в России, финансируемых правительством. В 1854 г. на средства, выделенные императором из сумм своего Кабинета (почти 30 тысяч рублей), было осуществлено роскошное трехтомное издание «Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа», которое содержало описание и рисунки всех наиболее значимых и интересных вещей, найденных в ходе этих раскопок. Тираж издания составил всего 200 экземпляров, и книга рассылалась в качестве подарков иностранным королевским дворам, музеям и обществам.

Во время заграничных путешествий российские монархи нередко посещали крупнейшие европейские музеи, собрания древностей и раскопки. Так, в 1845 г. Николай I почти целый день провел на раскопках Помпей. Неаполитанским королем были преподнесены в дар все предметы, найденные в этот день в присутствии коронованных особ. Среди этой коллекции, поступившей в Императорский Эрмитаж, особым шедевром являлся бронзовый бюстик юного Калигулы, служивший гирей ручных весов. В царских резиденциях появляются здания и интерьеры, оформленные в «помпеянском» стиле. Это «Царицына дача» в Петергофе, где в пол столовой была вмонтирована подлинная мозаика из Помпей, некогда подаренная Наполеону, или «Дворец Лейхтенбергских» в Сергиевке⁸. Посещал император и Керчь, где ему были поднесены хлеб-соль на «серебряном блюде царице Рискупорис», найденном в 1837 г. в гробнице так называемой супруги боспорского царя Рискупорида II.

По инициативе Николая I произошло и заметное пополнение «антиками» эрмитажных собраний: в 1830 г. в Варшаве была приобретена ценная коллекция гемм, принадлежащая археологу К. Веселовскому; в 1834 г. свыше тысячи античных ваз и множество бронз и терракот были куплены у римского антиквара Джузеппе Антонио Пиццати; в 1852 г. более 300 ваз и 54 скульптуры были приобретены из собрания графа И. С. Лавалы. На эти и другие не менее ценные приобретения было истрачено несколько сот тысяч рублей, что по тем временам

составляло громадную сумму. Приобретенный лично царем участок земли для раскопок в Риме на Палатинском холме был уступлен папскому правительству за несколько античных статуй, бюстов и барельефов⁹. Известно, что Николай I много времени уделял «своему императорскому Эрмитажу», который с 1852 г. приобрел черты публичного музея, постоянно вмешивался в его дела, зачастую определяя, где и как должна была быть выставлена та и или иная вещь или картина¹⁰. Самое крупное и ценное приобретение античных памятников, включающее в себя около сотни скульптур и больше 500 расписных ваз, происходящих из коллекции маркиза Д. Кампаны, было сделано в 1861 г. по распоряжению уже следующего императора, Александра II. А в 1864 г. он приказал приобрести для Эрмитажа за шесть тысяч рублей находки из скифского кургана Хохлач, раскопанного на окраине Новочеркасска.

В царствование Николая I в Петербурге было учреждено Археолого-нумизматическое общество (с 1851 г.—Русское археологическое общество), которое получило наименование Императорского, а его председателем был утвержден зять императора — муж его любимой старшей дочери Марии герцог Максимилиан Лейхтенбергский. Это назначение не было случайным, так как герцог имел даже опыт самостоятельных археологических раскопок в Египте — «между Сфинксом и Великой пирамидой». В ходе этих работ были найдены саркофаги членов семьи царя Амасиса, поступившие в 1852 г. вместе с несколькими другими предметами из его коллекции в Императорский Эрмитаж, украсив собой собрание египетских древностей¹¹. (Они до сих пор встречают посетителей, входящих в зал, посвященный Древнему Египту.)

Традиция руководства Русским археологическим обществом «августейшими особами» сохранялась и в последующее время; так, в 1852—1892 гг. председателем общества был великий князь Константин Николаевич, а с декабря 1892 г. до своей кончины, последовавшей 2 июня 1915 г., — его сын великий князь Константин Константинович. В январе 1916 г. председателем РАО был утвержден великий князь Георгий Михайлович, известный нумизмат, подготовивший роскошный «Корпус русских монет», а с 1904 г. возглавивший Нумизматическое отделение общества.

Императоры Александр III и Николай II считались официальными покровителями общества, а многие представители императорской фамилии — почетными членами¹². Неоднократно монархи оказывали различные знаки внимания к деятельности общества. В 1871 г. по случаю 25-летнего юбилея был получен рескрипт от Александра II, в котором отмечались заслуги общества по распространению истинных знаний и говорилось, что «желая явить знак Моего внимания к заслугам Общества, Я вместе с сим повелев в дополнение к получаемому им пособию, отпускать еще по две тысячи рублей в год. Надеюсь, что и впредь Общество будет продолжать ревностно и плодотворно трудиться на пользу науки и государства»¹³. Подобный же рескрипт был получен и в 1896 г. от Николая II по случаю 50-летнего юбилея общества. А благодаря ходатайству Константина Константиновича, который с 1889 г. являлся президентом Академии наук и также был широко известен в качестве поэта, пишущего под псевдонимом «К. Р.», казенная пятитысячная субсидия была увеличена еще на 3 тысячи рублей ежегодно. Благодаря ему же общество получило постоянное помещение в доме Государственной канцелярии на Литейном проспекте, 44. Несколько раз великий князь добивался выделения средств на отдельные экспедиции и ряд изданий общества. С. А. Жебелев отмечал внимание и заинтересованность, с которыми он слушал доклады на заседаниях¹⁴. При работе над драмой «Царь Иудейский» Константин Константинович постоянно консультировался с М. И. Ростовцевым по поводу исторических реалий той эпохи и в благодарность за помощь посвятил ему свой перевод греческой эпиграммы, найденной в Нимфее¹⁵.

Великий князь Николай Николаевич, будущий главнокомандующий русской армией на Балканах в русско-турецкой войне, в 1872 г. посетил Египет. По случаю приезда высокопоставленной особы в каирском театре дали представление оперы Верди «Аида», костюмы и декорации для которой были изготовлены под руководством директора Каирского музея древностей Огюста Мариетта. Он же сопровождал великого князя во время осмотра музея и недавно открытого некрополя в Саккаре, где в гигантских саркофагах были захоронены мумии священных быков Аписа. В завершение великий князь осмотрел внутренние

помещения и поднялся на вершину пирамиды Хеопса¹⁶. В 1890 г. цесаревич Николай Александрович (будущий император Николай II) во время своего длительного путешествия по странам Востока также ознакомился с монументальными памятниками Древнего Египта. Фотографии запечатлели его со спутниками, сидящим на статуе Рамзеса II в Мемфисе, и рядом с большим сфинксом на фоне пирамиды Хеопса в Гизе.

Некоторые представители династии Романовых и сами производили раскопки, особенным интересом к археологии отличался пятый сын Александра II великий князь Сергей Александрович. В 1875 г. во время путешествия по Южному берегу Крыма, в котором участвовали великие князья Сергей и Павел Александровичи, Александр, Николай и Георгий Михайловичи, были проведены раскопки гробниц близ Гаспры, осмотрены дольмены и памятники Херсонеса и Ялты. Сопровождал великих князей известный русский археолог, председатель Московского археологического общества граф А. С. Уваров. В начале следующего года он был специально приглашен в Петербург для чтения лекций по археологии. В архиве Уваровых сохранилась «Программа пяти лекций, читанных вел. князьям Сергею и Павлу Александровичам в январе — феврале 1876 года», представляющая собой развернутый план и тезисное изложение содержания лекций¹⁷. В дневниках великих князей присутствуют записи, свидетельствующие о неподдельном интересе, который вызывали эти занятия. К лету 1878 г. был разработан маршрут путешествия великих князей по городам северо-западной России, включавший посещение и знакомство с памятниками Новгорода и Пскова. В рамках этого путешествия были проведены и раскопки курганной группы на берегу реки Великой в Псковской губернии. Помимо Сергея и Павла Александровичей, в этих работах принимали участие их двоюродные братья Константин и Дмитрий Константиновичи. Обнаруженное в одном из курганов погребение по обряду кремации Сергей Александрович разбирал собственноручно, а все найденные вещи поступили в созданный им Археологический кабинет¹⁸. Впоследствии великий князь проводил раскопки в Чернево и в своем имении Ильинском под Москвой, содействовал организации русских раскопок в Иерусалиме. Многие находки, как

и предметы русского искусства XVII–XIX вв. из его личных коллекций, были им переданы Московскому историческому музею, председателем правления которого он являлся с 1881 г. В 1890 г. Сергей Александрович был почетным председателем VIII Археологического съезда, проходившего в Москве, а в 1892 г. он уже в должности генерал-губернатора Москвы принимал участие в церемонии открытия и работе Международного конгресса по доисторической археологии и антропологии, открывшегося 1 августа в Московском университете. Он всегда живо интересовался всеми делами Исторического музея, много сделал и для создания Музея изящных искусств (ныне Музей имени А. С. Пушкина в Москве). По свидетельству И. Е. Забелина, Сергей Александрович вынашивал планы организации масштабных раскопок на территории Кремля¹⁹. Великий князь был одним из инициаторов создания и председателем Палестинского общества, почетным членом многих археологических обществ и Русского археологического института в Константинополе, с 1886 г. являлся официальным покровителем Санкт-Петербургского археологического института. С.-Петербургский археологический институт (основан Н. В. Калачевым в 1878 г.) активно участвовал в праздновании 300-летия дома Романовых в 1913 г., специально подготовив ряд изданий к этой дате. Московский археологический институт (основан в 1907 г.) также выпустил к этому юбилею несколько изданий, организовал выставку и целый археологический съезд под председательством великого князя Александра Михайловича, а также получил официальное название «имени императора Николая II».

Великий князь Александр Михайлович с 1896 г. проводил раскопки на территории своего имения Ай-Тодор вблизи Ялты в Крыму. С 1901 г. в качестве научного консультанта к этим работам был привлечен М. И. Ростовцев. В результате многолетних раскопок, проводимых на личные средства Александра Михайловича, был открыт единственный известный в Крыму регулярный римский военный лагерь — место стоянки легионов — Харакс.

2 февраля 1859 г. император Александр II утвердил положение об Императорской Археологической комиссии, положив начало первому государственному учреждению отечественной

археологии. С 1880-х гг. Императорская Археологическая комиссия располагалась в верхнем этаже одного из павильонов здания Эрмитажа, а затем переехала в более благоустроенные помещения в Зимнем дворце. С первого года своего существования Археологическая комиссия развернула масштабные раскопки, в основном в Северном Причерноморье, значительно пополнившие собрания Императорского Эрмитажа. Со временем комиссия стала устраивать ежегодные выставки наиболее значимых в научном отношении, ярких и эффектных находок. Это были тоже своего рода «отчеты» (помимо печатного), показывающие, на что она расходовала государственные средства. Часто эти выставки, устраиваемые первоначально в залах Эрмитажа, а потом в собственных помещениях в здании Старого Эрмитажа, посещали и императоры с семьями. Иногда публиковались и специальные каталоги подобных выставок, предназначенные в первую очередь для царя²⁰. Информация о подобных «высочайших посещениях» публиковалась в изданиях Археологической комиссии и столичных газетах. Так, «Известия Археологической комиссии» в 1904 г. сообщали: «9 апреля в 2 ч. 50 м. Их Величества... прибыли в помещение Императорской Археологической Комиссии, где были встречены председателем комиссии гофмейстером графом А. А. Бобринским, товарищем председателя академиком В. В. Латышевым и членами комиссии Н. И. Веселовским, А. А. Спицыным, Б. В. Фармаковским и П. П. Покрышкиным»²¹. Поздоровавшись со встречавшими лицами, монарх с супругой прошли в первую комнату, где смотрели предметы, добытые раскопками В. И. Каменского на неолитических стоянках близ Балахны на р. Оке, а также коллекции каменного века с верховьев Волги и оз. Бологого. В других комнатах царь с царицей осмотрели материалы курганных раскопок А. А. Бобринского и Н. И. Веселовского в Среднем Поднепровье и на Кубани, их особое внимание привлекли вещи из раскопок Херсонеса и Керчи. В последней, четвертой, комнате монаршие особы осмотрели древнерусские материалы из раскопок В. Н. Глазова и Н. И. Репникова, а фотограф комиссии преподнес царю фотоальбом с изображением фресок Спасо-Нередицкой церкви. Осмотр выставки занял более часа. Важно отметить, что царю демонстрировали не

только высокохудожественные вещи, но и рядовой археологический материал, то есть тем самым давалось адекватное представление о деятельности археологов как ученых, исследующих древнейшее прошлое, а не «раскопщиков», добывающих ценные экспонаты для музеев.

В феврале 1913 г. Николай II посетил Археологическую комиссию с дочерьми и другими родственниками²². Здесь особый его интерес вызвали древности Ольвии, Полтавский клад, находки из скифского царского кургана Солоха. С замечательных произведений искусства, найденных при раскопках Солохи, художником М. В. Фармаковским были изготовлены рисунки, предназначавшиеся в подарок от русского императора германскому кайзеру Вильгельму II, слывшему знатоком и любителем археологии. Возможно, об этом посещении царя рассказывал своим домочадцам А. А. Спицын, утверждая, что даже спорил с ним по поводу некоторых вещей и перемигивался с явно скучающими принцессами²³. В марте того же года Археологическую комиссию посетила вдовствующая императрица Мария Федоровна с дочерью, и Марией Александровной, герцогиней Саксен-Кобург-Готской, а император Николай II нанес визит в Музей антропологии и этнографии Академии наук, где наряду с осмотром этнографических коллекций обратил особое внимание на палеолитические материалы из Сибири, собранные И. Т. Савенковым. Подобные визиты, которые широко освещались прессой, способствовали росту авторитета Археологической комиссии и археологической науки в целом в обществе, придворных кругах и, что особенно важно, в глазах административно-чиновничьего аппарата. Соответственно, формирование подобного имиджа археологии в качестве социально значимой и полезной для государства науки могло облегчать неизбежные контакты археологов с местным начальством и требовать от такового содействия их полевым работам.

Зачастую визиты царя на раскопки или другие встречи с ним археологов имели не только помпезный, но и деловой характер с серьезными последствиями. Так, новый этап в археологических исследованиях Херсонеса начался после его посещения императором Александром III летом 1886 г., причем монарх был возмущен безобразиями, там творившимися²⁴. Председатель

Московского археологического общества графиня П. С. Уварова на следующий год обратилась к императору с ходатайством о возобновлении раскопок «русской Помпеи», предлагая поручить их Московскому обществу²⁵. На этом прошении Александр III наложил резолюцию: «Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров»²⁶. В свою очередь, председатель Археологической комиссии граф А. А. Бобринской добился, чтобы эти раскопки были переданы в ведение комиссии, а на их проведение ежегодно стало выделяться шесть тысяч рублей. В 1888 г. начались работы в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича, который был принят в штат комиссии. В следующем году Бобринскому, несмотря на активное сопротивление Московского археологического общества, развернувшего большую полемику в прессе, удалось добиться подписания Александром III указа от 11 марта 1889 г., предоставлявшего комиссии исключительные права на выдачу открытых листов для раскопок на всех казенных, общественных и церковных землях и контроль за охраной и реставрацией монументальных памятников древности. Несомненно, что провести этот указ, действительно превращавший комиссию в центральное археологическое учреждение страны, удалось только пользуясь личными связями с императором²⁷.

Александр III впоследствии еще несколько раз посещал Херсонес. Об одном из таких визитов, состоявшемся в мае 1893 г., К. К. Косцюшко-Валюжинич составил подробный рапорт в комиссию: «...Выйдя из экипажа, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО тотчас узнал те мраморы, сложенные впереди музея, которые до 1889 года находились в аллее около жилого дома настоятеля монастыря; обратил внимание на красивый орнамент иконостасных плит (из храма № 7, раскопка 1891 г.), выразил сожаление, что часть северного берега обрушилась в море и унесла с собой и часть (левый придел) находящихся там храмов, и спросил, много ли уже раскопано в Херсонисе, на что я имел счастье отвечать ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, что расследована, приблизительно, одна сотая часть Херсонисского городища и обширных некрополей... Войдя в музей, ИХ ВЕЛИЧЕСТВА весьма подробно осмотрели все древности, начав с классических, а именно с гражданской присяги херсонисцев конца IV в. ... Мною были объяснены

наиболее интересные древности, причем ИХ ВЕЛИЧЕСТВА неоднократно удостаивали меня вопросами. Осматривая три мраморные подножия от статуй, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволил заметить, что самих статуй, конечно, не найдено, на что я имел счастье ответить, что найден пока лишь один большой кусок от мраморной статуи, по-видимому, римского сановника... ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР не оставил Своим высоким вниманием ни одной интересной находки, удивился большому количеству глиняных лампочек, рассматривал железный якорь, каменные ядра, огромные пифосы и даже о собрании амфорных ручек с именами астимонов (так в тексте, правильно — астиномов. — И. Т.), — милостиво выслушав мое объяснение о значении их для истории Херсониса, — изволил заметить... что это очень интересный вопрос... На вопрос ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, кому принадлежит здание, занимаемое музеем, я имел счастье пояснить, что оно выстроено ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической комиссией, причем счел долгом обратить внимание ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, что всеми археологическими сокровищами, собранными в течение пяти лет, наука всецело обязана ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, вследствие последовавшего ВЫСОЧАЙШЕГО повеления о передаче Херсониских раскопок в ведение ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической комиссии, на что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ угодно было осчастливить меня словами: „Теперь виден порядок“»²⁸.

В 1900 г. по инициативе А. А. Бобринского был составлен специальный «Очерк деятельности Императорской Археологической комиссии в царствование Александра III»²⁹, основной целью которого было, апеллируя к сыновним и патриотическим чувствам Николая II, добиться увеличения штатов комиссии и выделения новых средств на раскопки. Призывая царя сделать то же для Ольвии, что его отец, предшествующий император, сделал для Херсонеса, Бобринский сумел решить эти задачи, что позволило увеличить жалование сотрудникам комиссии, расширить ее штат и начать в 1901 г. масштабные раскопки Ольвии, порученные Б. В. Фармаковскому.

В августе 1913 г. А. А. Бобринскому удалось организовать визит Николая II в Херсонес, который он не без присущих ему иронии и юмора описал в частном письме к Б. В. Фармаковскому от

16 августа 1913 г.: «...Показали мы Государю: могилу мучеников, башню, музей, город с башнями, мозаичные полы храмов и т. д. Для первого номера (могила мучеников) выписал я из Кореи-за (по его желанию) М. И. Ростовцева. Конституционист-либерал-профессор приехал в соломенной шляпе и пиджаке, для чего сделал (с 5-ти часов утра) 80 верст в автомобиле. Усерднейше показывал, доказывал, объяснял, предлагал таблицы будущего издания и стоял под зноем без шляпы до того, что Государь двукратно просил его покрыться... За пиджак Ростовцева я извинился перед Государем, предполагая, „что Вашему Величеству важнее были знания М[ихаила] И[вановича], чем его мундир“ — „Конечно, конечно!..“»³⁰. Главным результатом этой встречи, продлившейся несколько часов при тридцатиградусной жаре (!), стало распоряжение царя о выделении специальных средств на публикацию фундаментального труда М. И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России», который вскоре вышел в свет.

Сын графа А. А. Бобринского в своих воспоминаниях об отце приводит два эпизода, когда для решения вопросов, связанных с охраной памятников древности, понадобились встречи с Николаем II. Первый был связан с необходимостью некоторого изменения трассы железной дороги, угрожавшей храму Спаса на Нередице, а второй с попыткой прекратить использование о. Березань в качестве полигона для корабельной артиллерии. Первый вопрос решить удалось, второй нет³¹.

Подводя итоги, следует заметить, что, никоим образом не преувеличивая роль русских монархов в процессе становления и развития отечественной археологии, которая особенно в конце XIX — начале XX в. развивалась бы и без их благосклонного внимания, определенным образом они все-таки содействовали ее успехам. Это содействие выражалось, прежде всего, в пополнении археологических собраний российских музеев за счет различных приобретений как внутри страны, так и за рубежом, финансировании в ряде случаев деятельности археологических организаций и отдельных археологов. Еще бóльшую роль играло их участие в создании благоприятного для археологии имиджа в обществе как серьезной, нужной, полезной для государства сферы занятий. Можно отметить и некоторое изменение роли

царственных особ в развитии нашей науки на протяжении двух столетий. Если в XVIII в. Петр I и Екатерина II своими действиями и страстью к коллекционированию сами подавали пример окружающим, часто оказываясь инициаторами тех или иных начинаний; если Николай I со свойственной ему привычкой вникать во все мелочи и детали как рачительный хозяин распоряжался, как поступить с той или иной вещью из раскопок, то Александр II, Александр III и Николай II выполняли уже скорее функции верховной власти, реагирующей на запросы ученой среды. Нередко интерес царственных особ к археологии имел под собой и далекие от чистой науки соображения. Ведь Херсонес в их глазах был не только крупнейшим центром античной и византийской культуры в Крыму, но и местом, где киевский князь Владимир принял христианство, да здесь же находилась и главная база Черноморского флота. Открытие единственного заграничного учреждения российской археологии — Русского археологического института в Константинополе, устав которого Александр III утвердил в 1894 г., преследовало и явные политические цели по распространению русского влияния в Османской империи и на Балканах³².

Все эти традиции меценатства российских правителей по отношению к археологии оказались резко оборваны в 1917 г. со свержением монархии в России.

Примечания

¹ Пекарский П. П. Известие времен царя Алексея Михайловича о золотых и серебряных вещах и посуде, попадающихся в татарских могилах в Сибири // Известия РАО. СПб., 1865. Т. V. Ст. 38–40.

² Замятнин С. Н. Первая русская инструкция для раскопок (Находка костей «волога» в 1679 г.) // СА. 1950. Т. 13. С. 287.

³ Охрана памятников истории и культуры в России XVIII–XX вв. М., 1978. С. 21.

⁴ Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. М.; Л., 1962. С. 11.

⁵ Тихонов И. Л. Археология в Императорском Эрмитаже // Российский археологический ежегодник. СПб., 2014. № 4. С. 428.

⁶ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX вв.). СПб., 2002. С. 67, 81.

⁷ *Высокотков Л. П.* Император Николай I и русские древности // Исследования по русской истории: сборник статей к 65-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб.; Ижевск, 2001. С. 267–276.

⁸ *О. Н. [Неверов О. Я.]* Петербургские собиратели античных памятников. Романовы — коллекционеры // Санкт-Петербург и античность. СПб., 1993. С. 43–44.

⁹ Императорский Эрмитаж. 1855–1880. СПб., 1880. С. 13.

¹⁰ *Врангель Н. Н.* Искусство и Государь Николай Павлович // Старые годы. 1913. Июль — сентябрь. С. 53–64.

¹¹ История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 235; *Golenischeff W.* Ermitage Imperial. Inventaire de la collection egyptienne. Leipzig, 1891. P. 97.

¹² *Веселовский Н. И.* История Императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896. СПб., 1900. С. 427.

¹³ Там же. С. 84.

¹⁴ *Жебелев С. А.* Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования (1897–1921): Исторический очерк. Приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924) / отв. ред., сост., вступит. статья И. В. Тункиной. М., 2017. С. 31.

¹⁵ *Зуев В. Ю. М. И.* Ростовцев и великий князь Константин Константинович // Скифский роман. М., 1997. С. 235.

¹⁶ *Белова Г. А., Шеркова Т. А.* Русские в стране пирамид. Путешественники, ученые, коллекционеры. М., 2003. С. 154.

¹⁷ *Стрижова Н. Б.* Архив А. С. и П. С. Уваровых в Отделе письменных источников Государственного исторического музея // Очерки истории отечественной археологии. М., 1988. С. 95.

¹⁸ [*Соколов Н. Н.*] Журнал курганных раскопок, произведенных Их Императорскими Высочествами великими князьями Сергием и Павлом Александровичами, Константином и Дмитрием Константиновичами на Лыбутской местности (в даче дер. Ерусалимской Сидоровской вол. Псковск. у.) июля 11 дня 1878 года. Псков, 1879. С. 5.

¹⁹ *Забелин И. Е.* Дневники. Записные книжки. М., 2001. С. 155.

²⁰ Выставка древностей, представляемых Императорской Археологической комиссией на воззрение государя императора. СПб., 1894.

²¹ Высочайшее посещение Императорской Археологической комиссии // ИАК. 1904. Вып. 9. Археологическая хроника. С. 1.

²² Высочайшие посещения Императорской Археологической комиссии и музеев // ИАК. 1914. Прибавление к вып. 56 (Хроника и библиография, вып. 26). С. 1.

²³ Тихонов И. Л. «Интерес к археологии появился у меня в университете». А. А. Спицын // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб., 2003. Т. II. С. 107.

²⁴ Очерк деятельности Императорской Археологической комиссии в царствование Александра III // НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. 1900 г.

²⁵ Об этой истории в форме художественной прозы рассказывает А. И. Романчук в своей популярной книжке «Возрождение античного города» (Свердловск, 1991. С. 6–24).

²⁶ Обзор деятельности Министерства Императорского двора и Уделов за время царствования в Бозе почившего Государя императора Александра III. 1881–1894. СПб., 1901. Ч. 1, кн. 2. С. 126.

²⁷ Тихонов И. Л. Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А. А. Бобринской // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию А. А. Формозова. СПб., 2003. С. 103–104.

²⁸ НА ИИМК РАН РО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. 1900 г. Л. 62–64.

²⁹ Там же.

³⁰ Зуев В. Ю. М. И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман. М., 1997. С. 67.

³¹ Бобринской А. А. Граф Алексей Александрович Бобринской 1852–1927. (Сын об отце) / подгот. к публ., предисл. и примеч. И. Л. Тихонова // Культурное наследие Российского государства. Вып. IV. СПб., 2003. С. 516–517.

³² Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе. Очерк истории. СПб., 1999. С. 20–25.

**А. П. ОСТРОУМОВА-ЛЕБЕДЕВА.
ИЛЛЮСТРАЦИИ К КНИГЕ Н. П. АНЦИФЕРОВА
«ДУША ПЕТЕРБУРГА»**

В ИСТОРИЮ русской художественной культуры Анна Петровна Остроумова-Лебедева вошла как пионер авторской гравюры на дереве. Основной темой ее гравюр — станковых листов и серий, иллюстрационных циклов, художественных открыток — был Петербург. С 1903 г. Остроумова постоянно сотрудничала с Общиной Св. Евгении, специализировавшейся на выпуске художественных открытых писем: целый ряд пейзажей столицы и пригородов был сделан художницей именно для издательства Общины. К самым знаменитым работам художницы принадлежат станковые цветные ксилографии 1908—1910 гг., составившие серию так называемых «больших Петербургов».

Первым же обращением к петербургской теме были девять черно-белых гравюр, предназначенных для журнала «Мир искусства», сделанных по заказу Сергея Дягилева в 1901 г. Они были воспроизведены в журнале в 1902 г., сопровождая программный текст Александра Бенуа «Живописный Петербург». В 1912 г. Остроумова работала над оформлением книги Владимира Курбатова «Петербург» (издание Общины Св. Евгении, 1913). К этому времени Остроумова, как и ее коллеги по «Миру искусства» — давно сформировавшиеся, признанные мастера со своим узнаваемым почерком. Манера художницы — уплощенное и обобщенное изображение черным силуэтом, оттененным белыми штрихами-бликами и выразительной линией. Остроумова сделала для этого издания 24 черно-белые заставки. (Правда, в книгу объемом более 600 страниц вошло 315 иллюстраций — на страницах были помещены многочисленные фотографии, представляющие огромный документальный интерес, но собственно чистоты книжного ансамбля, состоящего из законченного и гармоничного цикла черно-белых композиций одного художника, не получилось.) Произведения этого цикла сочетают лучшие черты модерна и неоклассического стиля; они

гармоничны и уравновешенны. Лаконизм в отборе деталей не переходит в аскезу или агрессивную лапидарность.

После Октябрьского переворота 1917 г. Остроумова, прежде активная путешественница, три года не выезжала за пределы Петрограда. Любимый город стал не просто основным, но единственным пейзажным мотивом художницы. Остроумова много рисовала, в 1918 сделала целый ряд акварелей, приобретенных разными музеями и коллекционерами.

Иллюстрации 1920 г. к книге «*Душа Петербурга*» Николая Павловича Анциферова можно считать первым гравированным петербургским циклом Остроумовой в новую историческую эпоху. К началу 1920-х гг. Остроумова-Лебедева уже была не просто признанным мастером гравюры на дереве, но живой «классикой» Северной столицы. И приглашение ее к участию в издании подчеркивало определенный культурный код. Иллюстрации были заказаны художнице издательством Брокгауза в 1920, но книга вышла только в 1922. В предисловии к тексту Иван Гревс отметил то «большое благо, что А. П. Остроумова-Лебедева украсила ее своими превосходными рисунками, так тонко схватывающими петербургский пейзаж, так верно отражающими душу города»¹, подчеркивая значение и смысл работ художницы. Сергей Эрнст, в это же время писавший монографию об Остроумовой, так же образно говорил о произведениях: «они дают некий образ его души, то сложное и единственное ощущение, что мы называем чувством Петербурга»².

О своеобразной, пронзительной красоте умирающего Санкт-Петербурга в послереволюционные годы писали многие деятели культуры Серебряного века — в прозе, стихах, дневниках, мемуарах. Город рубежа 1910–1920-х запечатлен во многих произведениях живописи и графики. Прежде всего — в работах мастеров объединения «Мир искусства». Остроумова-Лебедева в 1922 создала еще один цикл с видами современного города — альбом литографий «Петербург» с предисловием Александра Бенуа, опубликованный в Комитете популяризации художественных изданий. Наиболее острый образ послереволюционного города в печатной графике создал Мстислав Добужинский в альбоме литографий «Петербург в двадцать первом году»³, изданном КПХИ в 1923. В альбоме ксилографий Павла

Шиллинговского «Руины и возрождение», вышедшем тогда же, Петроград уподоблен классическому Риму, чьи античные развалины вызывают лишь чувство эстетического благоговения и устойчивые ассоциации с архитектурными фантазмагориями прославленного итальянского гравера XVIII в. Д. Б. Пиранези. «Анциферовские» ксилографии Остроумовой-Лебедевой оставались в тени этих знаменитых произведений, и наш очерк посвящен именно им. На примере иллюстраций к «Душе Петербурга» интересно отметить ее любимые уголки города и проследить собственно творческие задачи художницы. Она была очень требовательным к себе мастером; поэтому любой вариант штриховки, пятна-силуэта, новый ракурс в изображении привычного мотива, всё — плоды тщательных проработок, создающих именно нужный нюанс настроения.

Цикл иллюстраций Остроумовой-Лебедевой состоит из 8 городских пейзажей. Книга Анциферова рассматривает историю «genius loci» города в хронологическом порядке; гравюры и их расположение в книге: фронтиспис и заставки к главам — не имеют определенной хронологической привязки. Эти виды Санкт-Петербурга в строгом смысле слова не являются иллюстрациями к конкретным фрагментам книги, а создают общий фон. Круг мотивов был определен самой художницей.

Фронтисписом стала гравюра «Левый пролет Казанского собора». Эта эффектная композиция в книге приобретает подчеркнуто «литературный» характер, что непривычно для городских пейзажей Остроумовой. Читатель, открывающий книгу, словно приглашен на свидание / знакомство с городом: пролет собора становится естественной рамкой, сквозь которую угадывается набережная Екатерининского канала. Казанский собор ранее не принадлежал к числу излюбленных сюжетов в ксилографиях художницы, и в мемуарах ее мы не найдем посвященного ему пассажа. Однако здесь надо вспомнить ксилографию «Колонны Казанского собора» (1903), награвированную для серии открыток Общины Святой Евгении⁴. В 1918–1919 гг. Остроумова заинтересовалась этим мотивом и сделала несколько акварелей, изображающих колоннаду, левое и правое крылья собора⁵. В гравюре вид сквозь пролет собора впервые оказался воплощен именно в 1920 в анциферовском цикле. Помянутую открытку

и фронтиспис к «Душе Петербурга» роднят как раз эффективность ракурса. В композиции 1903 г. Казанский собор представлен с необычной точки зрения: нет ни всеми узнаваемого характерного силуэта, ни самого фрагмента здания — только вид сквозь колоннаду одного крыла на колонны другого. Непривычно для традиционного вида «памятника», но показательно для эпохи модерна, любящей «острые» разномасштабные сочетания.

Заставкой I главы «Души Петербурга» стала ксилография «Горный институт». Это место появляется в творчестве Остроумовой в 1909 г., она экспонирует на выставках и одноименную акварель, и небольшую ксилографию, отпечатанную также в виде открытки. Ее привлекает не столько здание величественного памятника классицизма, сколько удивительно цельный городской «пейзаж настроения», складывающийся из очертаний края стены с колоннадой, изломанного силуэта статуи Прозерпины, тонких корабельных мачт и набережной с крошечным стаффажем. «Похищение Прозерпины», уже детально прорисованное тонким штрихом, стало темой композиции заставки для «Петербург» Курбатова (1912). В 1916 г. Остроумова выбрала Горный институт для экслибриса А. Коленского, выполненного в технике цветной ксилографии. Центром изображения является массивный и величественный фронтон, «оживляемый» силуэтом кораблей. Иллюстрация к Анциферову 1920 г. — более строгая, выверенная вариация данной композиции (строгость достигается как большей лаконичностью композиции, так и монохромностью). Два парусника, изображенные на первом плане, придают ему некий ретроспективный или даже торжественно-вневременной оттенок. Ведь на большинстве других петербургских пейзажей Остроумовой (как и у других художников) первых послереволюционных лет символическая деталь времени — затонувшие, разваливающиеся корабли и барки. Поэтому можно предположить, что эта репрезентативная нота повлияла на постановку иллюстрации первым номером. Ни она, ни другие представленные виды не имеют, повторюсь, конкретных привязок к тексту отдельных глав.

Уголок Летнего сада с Летним дворцом Петра I, Прачечным мостом через Фонтанку (ставший заставкой к III главе) часто встречается в работах Остроумовой, запечатленный с разных

ракурсов. В 1901 (для «Мира искусства») и 1912 (для Курбатова) Остроумова рисовала это место с Пантелеймоновского моста, акцентируя прелестный городской мотив набережной и воды. Обилие живописной штриховки и некая реалистичная «непосредственность» первой работы в 1912 сменились более уплощенной и декоративной композицией с черными пятнами и выверенными скупыми штрихами. В цветной ксилографированной открытке 1909 г., названной «Решетка Летнего сада», внимание автора сосредоточено на переключке ажурных решеток сада и набережной, их противопоставлении каменному массиву моста и глухому силуэту Петропавловской крепости. В «анциферовской» композиции 1920 г. царит гармония и умиротворение: и Дворец Петра, и деревья Сада, и виднеющаяся за ними знаменитая решетка, и мост,— всё в равной степени интересно художнице и будто бы сливается в единый узор, не случайно их «объединяет» поданный на первом плане край огромной барки.

К наиболее сильным образцам вариаций художницы на тему одного и того же мотива, причем поданного с одинакового ракурса, безусловно, принадлежит лист с видом Новой Голландии (им открывалась IV глава «Души Петербурга»). Этот вид — фронтально изображенная арка творения Валлен-Деламота — был сделан в серии ксилографий для «Мира искусства» в 1901, повторен для книги Курбатова в 1912 и вновь изображен в 1920. В каждом случае Остроумову занимала проблема соотношений объемов, света и тени. «Ритм черных и белых пятен заставил жить пейзаж по-новому», — акцентировал Н. В. Синицын, художник-гравёр, ученик Остроумовой-Лебедевой и автор монографии о ней⁶. В листе 1901 г. мрачный черный силуэт арки живописно выделяется среди белых сугробов на фоне серого «штрихованного» неба. Абсолютно другое — кристально ясное и четкое — настроение в гравюре 1912 г., где Новая Голландия представлена на фоне чистого (без характерного для многих листов художницы облачка!) белого неба. Наконец, заставка 1920 г.: монументальная, статичная и мертвенно «пугающая» композиция — белая стена арки с тонким рисующим штрихом на фоне глухого черного неба будто бы уподоблена вратам в злоещее безмолвие. Вероятно, что этот лист

Остроумова более всего ценила из цикла иллюстраций к «Душе Петербурга». Именно «Новую Голландию» художница поспешила послать своему другу, московскому искусствоведу и хранителю Румянцевского музея Николаю Романову летом 1922, как только ей удалось заполучить обратно доски, слишком задержавшиеся в издательстве Брокгауза. «Только вчера мне их, наконец, вернули, и первый мой оттиск посылаю Вам», — писала Остроумова⁷.

Наиболее эмоциональной иллюстрацией к «Душе Петербурга» можно считать «Екатерининский канал» (заставка V главы). Он (в уменьшенном виде) повторяет одноименную цветную ксилографию 1910 г. из знаменитого цикла станковых гравюр, называемых «Большими Петербургами». Цветная гравюра в 4 доски с сочетаниями сближенных серых и сепийных тонов была наполнена мягкостью и элегичностью, повествовала зрителю о прозрачной и призрачной красоте белой петербургской ночи. Черно-белая гравюра 1920 г., иллюстрация, имея ту же композицию, абсолютно другая по настрою. Изображение строится сухими выверенными штрихами, и наискось через весь лист хлещут струи дождя. Пейзаж пронзителен по своему характеру, он холоден, красив и почти безлюден. Примечательно, что эта гравюра — одна из первых, где Остроумова изобразила дождь. (В следующей серии ксилографий — пейзажей Павловского парка 1922–1923 тема создания экспрессивного мрачного пейзажа — с дождем, ветром — всерьез заняла художницу.)

В отличие от прихотливых, не ограниченных в прямоугольни рамок пятен-силуэтов — излюбленного типа изображений для «Петербурга» Курбатова, — основой художественного языка стала жесткая каркасная линия. За исключением последней заставки, изображающей Марсово поле⁸, все остальные композиции заключены в строгие прямоугольные рамки. Жесткие, скупые линии и «суховатые» прямоугольные формы петербургских домов — вот характерные особенности пейзажей этой серии. Четкость и прозрачность петербургского воздуха, город — каркасный, будто бы обнаженный до своего остова. Таковы, прежде всего, «Вид на Биржу» и «Ледоход и крепость». Петропавловская крепость и Стрелка Васильевского острова

принадлежали к числу любимых художницей панорам города, появившихся еще в серии 1901 для «Мира искусства». «Анциферовские» работы напоминают аналогичные листы к «Петербургу» Курбатова 1912. В заставке, изображающей крепость, особенно сильно чувствуется историческое время. В сравнении с листом 1912 г. там появились некие дисбалансирующие детали: дымящая труба и жесткие косые очерки неба, нарушающие застылую тонкую красоту. Город безлюден, но как-то молод и открыт неизвестному будущему. Весна календарная и весна историческая. «Пустынный и тихий, с чистым влажным воздухом, с удивительным небом и сияющими венецианскими gloriaми облаков, с темно-синей и чистой водой Невы», — так Сергей Эрнст образно писал про Петроград в послереволюционных акварелях художницы, но эти слова (убрав «цвет» акварельных красок) можно отнести к этим черно-белым ксилографиям. Однако в связи с этим сюжетом нельзя не упомянуть о фактической неточности: крепость видится с противоположного берега Невы, от Дворцовой пристани со скульптурами львов. Остроумовой изменен реальный ракурс и «забыт» Дворцовый мост, который в 1916 г. уже был построен.

В мемуарах Остроумова упоминала о другой своей сознательной неточности, связанной с видом на Биржу. «Леонтий Николаевич Бенуа, строя на Васильевском острове родовспомогательный институт имени Отто, вытянул громадную трубу фабричного характера как раз за Биржей, тем испортив один из прекраснейших видов города. Конечно, при изображении этого места я ее неизменно выбрасываю»⁹. Сравнивая между собою аналогичные виды 1901, 1912 и 1920 гг., отмечаешь принципиально разную передачу неба. Данная задача всегда привлекала художницу. На работе для «Мира искусства» (1901) с горизонтально вытянутым изображением живописная трактовка: густая, во всю ширину гравюры, как бы небрежная штриховка с белыми клубами облаков. «Убедительный лаконизм»¹⁰ царит на лапидарной композиции к путеводителю Курбатова: отточенные линии и геометризованные пятна зданий, вместо неба — сияющая белизна листа. Наконец, «анциферовская» заставка: незыблемый силуэт стрелки Васильевского острова словно оттенен снизу рекой с мелкими штришками-волнами,

а сверху — тревожным небом с жесткой горизонтальной штриховкой, нарушаемой едва намеченными облаками. «Мне очень нравилось сочетание воды, неба и построек», — отмечала в мемуарах Остроумова¹¹.

VII глава «Души Петербурга» начинается заставкой «Марсово поле». До революции Остроумова-Лебедева не изображала это место. Гравюра к книге создана на основе акварели художницы 1918 г. «Пустынность» — такой эпитет можно сделать главным в характеристике этого листа. Примечательно, что Остроумова, в сравнении со своей акварелью, убрала огромную тень от дома Бецкого, занимавшую всю левую нижнюю часть листа. В воспоминаниях, написанных уже в дни Великой Отечественной войны, Анна Петровна так описывала общее впечатление от революционного времени: «Петроград за эти годы очень изменился. Не стало видно богатых, роскошных экипажей. Исчезла толпа сытых фланирующих людей. Улицы опустели, и город, который раньше был виден как бы до колен, встал во весь свой рост. Бывало, прежде, рисуя его, ждешь иногда несколько минут. Когда пройдет вереница людей и даст возможность определить линию основания здания, колонны, памятника или горизонт над рекой. Сейчас совсем свободно»¹². Так же сдержанно и аккуратно упоминала она о крайне тяжелых условиях жизни. Обостренной, прямо выраженной «социальной» современности нет и в работах художницы.

Итак, пустыньность, мертвенная красота и неприютность города стала общим лейтмотивом анциферовского цикла Остроумовой-Лебедевой. Если попытаться подобрать литературные аналогии к этим работам, то вспоминается Анна Ахматова, знаменитое стихотворение лета 1921 г., где «расхищенное» соседствует с «чудесным».

Всё расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Всё голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?
Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми

Глубь прозрачных июльских небес,—
И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.

В трех «петербургских» сериях: журнальной 1901, «курбатовской» 1912 и «анциферовской» 1920 г. четко обозначились искания художницы; уход от живописной, тональной градации объемов, от дробной штриховки, от сложных пространственных композиций — к лаконичному художественному языку, условной декоративности, четкости и в то же время символистичности каждой детали. Такие принципы лаконичного эстетизма стали характернейшей чертой графики модерна взамен сложной и подробнейшей моделировки, неперменной для предшествующей эпохи. «...линия есть одухотворенные, реально выраженные внешнее впечатление и внутреннее чувство и может быть невыразимой красоты. Это и есть главная сущность гравюры. Линия и совокупность линий», — так позднее формулировала она свое творческое credo¹³.

Казалось бы, круг петербургской интеллигенции 1910–1920-х был достаточно узок, Остроумова и Анциферов вращались в одной и той же среде. Однако они не были близко знакомы. Переговоры о создании иллюстраций Остроумова вела с Ароном Перельманом, заведующим издательством Брокгауза — Эфрона. И когда отданные ею гравированные доски «на 2 дня, для снятия с них гальвано-клише»¹⁴ пролежали в издательстве около года из-за технических трудностей, художница собиралась жаловаться и воздействовать на Перельмана через других общих знакомых и заинтересованных лиц. Наконец, осенью 1922 года книга вышла. Не ставя своей задачей выявить все отзывы на издание, приведем здесь два характерных мнения: от петербургской и московской интеллигенции. В мирискусническом кругу ее ожидаемо хвалили. Из дневника Всеволода Воинова, запись 19 ноября 1922: «Говорили о новой книге Анциферова „Душа Петербурга“. Очень хвалили ее. Белкин только удивлялся, что автор не привел очень важного стихотворения М. Волошина, где, в сущности, чудесно суммированы все

выводы самого Анциферова. Речь перешла на неподражаемую единственную красоту Питера»¹⁵. Официальная рецензия в московском журнале «Печать и революция», написанная Валерием Брюсовым, в оценке текста была негативной, в отношении к оформлению — благожелательной. «Книга издана старательно. Гравюры А. Остроумовой-Лебедевой. Исполненные в ее давно знакомой манере, сами по себе хороши, воспроизведены просто, но хорошо. Но сама надобность такой книги очень сомнительна»¹⁶.

Работа над «Душой Петербурга» не стала поводом для тесного общения автора и художницы в 1920-е. Следующая их встреча случилась только в 1937 г. Николай Павлович, всего лишь несколько лет назад освобожденный из заключения, оказавшись в Ленинграде летом 1937, снял комнату в Детском Селе, где проводила летние месяцы и Анна Петровна. «Бываю... у художницы Остроумовой-Лебедевой»; «Вчера вечером был у Остроумовой-Лебедевой. Она мне много рассказывала о жизни в Коктебеле. <...> С Остр. Леб. мне очень интересно. Она рассказывает о Брюсове, Белом, Волошине. Всех их она рисовала. Ко мне она очень хорошо относится», — писал он жене¹⁷. Остроумова записывала в дневнике: «это время у нас перебивали: <...> Ник. Павлов. Анциферов. Он читал нам свою рукопись о Герцене и Наталии Алекс. Герцен. Я в сущности не поняла — зачем он все это писал? <...> Но сам Анциферов обаятельный прелестный человек, и я рада была его видеть и с ним поговорить»¹⁸. К сожалению, в том же 1937 последовал новый арест Николая Павловича.

Следующая встреча произошла уже после войны, в 1946. Отдыхая в санатории в Териоках (Зеленогорск), он съездил повидаться с художницей и был приглашен на юбилейный вечер, организованный Русским музеем. «Чествование проходило в залах музея. Оно носило очень импозантный характер. Масса чувств и большое количество приветствий со всех концов страны от десятков учреждений; отмечен ее героический труд во время блокады. Оценивали ее как славу русского искусства, как поэта Ленинграда. <...> Встретил массу знакомых, в том числе старика Курбатова¹⁹, который очень удивился, увидев меня, т. к. считал уже умершим. Встречают меня очень тепло»²⁰.

В 1949, поздравляя Остроумову с избранием в действительные члены Академии художеств, Анциферов в личном письме дал ее творчеству искреннюю, образную и точную оценку: «...мне представляется, что у Вас то, что должно быть у всякого большого художника — созданный Вами особый мир, и наша художественная культура имеет Петербург — Ленинград А. П. Остроумовой-Лебедевой. Это действительно особый мир, полный ясной и женственно-нежной прелестью, мир тихий, глубоко задумчивый, светлый и строгий»²¹.

Примечания

¹ Гревс И. М. [Предисловие] // Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Пг., 1922. [С. 9–10.]

² Эрнст С., Бенуа А. Остроумова-Лебедева. Пг., 1923. С. 58.

³ Литографии были выполнены в 1922, и альбом должен был соответственно называться «Петербург в двадцать втором году», но, желая избежать конфликта с цензурой, название изменили. Что, впрочем, не помешало критике обвинить художника в антисоветской агитации, а издательству — получить от Главлита предупреждение. См.: «Мир искусства» [Государственный Русский музей. Каталог]. СПб., 1998. С. 272; «Два века русской литографии» [Государственный Русский музей. Каталог выставки] СПб., 2007. С. 19.

⁴ Для данной серии Общины Св. Евгении Остроумова выполнила в 1903 6 сюжетов с видами Петербурга и пригородов.

⁵ См. список произведений художницы в кн.: Бенуа А., Эрнст С. Остроумова-Лебедева. М., 1923. С. 78–80. Одна из них ныне хранится в собрании Русского музея.

⁶ Симицын Н. Гравюры Остроумовой-Лебедевой. М., 1964. С. 101.

⁷ Остроумова-Лебедева А. П. Черновик письма Н. И. Романову от 7.06.1922 // ОР РНБ. Ф. 1015. Д. 305. Л. 46.

⁸ На авторской ксилографии рамка отсутствует, однако в книге для этой иллюстрации из линеек также была набрана тонкая рамка.

⁹ Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. Т. 2. С. 229.

¹⁰ Определение А. Н. Бенуа (предисловие) // Петербург. Автолитографии А. П. Остроумовой. Пг., 1922.

¹¹ Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. Т. 2. С. 458.

¹² *Остроумова-Лебедева А. П.* Автобиографические записки. М., 1974. Т. III. С. 22.

¹³ *Остроумова-Лебедева А. П.* Автобиографические записки. М., 1974. Т. I–II. С. 178.

¹⁴ *Остроумова-Лебедева А. П.* Черновое письмо к А. Ф. Перельману // ОР РНБ. Ф. 1015. Д. 305. Л. 42–43.

¹⁵ ОР ГРМ. Ф. 70. Д. 582.

¹⁶ *Брюсов В. Я.* Н. Анциферов Душа Петербурга. Пг., 1922 [рецензия] // Печать и революция. 1923. Кн. 3. С. 277–278.

¹⁷ *Анциферов Н. П.* Письма к С. А. Гарелиной от 12.07.1937, от 17.07.1937 // ОР РНБ. Ф. 27. Д. 138. Л. 40 об. Л. 43.

¹⁸ *Остроумова-Лебедева А. П.* Рабочие тетради. Запись от 21.07.1937 // ОР РНБ. Ф. 1015. Д. 53. Л. 156.

¹⁹ Имеется в виду тот самый автор упоминаемого нами путеводителя «Петербург» Владимир Яковлевич Курбатов, химик и историк искусства, близкий друг семьи Лебедевых.

²⁰ Анциферов Н. П. Письмо к С. А. Гарелиной от 19.05.1946. Цит. по автографу: ОР РНБ. Ф. 27. Д. 147.

²¹ Анциферов Н. П. Письмо к Остроумовой-Лебедевой А. П. от 7.02.1949. Цит. по автографу: ОР РНБ. Ф. 1015. Д. 460. Л. 1.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ АНЦИФЕРОВ. НАЧАЛО. СТАНОВЛЕНИЕ УЧЕНОГО

НИКОЛАЙ Павлович родился в дворянской семье в имении Софиевка Киевской губернии. Русская фамилия Анциферов (Анцыферов, Анцыфоров, Анцифоров) — просторечная форма имени Онисифор (от греческого слова, означающего «полезный»), распространенного в Пскове и в Новгороде.

Некоторые факты биографии остаются неизвестными, но 30 июля 1889 г. — дата рождения, которую, «видимо, стоит признать более достоверной»¹.

Отец, Павел Григорьевич, сын архангельского корабельного майора, после окончания Земледельческого института занимал должность инспектора Уманского училища земледелия и садоводства, в 1891 г. был назначен директором Никитского ботанического сада в Крыму, где Николай провел счастливое детство. Это было важно для его будущего образования и становления личности.

После смерти отца, в 1897 г., семья переехала в Киев, и с 1899 г. Николай находился на домашнем образовании. В сентябре 1904 г. он поступил в пятый класс Первой киевской гимназии, основанной в 1809 г., где преподавал известный русский историк Н. И. Костомаров, а знаменитыми выпускниками которой были нарком просвещения А. В. Луначарский, писатели М. А. Булгаков, К. Г. Паустовский, художник Н. Н. Ге.

В 1909 г. семья переезжает в Санкт-Петербург. Николай Анциферов сдает экстерном экзамены за гимназический курс в Введенской гимназии и поступает на историко-филологический факультет С.-Петербургского университета.

Домашняя подготовка, учеба в классической гимназии и самостоятельная работа подготовили Николая Анциферова к учебе в передовом учебном заведении императорской России, на одном из самых значимых факультетов — историко-филологическом.

Во время учебы в университете участвовал в работе семинара И. М. Гревса, известного петербургского историка, педагога и организатора науки, основателя петербургской школы экскурсоведения. В Центральном фондовом архиве РФ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки) существует раздел «Эпистолярное наследие Н. П. Анциферова (1910–1950)», где находятся письма И. М. Гревса к своему ученику, а затем и к своему ассистенту Н. П. Анциферову (1934–1941). Учеба на семинаре у Гревса, а затем и дружба с ним оказали большое влияние на становление молодого ученого. «В студенческие годы Иван Михайлович стал тем учителем-другом, с которым меня связала сыновья любовь и который 32 года был опорой моей жизни»².

Во время учебы Анциферов читал лекции по русской истории в рабочем университете при Обуховском заводе. Студенческие сходки и демонстрации 1909–1910-х гг. не оставили Анциферова равнодушным.

Он не принадлежал ни к одной из политических партий, но принял активное участие в бурном студенческом движении конца 1900 — начала 1910-х гг.: в деятельности киевского землячества, в протесте против казни республиканца Фердинандо Ферреро осенью 1909 г., в похоронах С. А. Муромцева, В. Ф. Комиссаржевской, Л. Н. Толстого, в протестах против истязаний политзаключенных в каторжных централах и во всеобщей студенческой забастовке 1911 г.

В 1910 г. вместе с А. А. Гизетти Анциферов создал кружок при Эрмитаже по подготовке экскурсоводов для рабочей аудитории и «для проведения культурной работы среди рабочих»³. Он просуществовал до 1914 г. и был закрыт в связи с введением военного положения в Петрограде.

И. М. Гревс в 1904 и в 1911 г. возил студентов своего семинара в каникулярное время в Европу и проводил экскурсии с целью ознакомления с культурой европейских столиц. Эти поездки были на дотации университета в помощь студентам.

В 1911 г. по приглашению своего друга В. Н. Белокопытова Николай Анциферов провел конец зимы и начало весны в Париже, желая использовать свободное от занятий время в Санкт-Петербургском университете, который был неофициально

закрыт из-за студенческих волнений. Спустя 37 лет он записал свои впечатления от города, «мозга мира», как любили его тогда называть французы. «Франция и Париж не были мне родными, как Италия с Римом, как Норвегия; Париж не лежал на основном пути моей жизни. И всё же мне хотелось побывать в нем. Я с ним связывал многое. Прежде всего, это был город революций, он, казалось, шел впереди общечеловеческого движения. Вместе с тем, мой юный патриотизм говорил мне, что историческая роль Парижа уже сыграна, и что переходное знамя революции теперь перейдет к России»⁴.

В 1915 г. Анциферов закончил университет и был оставлен на кафедре всеобщей истории для подготовки к профессорскому званию, которую совмещал с педагогической деятельностью. В 1916 г. он сдал магистерский экзамен. Свою кандидатскую диссертацию «Проблемы урбанизма в русской литературе»⁵ Николай Павлович защитил только в 1944 г. В ней впервые были описаны перспективы развития локально-исторического метода, который в начале XX в. начал разрабатывать его учитель И. М. Гревс. Работа была основана на практической педагогической, краеведческой и экскурсионной деятельности автора в Санкт-Петербурге — Петрограде — Ленинграде и в Москве.

В апреле 1916 г. поступил на службу в Императорскую публичную библиотеку в отделение «Россика», а в сентябре вошел в штат и проработал там до 1920 г.

Будучи уже женатым и имея на руках пожилую мать, Николай Павлович начал преподавать в различных учебных учреждениях: в женской гимназии Н. Н. Зверевой (1915–1916), в Черняевском реальном училище (1915–1918), в школе при Тенишевском училище (1918–1925), во Втором педагогическом институте (1919–1926), в интернате для беспризорных под Павловском (1919–1920) и в Институте истории искусств (1925–1929).

Анциферов восторженно воспринял Февральскую революцию и стал очевидцем октябрьских событий в Петрограде в 1917 г.

В своих дневниковых записях он писал:

«17 октября. На улицах темно и людно. Страшно смотреть на эти улицы. Грядущий день несет кровь. Куют восстание большевики. А мы всё это ждем покорно как роковую силу.

24 октября. Начинается новый акт мучительной русской трагедии.

25 октября. Октябрьская революция. Тяжелые мысли как тучи бродят в душе. Остается любовь к человеческой личности и вера в вечное. Вижу, что это не зависит ни от каких событий»⁶.

Анциферов участвовал в работе религиозно-философских кружков А. А. Мейера «Вторник» и «Воскресенье» (1918–1925). Руководил семинарами по изучению Петербурга и Павловска, выступал с докладами и лекциями, водил экскурсии по городу и пригородам, сотрудничал с журналами «Педагогическая мысль» (1918–1924) и «Экскурсионное дело» (1921–1923).

В открытом по инициативе И. М. Гревса Петроградском научно-исследовательском экскурсионном институте Анциферов участвовал в работе исторической и методической секций, вел семинары «Собирание и группировка литературного материала для составления хрестоматии по Петербургу», «Город с экскурсионной точки зрения» и «Летний семинарий по Царскому Селу». В сентябре 1924 г., после ликвидации Экскурсионного института, перешел работать в Петроградское отделение Центрального экскурсионного бюро, образованного в январе 1922 г.

В работах по истории города Анциферов выступил основоположником комплексного («цельнокупного») метода изучения городской среды. Особое внимание он уделял взаимовлиянию исторической среды и культурной жизни города. Через всё творчество Николая Павловича проходит представление о городе как «выразителе сменяющихся культур», как «едином социальном организме». Во время работы в литературном музее он участвовал в создании выставок и экспозиций, которые стали настоящей культурной эпохой в истории города, воспитали многих талантливых экскурсоводов и открыли первую страницу в «экскурсионном познании» бывшего Царского Села. Экскурсионная работа в те годы достигла в городе наивысшего расцвета. Как вспоминал ученик и коллега Анциферова Г. А. Штерн, «душой этого творческого коллектива был Николай Павлович. Все его любили, восхищались его экскурсиями, невольно поддавались обаянию его таланта, доброты, приветливости, внимания к людям».

К типу «последних русских интеллигентов» причислял Анциферова академик Д. С. Лихачев. Ему же принадлежит мысль

Л. В. Глушкова - Николай Павлович Анциферов. Становление узеного

о «таланте личности» Николая Павловича как результате преобразования под грузом жизненных испытаний его природного творческого начала. Именно на таких людях держится духовная опора общества, «ценностей незыблемая скала».

Примечания

¹ *Марголис А. Д.* Петербургские адреса Н. П. Анциферова // Петербург. История и современность. Избранные очерки. СПб., 2014.

² Письма И. М. Гревса к Н. П. Анциферову // Отечественные архивы. 2017. № 1.

³ См. подробнее в статье А. Д. Марголиса в настоящем сборнике.

⁴ Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69, № 1. С. 44.

⁵ *Анциферов Н. П.* Революция и война. Историческая справка. Пг., 1917.

⁶ *Анциферов Н. П.* Быль и миф Петербурга. Пг., 1922.

ИЗУЧАЯ НАСЛЕДИЕ Н. П. АНЦИФЕРОВА: ТЕОРИЯ
«ГРАДОВЕДЕНИЯ», НАПИСАННАЯ В ДЕТСКОМ
СЕЛЕ (ИЗ ОПЫТА СОВРЕМЕННЫХ ПРОЧТЕНИЙ)

ЦАРСКОЕ (Детское) Село занимало значительное место как в жизни, так и в обширной и многогранной деятельности выдающегося культуролога, историка и основоположника отечественного краеведения Николая Павловича Анциферова. Вслед за А. С. Пушкиным он называл его своим Отечеством. В 1920-х гг. этот город стал его родным домом, обителью творческих достижений и счастливых семейных дней, позже, когда Николай Павлович был репрессирован, оставался городом его детей, а затем местом потерь и несчастий.

Домá, где он жил, не сохранились (кроме здания Лицея), но нами выявлены и уточнены его детскосельские адреса, мы знаем, как они выглядели и чем была наполнена жизнь Анциферова, его коллег, друзей и близких в столь важный «детскосельский период». Результаты проведенных исследований неоднократно излагались в лекциях цикла «Царскосельская беседа» Историко-литературного музея г. Пушкина, отложились в исторической справке¹, опубликованы в сокращенном варианте в статьях², книгах³ и материалах конференций⁴.

В середине 1920-х гг. в Детском Селе Н. П. Анциферов написал книгу, заложившую основы отечественной урбанистики, — «Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода»⁵. 70 лет спустя, на заре нового всплеска интереса к краеведению, листая пожелтевшие страницы второго издания этой небольшой монографии, мы задались вопросом: удалось ли Николаю Павловичу обратить теорию в практику в отношении Царского Села и сделали ли это последовавшие за ним исследователи?

В 1927 г. Н. П. Анциферов в соавторстве с коллегой по экскурсионной работе О. М. Рындиной издает путеводитель «Детское Село»⁶. В особенностях изложения материала чувствуются новаторские устремления его авторов. Тем не менее идут они по пути уже проторенному их предшественниками — создателями

путеводителей и XIX, и начала XX в. Глава о дворцах написана Рындиной, о парках — Анциферовым, сам город практически не затронут.

В 1944 г., ставшим для Николая Павловича годом потерь и окончательного прощания с детскосельским прошлым, он начинает писать книгу «Пригороды Петербурга», изданную уже после войны, в 1946 г.⁷ В основном она посвящена Царскому Селу — Пушкину. Здесь Анциферов предполагает применить свою теорию и повторить то, что удалось когда-то в «Душе Петербурга», то есть раскрыть через творчество поэтов и прозаиков «душу» этих уникальных мест. Причем в начале книги предпринимает попытку, как он сам писал, нарисовать «социальный ландшафт Петербурга» и его пригородов. В книге много личного, но говорить как раньше, в 1920-х гг., Анциферов уже не мог, не позволили бы. Да и чувствуется в нем надлом и усталость после перенесенных страданий и жизненных утрат, трагедия невостребованности его души, таланта и ума⁸. То же можно сказать и о книге «Пушкин в Царском Селе»⁹, написанной к 150-летию со дня рождения поэта, которое широко отмечалось в стране и в самом городе. (Первая книга по этой теме была издана в 1929 г. с подзаголовком «Литературные прогулки по Детскому Селу».) Она несет на себе печать тяжелого времени последних лет правления Сталина, когда господствовали вульгарно-социологический подход к оценке литературы и жесточайшая цензура.

Пристально всматриваясь в те далекие годы из нашего XXI в., мы понимаем, что урбанистические теории 1920-х гг. не могли столь быстро стать практикой. Они скорее были обращены к будущему, чем к настоящему. И благодаря этому осознаем всю значимость события, произошедшего в том, ныне не существующем доме на Малой улице, в самом сердце бывшего Царского Села: появление на свет теории комплексного изучения города — градоведения, ставшей одним из важнейших достижений петербургской школы краеведения.

Сам Николай Павлович отмечал, что изданный труд «имеет характер программы», и определил цель его создания: «Основная задача этой работы — выявить всю значимость градоведения для каждого сознательного гражданина и культурного

человека. Указать на всё то многообразие и красочность материала, который может быть найден в городе для различных научных дисциплин и, наконец, на необходимость согласованного его изучения разнообразными специалистами как вполне реального, исторически сложившегося единства. Только комплексный подход может привести к познанию города как социального организма»¹⁰.

Анциферов постоянно подчеркивает необходимость именно такого подхода и выявляет главное направление в изучении этого «целостного облика»: «Рассматривая город как социальный организм, мы можем по аналогии с живым существом выделить три элемента из его единства, которые определяют три подхода к его изучению». Эти элементы названы им «анатомией», «физиологией» и «психологией» города¹¹.

«Анатомию города» в указанной «иерархии» Анциферов ставит на первое место — без нее невозможно понять две другие составляющие. В «анатомии» важнейшее, первостепенное значение он придает изучению ее начала начал: градостроительно-планировочных особенностей, этапности формирования и изменения планировочных характеристик, исторической топографии города. Николай Павлович демонстрирует важность выявленного в теории «градovedения» элемента на примерах развития планировочной структуры западноевропейских городов. Вот где пригодились накопленные в студенческой юности знания и непосредственное соприкосновение с культурой Европы во время заграничных путешествий, организованных его учителем — профессором Петербургского университета И. М. Гревсом.

Общение с И. М. Гревсом, знакомство с его трудами по урбанистике стали определяющими в избрании собственного пути. И в послереволюционные годы, уже «на родной почве», продолжались эти практические путешествия в «анатомию» российских городов. Анциферов вспоминал: «...Как в своих научных работах, так и в дни путешествия Иван Михайлович стремился постичь индивидуальное лицо города, его своеобразие. <...> Нас интересовало нахождение ядра, вокруг которого разросся город, выяснение постепенных наслоений на этом ядре, наконец, изменения, которые вносила новая эпоха...»¹²

Методические представления И. М. Гревса об изучении города, изложенные в его работе «Город как предмет краеведения»¹³, были позднее развиты самим Анциферовым в его теоретических трудах.

Рассматривая город как целостный культурно-исторический организм, Анциферов являлся противником его механистического изучения в виде набора достопримечательностей. Однако именно эта схема, приводящая к сознательно упрощенному восприятию города, после разгрома научного краеведения в конце 1920-х гг. стала возобладать и как идея, брошенная в массы в первые годы после случившегося: краеведение — занятие для любителей, а не для специалистов, к науке оно никакого отношения не имеет. Такое мнение прочно вошло в сознание людей.

Преданы были забвению и только что разработанные теории петербургской школы краеведения, практически перестала существовать и сама школа. В 1945 г., уже после смерти И. М. Гревса — своего учителя и друга, Анциферов подвел печальные итоги прочного забвения теории «градоведения»: «...Перу Ивана Михайловича принадлежит несколько работ о градоведении. Я стремился продолжать заложенную им традицию. К сожалению, мы не нашли ни понимания, ни продолжателей. Город как особый организм не изучался никем. Его не изучают целостно»¹⁴.

В результате искусственного прерывания краеведческих традиций, идеологизации краеведения и господства упрощенных подходов теория «градоведения» на многие годы перестала быть предметом серьезного внимания петербургских ученых. Лишь в три последних десятилетия наметился и начал развиваться новый подход к изучению города: от истории отдельных памятников зодчества и культуры к пространственно-средовым историческим срезам. Всё это касается и истории Царского Села, которая в отечественном краеведении до сего времени была представлена, с одной стороны, исследованиями о развитии дворцово-паркового ансамбля, с другой — трудами, включающими большой объем информации непосредственно о городе, но структурно ориентированными на «объектный» подход и мало затрагивающими вопросы развития его планировочной структуры и поэтапного формирования исторического плана.

С 1994 г. наряду с другими направлениями планомерная научная работа по изучению градостроительного развития Царского Села (т. е. «анатомии города» по Анциферову) началась в Музее истории Царского Села (ныне Историко-литературный музей г. Пушкина), являвшемся в те годы филиалом Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Прежде всего, в отсутствии соответствующих печатных изданий необходимо было выявить как можно больше архивных материалов, особенно картографических, являющихся важнейшим историческим источником по этой теме. Только их использование в комплексе с текстовыми материалами позволяет представить во всей полноте процессы развития планировочной структуры города. Однако, несмотря на то, что без проектных и фиксационных планов XVIII—начала XX в. практически нельзя изучить, как складывалась на протяжении трех столетий «анатомия» Царского Села, эти архивы использовались крайне редко.

Результатом этого печального обстоятельства стали (и по сей день, к сожалению, остаются) как многочисленные неточности, неувязки, а подчас довольно грубые искажения исторической реальности, так и невозможность представить процесс формирования исторического плана города в целом и поэтапно (за определенные периоды). Объясняется подобное явление и особенностями создания исторических карт и планов, предопределивших их «разбросанность» по многочисленным архивохранилищам, в том числе и малодоступным; трудностями, связанными с работой над этим специфическим историческим источником, требующим определенных профессиональных навыков и способностей к пространственному мышлению.

Что касается последнего, то многолетний опыт архивистов-профессионалов ЦГИА СПб, занимавшихся в том числе и созданием АИПС по теме «Архитектура и градостроительство Москвы, Петербурга и их пригородов», сыграл весьма положительную роль. Исследования в области изучения формирования градостроительной архитектуры Петербурга XVIII в.¹⁵, проведенные нами в конце 1980 — начале 1990-х гг., помогли выработать определенные методики анализа графических и текстовых материалов. Без всего этого провести аналогичную работу в отношении Царского Села было бы практически невозможно.

Предлагаемая нами периодизация градостроительного развития Царского Села¹⁶ ориентирована, прежде всего, на фиксацию изменений, происходивших в исторической ткани города на протяжении XVIII — начала XX в. Однако специфика происхождения первоначального поселения и статус возникшего на его месте дворцового города делают невозможным разделение двух составляющих Царского Села — города и дворцово-паркового комплекса. Оставляя приоритеты за первым, периодизация учитывает и эволюцию последнего.

Изменения в «анатомии» Царского Села всегда были связаны с внедрением в жизнь локальных или крупных градостроительных проектов, которое не всегда совпадало с периодами отдельных царствований. Таким образом, условная периодизация «по царствованиям», традиционная для всей литературы о Царском Селе начиная с XIX в. по сегодняшний день, здесь неприменима.

Царское Село за два с лишним века своего существования приобрело достаточно четкий, логичный и своеобразный исторический план. Своеобразие его, по нашему мнению, заключается в том, что по форме он представляет из себя окружность, складывающуюся постепенно из отдельных секторов: Царско-сельский (впоследствии Екатерининский) парк, дворцовая слобода, уездный город София, Александровский и Баболовский парки, новый город Царское Село, Новая София, забульварная привокзальная часть, район Фриденгальской колонии, обширный неорусский комплекс на севере города (последний не был до конца реализован).

Выявленное своеобразие не случайный штрих, а возможность проследить явные взаимосвязи между «анатомией» и «психологией» города. На наш взгляд, подобная форма исторического плана как нельзя лучше соотносится с самой глубинной сутью Царского Села как города, характеристиками которого могут служить определения: замкнутый, заверченный, спокойный, самодостаточный.

Все вышеизложенные выводы нашли свое отражение в текстах научных монографий — исторических очерках градостроительного развития Царского Села XVIII — начала XX в., изданных в рамках Федеральной программы по подготовке к юбилею

города «Царское Село — 300»¹⁷. Это можно рассматривать как своеобразное выражение преемственности с авторами теории «градovedения» и прежде всего Николаем Павловичем Анциферовым. Весьма символично, что город, где она была создана, стал наконец и местом ее практического применения.

Примечания

¹ Историко-литературный музей г. Пушкина (далее ИЛМП). НСФ-264. Мощеникова М. А. Петербургская школа краеведения и проблемы изучения Царского Села (18–20 вв.) Историческая справка. Рукопись. 1997.

² Корнилова Н. А., Мощеникова М. А. Н. П. Анциферов: детскосельские труды и дни // Царскосельская газета. 16–22 марта 2017 г. № 10. С. 11.

³ Корнилова Н. А., Мощеникова М. А. Теория «Градovedения», написанная в Детском Селе // Корнилова Н. А., Мощеникова М. А. Дворцовый город Царское Село. Исторический очерк градостроительного развития (XVIII — начало XX века) с иллюстрированным приложением Н. А. Давыдовой. СПб., 2009. С. 5–8; Они же. Теория «Градovedения», написанная в Детском Селе // Корнилова Н. А., Мощеникова М. А. Историческая застройка Царского Села (с иллюстрированным приложением Н. А. Давыдовой). СПб., 2010. С. 5–8.

⁴ Корнилова Н. А. Н. П. Анциферов: детскосельские труды и дни // Иван Михайлович Гревс и петербургское краеведение. Вып. 2. Материалы юбилейной конференции 27 октября 2010 года, Санкт-Петербург. СПб., 2011. С. 24–30.

⁵ Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л., 1926.

⁶ Анциферов Н., Рындина О. Детское Село. Путеводитель. М.; Л., 1927. (Серия «Окрестности Ленинграда».)

⁷ Анциферов Н. П. Пригороды Петербурга. Города Пушкин, Павловск, Петродворец. М., 1946.

⁸ Сам признавался, что «писал свободно и легко, пока костлявая за горло не схватила».

⁹ Анциферов Н. П. Пушкин в Царском Селе. М., 1950. В книге он впервые опубликовал результаты своих исследований середины 1920-х гг. по определению местонахождения в бывшем здании Лицея «келейки» Пушкина.

¹⁰ Анциферов Н. П. Пути изучения города... С. 4.

¹¹ Там же. С. 17.

¹² Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1922. С. 402.

¹³ Гревс И. М. Город как предмет краеведения // Краеведение. 1924. № 3. С. 245–258.

¹⁴ Анциферов Н. П. Из дум о былом... С. 403.

¹⁵ Мощеникова М. А. К вопросу периодизации процесса развития планировочной структуры Петербурга XVIII века // Петербургские чтения. Тезисы докладов научной конференции. СПб., 1984. С. 27–31; *Она же*. Историческая топография Петербурга XVIII века: развитие планировочных структур в послепетровский период (1730–1790-е гг.) СПб., 1993. Рукопись. Хранится в Институте общественных наук (Москва) и ЦГИА СПб.

¹⁶ Мощеникова М. А. Историческая топография Царского Села XVIII века (1710–1779) // Петербург и Россия. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб., 1997. С. 180–182. Опубликована здесь в первоначальном, кратком варианте.

¹⁷ Корнилова Н. А., Мощеникова М. А. Дворцовый город Царское Село (с иллюстрированным приложением Н. А. Давыдовой). СПб., 2009; *Они же*. Историческая застройка Царского Села (с иллюстрированным приложением Н. А. Давыдовой). СПб., 2010.

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ Н. П. АНЦИФЕРОВА — АВТОРЫ
ИЗДАНИЙ «ЭКСКУРСИЯ В ТИПОГРАФИЮ»

Н ИКОЛАЙ Павлович Анциферов (1889–1958) — историк, краевед, один из организаторов экскурсионного дела в России. С 1918 г. работал в экскурсионной секции Музейного отдела Наркомпроса, в 1921–1924 гг. преподавал в Петроградском научно-исследовательском экскурсионном институте. Автор многочисленных изданий по методике и практике ведения экскурсий и о «душе» Санкт-Петербурга.

В создании и в работе Экскурсионного института приняли участие виднейшие, как они себя сами называли, «экскурсионисты» Петрограда И. М. Гревс, Г. Э. Петри, Б. Е. Райков и другие¹. Экскурсионный метод познания города дорабатывался и применялся многочисленными последователями Н. П. Анциферова. С конца 1920-х гг. стала выходить серия изданий «Экскурсионная библиотека». В этой серии вышли книги «На бумажной фабрике» В. А. Серикова (Л., 1928), «Технические экскурсии в начальной школе» В. И. Маркина (Л., 1930), «Методика проведения экскурсий» Б. Е. Райкова (Л., 1930) и др.

Последователи Н. П. Анциферова иногда были авторами производственных учебных пособий, в частности по типографскому делу. Так, в 1928 г. вышла брошюра «Экскурсия в типографию» под общей редакцией Б. Е. Райкова. Борис Евгеньевич Райков (1880–1966) — российский и советский педагог, методист-биолог, историк естествознания. Заведующий отделением естествознания Государственного института научной педагогики (1924–1934). В 1921–1930 и с 1945 г. заведующий кафедрой методики естествознания Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена (ЛГПИ), ставшей центром ленинградской школы методики естествознания². Автор учебников, учебных пособий, методических руководств по преподаванию естествознания, методике проведения экскурсий в средней школе и работ по истории естествознания.

Помимо Б. Е. Райкова, в редактировании брошюры участвовал Давид Николаевич Ангерт (1893–1977) — прозаик, критик, литературовед³, популяризатор педагогических и краеведческих знаний, заведующий редакционным отделом Ленинградского государственного издательства⁴.

Автором брошюры стал Лазарь Ильич Гессен (1889–1932)⁵ — один из первых технических редакторов, преподаватель ЛГУ и Полиграфического техникума, автор нескольких пособий по оформлению книги⁶.

Методическое пособие «Экскурсия в типографию» вышло в 1928 г. на одном из современных в то время предприятий — «Печатном дворе» в Ленинграде, тиражом 2000 экз., объемом более 100 страниц. Во введении Л. Гессен отмечал, что «печать является одним из могущественнейших орудий цивилизации... печать распространяет знания, улучшает жизнь, печать в руках рабочих и крестьян облегчает строительство новой жизни»⁷. В книге около 30 иллюстраций, среди которых изображения наборных машин, схемы отдельных узлов и общий вид печатных машин, а также фотографии печатников за работой. В своем произведении автор выразил мысль о том, что желательно сокращать «путь перемещения материалов и людей... идеально было бы такое типографское помещение, в котором наборная и контора находились бы на одном этаже с печатным отделением. Однако условия городов, заставляющие строить многоэтажные здания, не позволяют... считаться с условиями производства»⁸. В этом издании также описаны помещения типографии, наборное и печатное отделения, склад бумаги, стереотипное и брошюровочное отделения, способы воспроизведения иллюстраций. Для закрепления материала после экскурсии в конце книги помещены задания, которые можно осуществить в библиотеке: «Подберите и познакомьтесь с художественными произведениями, темой которых является жизнь наборщиков и печатников (стихи и проза). Подберите несколько афоризмов о книге»⁹.

Следовательно, книга «Экскурсия в типографию» давала представление о работе полиграфического предприятия и основных его отделений. Благодаря наличию иллюстраций «экскурсант» или читатель мог представить последовательность

технологического процесса изготовления печатной продукции и попытаться выполнить задания. Но лучше, конечно же, было бы увидеть работу действующего оборудования в реальной типографии. «Экскурсия в типографию» могла служить подспорьем в изучении печатного дела и экскурсионного метода знакомства с производственной темой.

Петроградский научно-исследовательский экскурсионный институт, где преподавал Н. П. Анциферов, занимался разработкой экскурсионных методов знакомства с городом и его промышленностью. Предтечей института было Центральное бюро школьных экскурсий, созданное в 1918 г. по инициативе Н. К. Крупской «в целях урегулирования приема школьников и помощи им, «а также» для пропаганды экскурсионного дела»¹⁰. В 1921 г. бюро реорганизуется в Опытно-показательную экскурсионную базу Наркомпроса. Ее возглавил Арт Яковлевич Закс (1878–1938) — педагог, краевед, методист внешкольной работы¹¹. В 1908–1915 гг. вел спецкурс экскурсионного дела в петербургской Педагогической академии. В 1923–1931 гг. возглавлял Институт методов внешкольной работы и Центральную опытную-показательную экскурсионную базу Наркомпроса совместно с И. М. Гревсом¹². Как педагог А. Я. Закс применял экскурсионный метод преподавания в различных учебных заведениях¹³, для чего выпускались методические пособия. Так, первое пособие «Экскурсии в сельской школе первой ступени» под редакцией А. Я. Закса увидело свет в 1928 г.

В этом пособии отмечалось, что «каждая статья, посвященная отдельной экскурсии»¹⁴, основана на учении Н. П. Анциферова. В сборнике приведен примерный план экскурсий, который учитель может видоизменять в зависимости от местных условий. Сам же «выпуск новых программ закрепляет положение экскурсии в деле школьного преподавания и позволяет приступить к выработке системы экскурсий, пронизывающей все моменты обучения ребенка в школе»¹⁵. Предлагаемый сборник являлся попыткой выработать систематический план экскурсий, расположенных в соответствии с возрастом ребенка и уровня сложности восприятия темы.

Все экскурсии разделялись на темы: «Октябрьские праздники», «Как живут и работают в деревне», «Как и для чего

нужно сохранять природу», «Культурная жизнь города». В зависимости от изучаемой темы проводились экскурсии. Так, для учащихся первого года обучения назначались экскурсии «В городской сад», «По улицам», «На ледоход», «На огород». Для учащихся второго года обучения разработаны экскурсии «В лес», «В пожарную часть», «В котельную центрального отопления». Только на третьем году обучения детей водили на экскурсии «По старому центру города», «На реку и пристань», а также «На почту», «В библиотеку» и «В типографию».

Экскурсию «В типографию» разработала Мария Михайловна Себенцова (1891–1967)¹⁶ — специалист по Средним векам, медиевист, профессор, заведующая кафедрой нескольких высших учебных заведений в Москве¹⁷.

М. М. Себенцова в очерке «Экскурсия в типографию» поясняет, что «задачей экскурсии является проследить путь, который проходит книга и газета с того момента, как рукопись поступила в типографию, и до тех пор, когда она примет знакомый ребятам облик»¹⁸. В пособии рекомендовалось обратить внимание на условия труда, выяснить продолжительность рабочего дня, зарплату и профессиональные болезни. М. М. Себенцова методично поясняет ход экскурсии: «подходим к зданию с вывеской „Типография“, расшифровываем значение этого слова... входим в здание...»¹⁹. Автор в эмоциональной форме описывает поведение школьников, которых ошеломил «шум машин и сильный запах краски, а также работа машины», которая словно живая: сама затягивает лист, прокатывает его по набору, сама выкидывает готовые листы — только подбирай»²⁰. Ребята резюмировали, что они «свою стенгазету <по экскурсии> целый день до позднего вечера писали!»²¹.

По завершении экскурсии ученики собирались на заключительную беседу в школе, делились впечатлениями и просматривали свои записи, вспоминали, что видели, и в итоге сделали вывод, что «длинный путь проходит книга и газета, прежде чем попадут к нам в руки»²².

В конце очерка перечислена литература по теме.

Таким образом, в методическом пособии «Экскурсия в типографию» описан процесс производства печатной продукции для детей младшего школьного возраста. «Экскурсия в типо-

графию» как экскурсионный метод знакомства с городским производством применялся довольно широко. Для его освоения издавалась специальная методическая литература, авторами которой были последователи методик, впервые описанных и примененных Н. П. Анциферовым²³.

Примечания

¹ Смирнова А. Г. Из истории отечественной экскурсионной школы. Петроградский (Ленинградский) экскурсионный институт (1921–1924 гг.) // Народное образование, педагогика. 2012. С. 58.

² ГА РФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 670. С. 19–21.

³ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 35.

⁴ Чуковский К. Дни моей жизни. СПб., 2009. С. 290. См. также: Векслер А., Крашенинникова Т. Такая удивительная Лиговка. СПб., 2013. С. 234.

⁵ Книжная летопись Государственной центральной книжной палаты РСФСР. М., 1933. Т. 76. С. 373. См. также: Кригевский В. Г. Дмитрий Буланов: был в Ленинграде такой дизайнер. М., 2007. С. 116.

⁶ Гессен Л. И. Оформление книги: руководство по подготовке рукописи к печати. 2-е изд. Л., 1935; *Он же*. Архитектура книги. М.; Л., 1931.

⁷ Гессен Л. И. Экскурсия в типографию. М.; Л., 1928. С. 3.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Там же. С. 94.

¹⁰ Педагогические сочинения: в 10 т. / под ред. Н. К. Гончарова [и др.]. Т. 1; Т. 5: Детское коммунистическое движение; Пионерская и комсомольская работа; Внешкольная работа с детьми / [подгот. текста и примеч. Я. Н. Надеждина]. М., 1959. С. 345.

¹¹ Закс А. Я. // Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. М., 1993. Т. 1. С. 320.

¹² Классики-экскурсионисты о сущности экскурсий // Иван Михайлович Гревс и петербургское краеведение: сборник к 150-летию со дня рождения / [сост.: Б. С. Каганович, А. В. Кобак]. СПб., 2010.

¹³ Френкель З. Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути / [публ., сост., коммент. и вступ. ст. Р. Б. Самофал]. СПб., 2009. С. 213.

¹⁴ Экскурсии в сельской школе первой ступени: Методическое руководство применительно к программам Гос. учен. сов. и Главсоцвоса. [М.], 1928. Вып. 1–3 / под ред. А. Я. Закса. С. 3.

¹⁵ Там же. С. 4.

¹⁶ URL: <http://padabum.com/d.php?id=21718> (дата обращения 25.06.2018).

¹⁷ Кинодокумент в современном медиапространстве. Пределы возможного: материалы Международной научно-практической конференции, 19–20 ноября 2014 года / [сост. В. П. Лисакович и др.]. М., 2017. С. 23.

¹⁸ На каждый день: метод. руководство по ведению экскурсий в городской школе 1 ступени / под ред. А. Я. Закса. 2-е изд., перераб. [М.], 1930. С. 180.

¹⁹ Там же. С. 181.

²⁰ Там же. С. 183.

²¹ Там же. С. 184.

²² Там же. С. 185.

²³ Анциферов Н. П. ...Как изучать свой город: В плане школьной работы. М.; Л., 1929. С. 7.

**«ДОСТОЙНЫ ЛЬ МЫ СВОИХ НАСЛЕДИЙ?»
(РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ОДНИМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИМ ОПРОСОМ ШКОЛЬНИКОВ)**

СРЕДИ самых актуальных проблем сохранения культурного наследия Петербурга важное место занимает отношение к этому наследию юных петербуржцев, тех, от кого во многом зависит будущее нашего города. Этой теме был посвящен социологический опрос «Достойны ль мы своих наследий?», проведенный нами на смене «Наследники великого города» в Загородном центре детско-юношеского творчества «Зеркальный»¹ в январе 2019 г. На этой ежегодной тематической смене, проходившей уже в 27-й раз, были представлены как краеведческие объединения: участники движения «Юные за возрождение Петербурга»² и актива школьных музеев «КЛИО», так и коллективы отдела гуманитарных программ и детских социальных инициатив самого дворца (историко-краеведческий клуб «Петрополь», Юношеский университет Петербурга, Пресс-центр «Поколение» и Юношеский клуб общественных наук (ЮКОН)), а также музыкальный театр-студия «Розыгрыш». В опросе приняли участие более 300 подростков и старших школьников с 6-го по 11-й класс из 17 районов города, в том числе пригородов. Итоги этого опроса, на наш взгляд, дают достаточно объективную картину отношения к культурному наследию относительно благополучной, организованной части подрастающего поколения, равнодушной к проблемам города.

Один из выводов по итогам опроса: современная школа теряет приоритет в культурологическом просвещении школьников. Основной источник знаний в области истории и культуры для респондентов — родители и, что особенно радует, — музеи. На 2-м месте, а для значительной части опрошенных на 1-м — Интернет, Википедия. Школа в этом образовательном процессе отошла на 3-е место, заняв одну строчку с учреждениями дополнительного образования (следует отметить, что учащиеся, занимающиеся в краеведческих объединениях («Петрополь», Юношеский университет Петербурга), именно УДОД поставили

на 1-е место. К сожалению, на последнем месте по итогам опроса как источник культурологических знаний оказались библиотеки, при том, что 48,6% респондентов являются читателями районных, а 38% — школьных библиотек. Более трети ребят для пополнения знаний пользуются своими домашними библиотеками, предпочитая их другим. В этом заслуга старшего поколения: родителей, бабушек и дедушек наших подопечных, собравших эти библиотеки. Лишь 18% учащихся, принявших участие в опросе, являются читателями центральных библиотек (Российской национальной, Городской детской им. А. С. Пушкина и ее филиала — детской библиотеки истории и культуры Петербурга на ул. Марата, 72).

Как уже отмечалось выше, более половины респондентов в качестве важнейшего источника расширения своего культурного кругозора назвали музеи, что подтверждается и другими данными этого опроса. Более 50% опрошенных посещают музеи и выставки регулярно (не менее одного раза в месяц), 6,3% занимаются в детских музейных центрах. Однако каждый третий (32,1%) ходит в музеи редко (примерно раз в год). Как и ожидалось, большинство респондентов среди наиболее посещаемых ими музеев назвали Эрмитаж (55,9%) и Русский музей (43%), а третье место по популярности в опросе, особенно среди старшеклассников, занял музей современного искусства «Эрарта». На четвертом месте «Кунсткамера» (около 15%). Следует отметить, что общий спектр названных хотя бы один раз музеев, не превысил и 20. Лишь немногие из опрошенных среди посещенных назвали Музей истории Петербурга, Всероссийский музей А. С. Пушкина, Музей А. А. Ахматовой в Фонтанном доме (другие литературные музеи даже не были названы!), Музей театрального и музыкального искусства, военно-исторические музеи. Следует отметить, что, по мнению ребят, значительно сократилось количество экскурсий, организуемых школами. Одна из причин этого — в сложности оформления учителями документации, необходимой для выхода учащихся за пределы образовательных учреждений.

Важным показателем культуры юных петербуржцев является посещаемость ими театров, филармонии и других концертных залов. Как показал опрос, регулярно посещает их лишь каждый

третий (34%), 45,5% — примерно один раз в год, а более 20% вообще не посещают, объясняя это отсутствием у них свободного времени. Среди наиболее посещаемых театров — Мариинский (более 30%), Александринский (16%), Михайловский (14%), «Буфф» (12%). Значительно уступают им по итогам опроса ТЮЗ, театр им. Ленсовета. Другие театры вообще не были названы. 37,1% опрошенных хотя бы один раз посетили филармонию, из числа тех 30,7%, что предпочитают классическую музыку современным ее течениям.

Большинство же наших респондентов (45,4%) любят рок и поп-музыку (41,3%), а филармонии предпочитают клубные заведения. Значительно уступают им любители джаза (19,7%) и бардовской песни (12,7%). Это резкое сокращение (по сравнению с предшествующими поколениями учащихся) поклонников бардовской песни особенно огорчает. Отчасти это связано с тем, что ребята перестали ходить в походы.

В ходе опроса важным для нас было выяснить, как респонденты оценивают уровень своих знаний по истории и культуре Петербурга. Каждый третий (32,9%) честно признался, что плохо знает город, но хотел бы знать лучше. А вот больше половины опрошенных (53%) ответили, что знают город хорошо. Казалось бы, можно только порадоваться за этих ребят, но, как показал прошедший в «Зеркальном» конкурс знатоков Петербурга с далеко не самыми сложными вопросами, эти респонденты оценили себя недостаточно объективно. Уровень их знаний оказался значительно ниже того, какой показывали их сверстники на подобных сменах еще 5 лет назад. К этой теме мы еще вернемся, так как она требует более глубокого осмысления. Позитивным в ответах ребят на этот вопрос можно отметить то, что 32,9% опрошенных свои знания о городе пополняют самостоятельно.

Вполне закономерным в разработанной нами анкете был вопрос: «В чем вы видите свою роль в сохранении культурного наследия Петербурга?». Больше половины респондентов (53,6%) ответили, что «стремятся больше узнать об истории и культуре города, чтобы быть настоящими петербуржцами», 43,2% респондентов изъявили желание «участвовать в практической просветительской деятельности, проводить экскурсии

и лекции для своих сверстников и взрослых», но лишь 16,3% готовы «бороться с проявлениями вандализма по отношению к городу, останавливать тех, кто рисует на стенах исторических зданий, наносит вред памятникам». Этим равнодушных ребят, возможно, в будущем привлечет работа в молодежной секции Общества охраны памятников. Участникам опроса было предложено подумать над тем, что необходимо сделать в городе, чтобы поднять общую культуру петербуржцев и особенно молодого поколения. Отметим наиболее конструктивные из этих предложений.

Наши респонденты считают, что, в первую очередь, в школьную программу надо вернуть обязательное изучение предмета «История и культура Петербурга». Среди предложений и такие: «снизить уровень нагрузки в школе, чтобы у учащихся появилось больше времени на посещение музеев, выставок и др.». Значительная часть опрошенных для привлечения большего числа жителей города к освоению культурного наследия Петербурга предлагает наряду с лекциями и экскурсиями проводить игровые конкурсы, квесты и др. В ходе дискуссии, состоявшейся в «Зеркальном» по итогам анкетирования, ребята отмечали такие проявления низкой культуры горожан, как нецензурную лексику, хамство, нежелание убирать за собой мусор, надписи на фасадах исторических зданий. Из практических советов властям ребята предлагают проводить больше организованных акций с участием школьников по благоустройству города и вообще чаще советоваться с молодыми петербуржцами при принятии важных для города решений, а еще установить больше видеокамер у объектов, находящихся под охраной государства.

Как мы уже отмечали, данный социологический опрос отражает отношение к культурному наследию города и выявляет уровень культуры относительно благополучной и социально активной части подростков и старших школьников. В целом же сегодня положение в основной массе учащейся молодежи обстоит значительно хуже. Даже участники ежегодной региональной олимпиады по краеведению, авторы интересных краеведческих исследований проваливаются на тестах, где им предлагается выполнить самые элементарные, с точки зрения организаторов, задания на выявление уровня знаний города. На 100% с ними

справились лишь 5 человек из 56, средний же балл из 12 составил 9,40. Лучшие результаты в тестировании, как и предполагалось, показали воспитанники клуба «Петрополь» и Юношеского университета Петербурга городского Дворца творчества юных, в которых на протяжении многих десятилетий осуществляется глубоко продуманная система изучения истории и культуры Петербурга.

20 лет назад, в ноябре 1999 г., автором этой статьи была успешно защищена кандидатская диссертация «Проектирование и реализация модели дополнительного краеведческого образования на примере Санкт-Петербурга». Важным ее постулатом был тезис о том, что дополнительное краеведческое образование строится на фундаменте базового курса истории и культуры Петербурга, введенного в середине 1990-х гг. при нашем активном участии в школьное расписание как новый предмет, аккумулировавший в себе знания многих других дисциплин: истории, литературы, экологии, географии. Автором рассчитанной на 5 лет образовательной программы этого нового курса канд. ист. н., доцентом РГПУ им. А. И. Герцена Л. Н. Ермолаевой была подготовлена линейка учебников для учащихся с 5-го по 9-й классы. «Институтом Петербурга», а с начала 2000-х гг. и кафедрой культурологического образования Академии последипломного педагогического образования в течение 15 лет осуществлялась подготовка по этому предмету. Был накоплен ценнейший опыт по методике его преподавания, обобщенный на многочисленных конференциях и семинарах, в сборниках статей, вышедших по их итогам. За эти годы были открыты имена многих талантливых учителей — петербурговедов, отмеченных «Гревсовскими дипломами» Санкт-Петербургского союза краеведов.

Однако пять лет назад, после выхода нового закона Российской Федерации «Об образовании», из которого был изъят «краеведческий компонент», в школах Петербурга началось свертывание этого курса и замена его другими предметами по выбору администрации образовательных учреждений. Сегодня этот предмет остался, но в сокращенном виде и только в немногих школах. Уникальная в масштабах всей России петербургская модель краеведческого всеобуча была нарушена и сведена

к внеучебной кружковой работе, что не могло не сказаться и на дополнительном образовании, прежде всего на резком сокращении количества участников региональных олимпиад для 8–11-х классов, и качестве представляемых работ и, как уже отмечалось, результатах тестирования.

Основную нагрузку в краеведческом просвещении, организации всей краеведческой и музейной деятельности с учащимися города взяло на себя дополнительное образование, в первую очередь — сектор исторического краеведения и школьного музееведения Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных, в котором гигантскую работу выполняют всего 6 сотрудников, а также районные дворцы и дома детского юношеского творчества. В рамках действующей уже 28 лет городской комплексной программы «Наследники великого города» ежегодно проводятся командные квесты и турниры юных знатоков города, конкурсы экскурсоводов (по городу и школьным музеям), юных генеалогов и знатоков этикета «Петербуржец XXI века», военно-патриотические акции, фестивали, экспедиции и смотры-конкурсы школьных музеев и детских краеведческих объединений (в рамках культурно-патриотического молодежного общественного движения «Юные за возрождение Петербурга»). Самый значительный блок мероприятий составляет исследовательская работа, включающая в себя, помимо региональных олимпиад для 8–9-х и 9–11-х классов, тематические конференции «Географы и путешественники Петербурга», «Родословные школьников Петербурга в истории России и города», «Война. Блокада. Ленинград», а для начинающих исследователей — «Старт в науку». Эта работа реализуется двумя городскими методическими объединениями: заведующих отделами краеведения, методистов и педагогов-краеведов и руководителей школьных музеев. Ежегодный план массовой работы только на городском уровне включает в себя более 90 мероприятий краеведческой направленности!

Реализовать эту программу было бы невозможно без сотрудничества с нашими социальными партнерами — Санкт-Петербургским союзом краеведов и Всемирным клубом петербуржцев, ВООПИиК и «Институтом Петербурга», общественными организациями блокадников и ветеранов войны и труда, Рус-

ским географическим и Русским генеалогическим обществами, государственными музеями, библиотеками и архивами. Нашими постоянными партнерами в работе с педагогическими кадрами являются кафедра культурологического образования Академии последипломного педагогического образования и кафедра преподавания истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена.

Созданная нами в Петербурге уникальная система краеведческой работы признана в России, впечатляют и значительные успехи наших юных исследователей-краеведов и экскурсоводов на всероссийском уровне³. И, тем не менее, нас не покидает чувство тревоги за будущее культурного наследия Петербурга⁴. В чьих руках оно окажется через 20–30 лет, какие они, будущие наследники великого города: истинные интеллигенты, патриоты Отечества или равнодушные, невежественные обыватели? Этим обеспокоена, в первую очередь, педагогическая общественность нашего города, уже давно выступающая за восстановление в школе учебного курса «История и культура города». Много лет назад Н. П. Анциферов, 130-летию которого посвящены наши чтения, утверждал: «Труд над познанием города — это лучшая школа гражданственности». Власти города, ратующие за патриотическое воспитание молодежи, должны также осознать, что без знания своей малой родины, родного города, своего района, своей семьи невозможно воспитать истинных патриотов Отечества. Надо, наконец, прислушаться к голосу педагогической общественности.

Примечания

¹ ЗЦДЮТ «Зеркальный» на Карельском перешейке был открыт 50 лет назад, в июле 1969 года, как круглогодичный лагерь Ленинградского городского Дворца пионеров им. А. А. Жданова (ныне Санкт-Петербургского городского дворца творчества юных). За прошедшие годы через него прошли уже сотни тысяч юных жителей города.

² Санкт-Петербургское культурно-патриотическое молодежное общественное движение «Юные за возрождение Петербурга» было учреждено при поддержке ЛГ ВООПИиК 6 декабря 1990 г., а в октябре 1999 г. получило статус юридического лица.

В. И. Аксельрод • «Достойны ли мы своих наследий?»

³ За годы, проведенные со дня первых краеведческих чтений учащихся, восемь лет назад получивших статус региональной олимпиады, выпущено уже 26 сборников фрагментов лучших исследовательских работ школьников.

⁴ Дополнительное краеведческое образование школьников при всех его достижениях не может без базового курса решить задачи краеведческого всеобуча, дойти до каждого юного петербуржца.

ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ — БЛИЖНИЙ КРУГ ИСТОРИИ

НА занятиях по истории города моя задача — заинтересовать ученика историко-культурным, архитектурным, историческим, научным и литературным наследием нашего города и Выборгского района в частности.

Я стараюсь увлечь, воодушевить, вдохновить ребенка на изучение и познание города. На помощь мне приходят игровые технологии: викторины, загадки и кроссворды, игры со словами, командные игры, квесты по паркам Выборгского района. Они помогают вызвать активный интерес к предмету, развивают сообразительность и живость ума, расширяют кругозор, сплачивают коллектив, помогают с пользой и интересом провести время.

Совместно с учениками на занятиях по истории города были разработаны и реализованы проекты: «Азбука Выборгского района» и «Нескучные прогулки по Выборгской стороне с творческими заданиями».

Самым сложным на занятиях для меня был баланс между играми и изучением города и района. Дети любят играть, но, только играя, невозможно глубоко вникнуть в суть предмета. Но и знание фамилий архитекторов, дат постройки зданий, исторических событий и узнавание достопримечательностей не делает ребенка петербуржцем, а занятия по истории города не защищают наш двор, район, город от равнодушия и вандализма.

На помощь пришел случай: старейший сотрудник школы Н. В. Михайлов передал мне архив школы с 1935 г., со дня ее открытия.

Занятия наполнились совершенно другим содержанием и вызвали искренний интерес детей. Разбирая архив, рассматривая многочисленные фотографии, отражающие школьную жизнь, читая воспоминания учителей и выпускников своей школы, ребята узнавали через судьбы прежних учеников

историю своей страны. Благодаря огромной поисковой работе «красных следопытов», активно работавших в школе с 1970 по 1985 г., были собраны удивительные вещи. Книжки, пережившие войну и блокаду, школьные тетради и бесценный документ эпохи — школьные журналы. Именно они помогли разыскать бывших учеников — как и сейчас, в конце журнала находился список с адресами. Обходя дом за домом, квартиру за квартирой, «красные следопыты» узнавали о судьбах бывших учеников. Так был составлен список погибших в годы Великой Отечественной войны учащихся и учителей.

Было решено увековечить память тех, кто отдал жизнь за Родину. «Идея установить обелиск во дворе школы понравилась всем, — рассказал Николай Викторович Михайлов. — Деньги на него мы заработали сами: собирали макулатуру, металлолом, проводили трудовые десанты, летом работали в колхозе».

Накануне Дня Победы в 1970 г. обелиск был торжественно открыт. На торжественный митинг были приглашены учителя и ученики-блокадники, присутствовали родные погибших учеников.

Фотографии школьного архива открывали нам мир в прошлое. Оказалось, что всенародная акция «Бессмертный полк», инициированная в 2012 г. в городе Томске, проводилась во дворе школы № 112 еще в 1974 г. На черно-белой фотографии запечатлен митинг, на котором ученики стоят с портретами погибших учителей и учеников, горят факелы, изготовленные на уроках труда мальчиками.

После установки и торжественного открытия памятника поисковая работа не прекращалась, появилась насущная необходимость создания музея, где бережно будут храниться бесценные реликвии и свидетельства страшных дней войны: щипцы для тушения зажигалок, фронтовые письма-треугольники...

Пока музей создавался, подобранные по годам экспонаты активно использовались на временных выставках: в Детском историческом музее, в детской центральной библиотеке Выборгского района и в библиотеке им. Д. С. Лихачева.

Далекая история стала близкой, понятной и очень интересной. Современные школьники с огромным интересом и удивлением читали письма из военкоматов — ответы на за-

Разбор архива
по годам.

Воспитанники
объединения «Юный
экскурсовод» ДДЮТ
Выборгского района
рассматривают самый
маленький экспонат
будущего музея —
школьную шпаргалку,
2017 г.

Самый большой
экспонат
музея — флаг
Политехнического
института 1929 г.

просы учеников о пропавших без вести. Так была написана исследовательская работа о «Красных следопытах», всесоюзном движении, рожденном в Ленинграде. Экспонаты школьного музея являются удивительными проводниками в прошлое. Крошечная школьная шпаргалка 1937 г., выпускные альбомы 1936, щипцы для тушения зажигалок, расписки школьников 1942 г., блокадные журналы и многое другое хранит школьный музей. Некоторые экспонаты задавали вопросы, на которые искать ответы приходилось в других музеях. Флаг Политеха 1929 г., коллекция минералов 1905 г... Но самым интересным в работе школьного музея стали встречи с бывшими учениками разных выпусков. Ребята с теплотой вспоминают беседы

Директор блокадной школы № 112 Надежда Ивановна Ленгер на уроке естествознания, 1949 г.

с выпускницами военных лет: Валентиной Павловной Шек-Иовсепянец (Кожановой) и Ольгой Алексеевной Воиновой (Ливеровской). История войны и блокады из первых уст переживалась совсем иначе, чем со страниц книг. Как и чем жила школа военной поры, воспоминания о любимых учителях, заменивших семью, тяготы быта... Об ответственности и дружбе, о поэзии и валенках рассказывали помолодевшие ученицы 1941–1945 гг.

Молва о том, что в школе воссоздается музей, быстро разнеслась по району. Стали заходить выпускники прошлых лет, вспоминают своих учителей, живо интересуются, хранит ли музей память о них.

Так история с книжных страниц пришла в школу, стала близкой, понятной и интересной. Любой ребенок смог почувствовать причастность к работе школьного музея в качестве экскурсовода или исследователя, ведущего картотеку или электронный каталог. Каждому в музее находится работа по возрасту и склонностям. Совершенно другими глазами дети смотрят на экспонаты музея, зная, что за каждым стоит судьба или событие. Маленький школьный музей готовит в будущем пытливых и любознательных посетителей «больших» музеев, прививает насущную необходимость бывать, видеть, узнавать! Это так важно для молодого поколения, живущего в прекрасном городе Санкт-Петербурге!

НОРМАТИВ И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

СТРОИТЕЛЬНЫЙ норматив — спутник большого города. Он направлен на улучшение городской среды обитания и обеспечение безопасности жизни и здоровья человека. В первую очередь это ширина улиц, необходимая для инсоляции помещений, скрытых ограждающими стенами домов, то есть для сохранения здоровой среды. Кроме того, норматив обеспечивает противопожарную безопасность — и снова оберегает жизнь людей.

Санитарный норматив призван делать то же самое. Это определенное расстояние вредных производств от жилья, уже упомянутая инсоляция, очистка бытовых и промышленных стоков, воздуха от вредных выбросов в атмосферу, определенное количество компьютеров в помещении и так далее.

Еще один норматив — так называемые образцовые дома, созданные для того, чтобы избежать в застройке хаоса, они появились у нас в петровское время. Со временем норматив, ужесточаясь, превращается в свою противоположность и начинает приносить по меньшей мере дискомфорт.

Начнем с открывающихся наружу дверей домов, стоящих на красной линии. Как известно, в старом городе двери домов открывались вовнутрь, чтобы не мешать прохожим. Они были двупольные с равными створками, часто резными с остеклением и, открываясь вовнутрь, значительно меньше подвергались атмосферным воздействиям, то есть дольше сохранялись. При входе в дом строили внутренний тамбур с двойными дверями, каждая из которых также состояла из двух равных остекленных створок. Иной раз в тамбурах общественных или государственных учреждений устанавливали три двери, и в этом случае холодный воздух практически не попадал в помещение вестибюля. Но, согласно сегодняшним противопожарным требованиям, дверь должна открываться наружу. Поэтому дверное полотно быстрее приходит в негодность — с него слезает краска

или лак, оно разбухает и перестает закрываться, покрывается трещинами. Проем, в который устанавливается дверное полотно, по ширине должен быть не менее 1 м 20 см, что исключает две равные створки, как это было в старых домах, и чаще всего не совмещается с архитектурным и декоративным решением фасадов и интерьеров тамбуров и вестибюлей. Для установки дверей прежде устраивалась так называемая четверть, то есть кирпичный выступ, за которым пряталась дверная коробка. При открывании двери наружу она начинает мешать, и ее закладывают, а иной раз и срубают. Хотя в проеме с четвертью радиус движения дверного полотна поглощался толщиной стены.

Нынешние двери устанавливаются без сохранения откосов заподлицо со стеной фасада. Из-за этого исчезают пластика стены и игра теней, распахнутая створка мешает движению. С обратной стороны этой стены тоже странная картина — чрезмерно глубокие, как ущелья, проемы. Кроме того, подобное крепление крайне ненадежно.

Еще одна несуразность норматива связана с устройством дверного проема с одним дверным полотном шириной 1 м 20 см, открывающимся наружу. Если говорить о пожарной безопасности, то такую дверь по понятным причинам невозможно открыть быстро, даже при толчке ногой — парусность не даст сделать это. Кроме того, ее полотно перекроет весь коридор или тротуар. Такая дверь не только неудобна, но и очень некрасива. Отметим, что в странах Европы входные двери по-прежнему открываются вовнутрь.

Еще одна проблема — ограждения балконов и лестниц. Теперь, выйдя на балкон, невозможно опереться на перила и постоять там, любясь панорамами, потому что балконное ограждение человеку среднего роста будет по грудь, а то и по плечи — не менее 1,2 м (СНиП 31-01-2003). А если вы захотите выпить кофе, сидя на балконе, то вообще ничего не увидите из-за этого ограждения. То же касается лестничных перил — на них невозможно опереться рукой (а это зачастую необходимо делать!), потому что их высота позволяет только цепляться.

Лестницы — один из предметов споров о приспособлении объектов культурного наследия для современного использования. В советские времена при проведении капитального ремон-

та в домах сохраняли лестничные клетки как элемент жесткости конструктивной системы, а также и сами каменные лестницы и ограждения маршей (притом, что квартиры часто лишались лепного декора, изразцовых печей, филенчатых дверей).

Сегодня, несмотря на обязательный для каждого ОКН перечень предмета охраны, лестницы, включенные в таковой, вызывают у многих раздражение. В пример приводится Париж, где лестницы при реконструкции домов не сохраняют. Однако необходимо сказать, что как в Париже, так и в других городах Европы лестницы в многоэтажных многоквартирных жилых домах деревянные с таким же простым ограждением, никакой конструктивной нагрузки, кроме как вес жильцов, поднимающихся в свои квартиры, они не несут, и на них имеются запрещенные у нас забежные ступени. В наших же домах лестницы сделаны из дорогого натурального камня — путиловского известняка. Вдоль лестничных маршей установлены очень дорогие, уникальные, металлические — художественного литья иликовки — ограждения с деревянным поручнем специальной формы, удобной для руки, особым образом соединяющиеся на поворотах на другой марш. Теперь всё это оказывается под бульдозером, исчезает бесследно. Лестница, даже если она сохраняется, может быть новыми хозяевами запросто облицована керамической плиткой прямо по камню. Кованое или литое художественное ограждение зачастую наращивается до нормативной высоты утилитарного вида конструкции, резко диссоциирующей с интерьером.

Практически все дома в историческом центре Парижа построены во второй половине XIX в. на деревянных балках. Вокруг деревянных лестниц на площадке с первого до 5–6–7-го этажа группируются несколько квартир. В помещениях первых этажей можно увидеть открытые деревянные балки — не декоративные элементы, а конструкции перекрытий. Такие же дома стоят в Лондоне, Испании, Италии, Голландии. В провинциях сохранилось большое количество средневековых фахверковых домов различного назначения — жилье, торговые помещения, отели — с такой же открытой конструкцией.

Петербург также был построен на аналогичных балках, имел массу деревянных строений как на центральных улицах, так

и во дворах и, в особенности на окраинах. Печное отопление *, приготовление пищи на дровяных плитах вынуждало держать во дворах огромные запасы дров. Часть населения имела свои выезды, то есть держала лошадей и, соответственно, хранила запасы сена. При этом в домах сохранялись деревянные лестницы, а входные двери открывались вовнутрь.

Дерево, исконно русский строительный материал, сегодня практически исключено из оборота даже при малоэтажном строительстве. Между тем в настоящее время деревянные конструкции, как несущие, так и ограждающие, а также отделочные фасадные материалы с успехом применяются в строительстве многоэтажных домов в странах Европы (может быть, даже из нашего леса), в Канаде.

В то же время несколько запоздалый интерес к возрождению старинной деревянной архитектуры постоянно сталкивается с проблемой исполнения пожарных требований. Это, безусловно, преодолимо, но ценой больших усилий и потерь как со стороны проектировщиков, так и собственников, если таковые находятся. А находятся они с трудом, поскольку их пугают подобные проблемы.

Необходимо упомянуть также о финансовом годе. В России он начинается после новогодних праздников и заканчивается 25 декабря **. Пока составляются и утверждаются программы государственного финансирования тех или иных дорожных, строительных и реставрационных работ, проводятся тендеры, выдерживаются необходимые паузы, проходит не весна, а лето и даже осень. В результате и дорожные, и ремонтные, и фасадные работы проводятся под зиму. Последние годы климатические условия Северо-Западного региона благоприятствуют строителям. Но никто не знает, долго ли это продлится. На фасады устанавливаются тепляки, которые стоят и обогреваются работающими на электричестве тепловыми пушками, они же также используются для прогрева замерзшего грунта при дорожных работах, при ремонте набережных и мостов. Результат — не только перерасход электроэнергии, но и спешка (все

* В Ленинграде существовало до середины 1960-х гг.

** В США финансовый год начинается 1 октября.

надо сдать до 25 декабря), более низкое качество выполненных работ, чем если бы они выполнялись в светлое и теплое время года, удорожание за счет применения противоморозных добавок и расценок на «зимние условия» и соответственно зимние условия работ и т. д. и т. п. А ведь в соответствии с Федеральным законом № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности» всем полагается экономить энергоресурсы.

Очевидно, что необходимо начинать какие-то изменения в системе нормативов, которые становятся тормозом не только в развитии наших городов, но и при сохранении объектов культурного наследия, а жесткость нормативных требований следовало бы заменять соответствующими воспитательными мерами.

КОНЦЕПЦИЯ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА В ПЕТЕРБУРГЕ И ПРИГОРОДАХ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В ПОСЛЕДНИЕ годы на разных уровнях во многих регионах России значительное внимание уделяется проблеме сохранения памятников деревянного зодчества. Постепенно множатся утраты, и решение этой задачи становится всё более актуальным.

Вспомним, что изначально не только поселки и деревни, но и города при дворцовых резиденциях (Царское Село, Петергоф, Павловск, Ораниенбаум) да и сам Санкт-Петербург строились преимущественно деревянными. Например, в Царском Селе (по сведениям И. Ф. Яковкина) в конце 1820-х гг. было 223 деревянных и всего 9 каменных обывательских домов¹. Но постепенно города перестраивались и обретали знакомый нам сегодня облик.

Вопрос сохранения деревянного наследия впервые нашел свое место в деятельности «„Комиссии по изучению и описанию Старого Петербурга“ при Обществе архитекторов-художников... которая началась в марте 1907 года с фотофиксации петербургских памятников. В первую очередь фотографировались деревянные дома конца XVIII и начала XIX веков»².

Следующие периоды утрат деревянного наследия были связаны с тяжелыми эпизодами в жизни нашей страны — годами революций, Гражданской и Великой Отечественной войн. Жители, возвращаясь из эвакуации, с фронтов, селились в дома, которые мало-мальски были пригодны для проживания. Но шло время, и в 1950-е гг. многие из этих зданий прошли капитальный ремонт. При этом изменялась внутренняя планировка (бывшие особняки превращались в многоквартирные дома), упрощался внешний декор. Отопление зачастую оставалось печным, а газ привозили в баллонах.

Массовое жилищное строительство 1970–1980-х гг. привело к утрате деревень, находившихся по окраинам Ленинграда и пригородов (уже давно нет Купчина, Большого Кузьмина и многих других).

Перестройка и как одно из ее проявлений — приватизация внесли новый аспект в проблему сохранения деревянного наследия. Квартиры выкупались, причем часто — одним лицом, появлялся новый хозяин. Дом расселялся, но далее вставал вопрос реставрации, а учитывая, что хозяин появился только у квартир, но не у всего здания, проблема становилась тупиковой. Яркий пример — объект регионального уровня охраны Дом Олениных (г. Пушкин, Пушкинская ул., 1). Более 20 лет стоит расселенное здание, осыпается штукатурка, накренился купол, но никаких перспектив его использования так и не видно.

Другой вариант развития событий: жилой дом признается аварийным и непригодным для проживания (этот процесс начался в 1980-е гг.), постепенно расселяется и переводится в маневренный фонд либо полностью освобождается. О людях позаботились, а вот про дома забыли... Несколько лет идет

Дом Петровских (Москиных) (Малая ул., 42) на момент снятия с учета.
Фотография автора, 2012 г.

Усадьба А. Н. Баутлера после снятия с учета. Фотография автора, 2011 г.

Каменные дома на Московской ул., 36, 40. Фотография автора, 2015 г.

оформление документов для запланированной на будущее продажи через фонд имущества. Далее объявляется конкурс на покупку. Цена чаще всего немаленькая: не забудем, что дома находятся в исторических центрах Петербурга или петербургских

пригородов. А если еще и на территории парков — объектов культурного наследия, то стоимость становится еще больше.

Находится покупатель, заказывает историко-культурную экспертизу, а итог — здание снимается с учета. Причиной часто указывается капитальный ремонт 1950-х гг. (даже если не были затронуты несущие конструкции). Вот примеры: дача М. Р. Ростовцевой (г. Пушкин, Павловское шоссе, 6) в аварийном состоянии (да, для проживания — аварийное, но почему нельзя отремонтировать?), как и дом М. К. де Траверсе (Ф. Фёдорова) (г. Пушкин, Малая ул., 46). Еще одна причина снятия с учета — рядовая застройка, причем даже если это последний в своем роде пример — усадьба А. Н. Баутлера (г. Пушкин, Московская ул., 36, 40). При этом в зданиях случаются пожары, но чаще всего уже в процессе разборки, после снятия с учета. В итоге вместо оригинальных памятников на наших улицах появляются реплики из кирпича, чаще всего — непохожие на оригиналы (например, дом А. И. Малышева: г. Пушкин, Московская ул., 35, 37, 39) — вместо двух двухэтажных деревянных флигелей построен один четырехэтажный жилой дом.

Еще один пример — дача Н. Е. Сверчкова (С. А. Тами) (г. Пушкин, Павловское шоссе, 30). Владелец заказывает историко-культурную экспертизу, по которой ОКН получает статус региональной охраны (был выявленным объектом). Казалось бы, замечательно, бизнес понимает, что владение памятником престижно. Но... в процессе работ из-за нерадивости работников случился пожар, который затронул только кровлю и часть второго этажа. Лестница, камин, находящиеся на первом этаже, сохранились. При разборе упала одна из труб. Владелец принимает решение вести работы экскаватором. Но и этот вандализм КГИОП удалось остановить. Сохранившаяся часть была разобрана аккуратно и складирована. Можно радоваться? Ан, нет. Проходит время, и дом вместо бревен строится из бруса. Да, дерево, но нарушена технология. Никаких элементов лестницы и камина на место не установлено. В результате получился полный новодел. Со слов владельца, все эти изменения сделаны с санкции КГИОП. Да, дом построен по чертежам С. А. Данини, внешне очень похож на тот, что был более 100 лет назад. Но можно ли считать его памятником?

Истины ради: есть примеры настоящей реставрации — дом В. И. Горностаевой-Монигетти (г. Пушкин, Октябрьский бульвар, 53).

Проблемы множатся. В попытке их решения чаще всего объекты рассматриваются по отдельности. При этом все объединяются под понятием деревянная архитектура. Думаю, что нужно отойти от частных и посмотреть на проблему в целом, выявив общие черты и схожие проблемы по всему Петербургу. И тогда возникнут вопросы, ответы на которые и могут стать основой концепции сохранения деревянного наследия.

Вопрос 1. Что есть деревянный дом, попадающий под понятие памятника архитектуры и истории?

1. Материал.

А) Предполагаю, что можно определить долю деревянных конструкций в 50% или более.

Б) Высокий каменный фундамент (иногда — 1-й этаж), обеспечивающий изоляцию от грунтовых вод.

В) Каменные пристройки — лестничная клетка (например, дом причта церкви Смоленской Божией Матери села Смоленского, пер. Ногина, 3), кухня, кирпичные брандмауэры и пр.

Дом причта церкви Смоленской Божией Матери села Смоленского.
Фотография автора, 2018 г.

2. Деревянный дом — обособленное строение. Такой памятник всегда окружает значительная усадебная территория. Особенно ярко это видно на примере дач Курортного района.

3. Возраст. Сто и более лет.

4. Назначение.

А) Жилые дома:

· дворцы (дворец великого князя Михаила Павловича, г. Красное Село, пр. Ленина, 112);

· жилые дома индивидуальной или образцовой постройки;

· построенные для работников на территории ансамблей (жилой дом, деревянный двухэтажный, по адресу наб. Обводного кан., 118).

Б) Дачи (Курортный, Петродворцовый районы, Каменный остров).

В) Благотворительные организации (амбулатория Царско-сельской общины сестер милосердия Красного Креста, г. Пушкин, Леонтьевская ул., 33).

Г) Культовые (церковь Святого благоверного князя Александра Невского, г. Красное Село, пер. Щупа, 10).

Д) Склады, служебные постройки, подсобные здания на промышленных территориях (служебная постройка Калининского морского госпиталя, Старо-Петергофский пр., 9).

Е) Беседки.

Ж) Отдельной строкой стоят ОКН, которые изначально предполагались как ленинские места (дом, где в октябре 1917 г. состоялась конспиративная встреча членов ЦК РСДРП(б) по вопросу о подготовке вооруженного восстания, по адресу пр. Энгельса, 92). Но этот деревянный дом, достаточно хорошо сохранившийся, имеет ценность не только как памятник политической истории, но и как характерный образец почти полностью исчезнувшей деревянной застройки пригородов, вошедших в черту современного Петербурга.

Вопрос 2. Сколько деревянных домов, попадающих под понятие памятника архитектуры и истории, находится на территории Санкт-Петербурга?

В Концепции сохранения деревянного наследия, разработанной «Студией 44» в 2018 г., значится 271 объект. Но там числятся дома уже перестроенные в камне, по которым принято решение

о снятии с учета. С другой стороны, отсутствуют памятники (объект регионального уровня охраны дом Олениных, г. Пушкин, Пушкинская ул., 1).

При проверке учетного списка на сайте КГИОП по запросу «дерево» выборка (февраль 2019 г.) состояла из 37 объектов.

С другой стороны, после инвентаризации, проведенной КГИОП в 1998 и 2003 гг., произошло много изменений: какие-то из домов утрачены, но есть и объекты, не учтенные при инвентаризации, без охранного статуса, но имеющие хорошее техническое состояние и интересное архитектурное решение. Таких домов несколько в поселках Левашово и Песочный.

Еще одна проблема — названия объектов и написание адресов. Появление в последние годы в официальных адресах литер вносит непонимание. Особенно это касается дач Курортного района. Кроме того, после проведенной изыскательской работы выявляются факты, требующие изменения названия объекта.

Ни в каких списках не найдена так называемая будка Попова (внешне выглядит деревянной). Ни в составе памятника «Первый учебный морской экипаж» (г. Кронштадт, Макаровская ул. 1), ни как обособленный объект она не упомянута.

Будка Попова. Фотография автора, 2011 г.

Про «Пенаты» И. Е. Репина можно слышать — ну, это ж новодел! Но этому «новоделу» уже более 70 лет.

Сколько же их? Приходя в библиотеку, мы в первую очередь обращаемся к каталогу, а не мчимся к полкам.

Вопрос 3. Как поступать с бесхозными объектами?

Просматриваются два варианта развития событий, приведших к бесхозности:

А) Ведомства, которые крайне медленно передают городу принадлежащие им постройки, являющиеся ОКН (например, санатории или Министерство обороны);

Б) Покупатель, который со зданием ничего не делает. Даже после судебного решения (по истечении 48 месяцев, отведенных для работ после покупки) и оплаты штрафов передача здания идет годами (например, дача Ф. А. Амброжевича, г. Пушкин, Московское шоссе, 29).

В итоге здания годами остаются под строительной сеткой, частично заколоченными (в лучшем случае) либо обрушены на неохраняемой территории (дача деревянная, пос. Песочный, Железнодорожная ул., 14). По логике за таким зданием должна следить и наводить минимальный порядок районная

Дача в пос. Песочном. Фотография автора, 2018 г.

администрация. Но у нее таких прав нет! Вновь идут суды с формальным владельцем, но здание стоит открытое для постороннего вмешательства. В итоге — пожары, непреднамеренные поджоги.

Вопрос 4. Какие возможны виды приспособлений под современное использование?

1. Самое надежное — музеи. Это могут быть как мемориальные музеи (дом А. Китаевой — дача А. С. Пушкина, г. Пушкин, Пушкинская ул., 2), так и галереи (Царскосельская коллекция, г. Пушкин, Магазиная ул., 40), и краеведческие экспозиции (Невская застава, Ново-Александровская ул., 23).

2. Офисные здания.

3. Частное проживание (жилой дом, дача).

4. Гостиницы.

При создании Концепции сохранения деревянной архитектуры «Студией 44» в 2018 г. не были поставлены конкретные задачи. В итоге значительная часть работы посвящена определению ценности зданий. Но это невозможно сделать без научного исследования каждого объекта. В итоге, если верить Концепции, во всем Петербурге отсутствуют деревянные ОКН с высокой исторической ценностью. При этом, по заявлению И. В. Сабанцева, одного из авторов Концепции во время ответа на вопрос на II Международной конференции по сохранению объектов культурного наследия — памятников деревянной архитектуры, 2019, при определении исторической ценности не бралось в расчет то, что до нас дошла информация об архитекторе зданий. А ведь речь идет о ведущих зодчих своего времени — В. П. Стасове, И. А. Монигетти, А. Ф. Видове, С. А. Данини...

С другой стороны, как можно определить уровень подлинности, если многие объекты не были обследованы, а только сделаны фотографии (кстати, многие плохого качества) из-за забора. Для такой работы необходимо профессиональное обследование.

Итак, Концепция сохранения деревянной архитектуры в первую очередь должна предусматривать решение задач (доступных для решения в течение календарного года):

1. Инвентаризация:

· проверка наличия тех построек, которые являются ОКН;

- проверка соответствия адресов и названий;
- предложения по дополнительному учету;
- новострой, которым уже более 50 лет.

2. Беспозные здания. Выработка алгоритма по их передаче городу (возможно, лишь временно).

3. Методика приоритетов в определении подлинности и историко-архитектурной ценности.

Характеристика сруба, несущих конструкций, фундамента, планировочного решения.

4. Методика аренды в программе «Памятник за 1 рубль».

На II Международной конференции по сохранению объектов культурного наследия — памятников деревянной архитектуры (2019) состоялся доклад Е. В. Перетягиной, председателя Комитета по охране объектов культурного наследия Томской области, посвященный реализации аналогичной программы. Вероятно, следует изучить и обдумать программу, реализуемую в Томске, с учетом петербургских реалий. Домов, которые еще можно восстановить, достаточно, их можно и необходимо спасать.

И еще одно важное предложение: на период создания и реализации Концепции необходимо объявить мораторий на утверждение снятия с учета деревянных зданий.

Такая концепция может стать реальностью. Но есть еще и человеческий фактор; как говорится, нужно повернуться лицом к проблеме и от принципа: «Мы не можем сохранить всё», перейти к постулату: «Нужно пытаться сохранить всё». А при составлении историко-культурных экспертиз искать не причину, по которой нельзя сохранять, а изыскивать факторы, которые помогут сохранить.

Примечания

¹ См.: Семёнова Г. В. Архитектура деревянных домов. СПб., 2006. С. 4.

² Марголис А. Д. Из истории общественного движения в защиту культурного наследия в Петербурге — Ленинграде. 1907–1938. СПб., 2018. С. 5.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПАМЯТНИК — РЕЗЕРВУАР ПЕТРОГРАДСКОЙ ФИЛЬТРООЗОННОЙ СТАНЦИИ С САДОМ НА КРЫШЕ НА ПЕНЬКОВОЙ УЛИЦЕ

ПЕТРОГРАДСКАЯ (Заречная) фильтроозонная станция (ПФС) была сооружена в непосредственной близости от Петроградской (Заречной) водопроводной станции (ПВС) и с последней была технологически связана (современный адрес: Пеньковая ул., д. 8/6).

ПВС была построена в 1870-х гг. Обществом Санкт-Петербургских водопроводов у Сампсониевского моста для водоснабжения Петербургской стороны. В ЦГИА СПб имеются чертежи, подписанные известным английским инженером гидротехнических сооружений Джозефом Квиком (Joseph Quick)¹. Жилой дом для начальника станции, кузница и машинный зал были возведены по проекту И. О. Рубана². ПВС имела отдельную водопроводную сеть, водозабор и водоподъемные сооружения. В 1893 г. станция была выкуплена в казну и перешла в ведение Городской исполнительной комиссии по водоснабжению Санкт-Петербурга. Вода подавалась в сеть без очистки.

В 1908 г. эпидемия холеры в Санкт-Петербурге послужила поводом для принятия решения о радикальном улучшении качества питьевой воды и о строительстве фильтроозонной станции. Для общего руководства работами и осуществления надзора была создана особая комиссия, которая заседала обычно в здании Городской думы в помещении по постройке моста Петра Великого³.

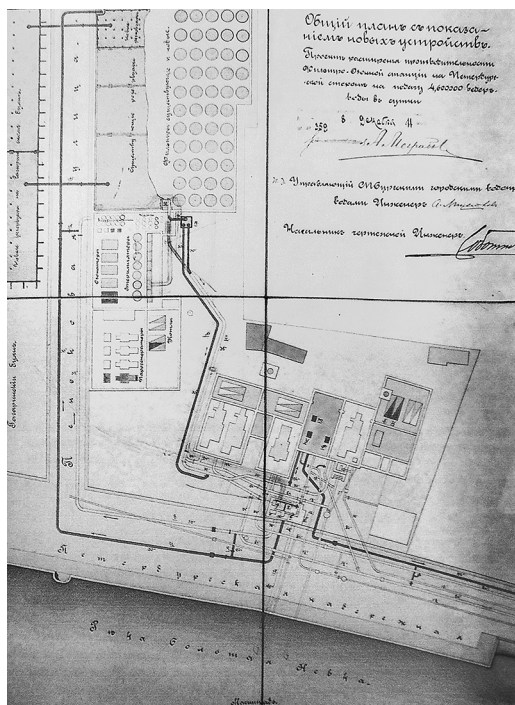
Проектирование и строительство станции осуществлялось в 1909–1911 гг. фирмой «Русских электротехнических заводов Сименс и Гальске» под руководством гражданских инженеров Л. А. Серка и В. В. Старостина. К наблюдению за работами со стороны комиссии были привлечены авторитетные архитекторы, в частности на первоначальном этапе — гражданские инженеры М. С. Лялевич и М. М. Перетяткович, затем — С. С. Небельский и Ф. Ф. Кнорре⁴.

Л. В. Семькина - Резервуар Петроградской фильтроозонной станции

В 1911 г. была запущена первая очередь станции, и сразу же начались работы по ее расширению. Выигравшая торги фирма «Сименс и Гальске» передала исполнение договора Русскому акционерному обществу для применения озона⁵. Проект «расширения производительности» ПФС был разработан начальником чертежной управления городскими водопроводами инженером Ч. Р. Сobotковским⁶. Окончательно станция была введена в эксплуатацию в 1914 г.

Ввиду необходимости регулировать и обеспечивать всевозрастающий забор очищенной воды при расширении станции был сооружен дополнительный резервуар вместимостью 1 млн ведер. Место для его размещения было выбрано на противоположной от станции нечетной стороне Пеньковой улицы, на Гагаринском буяне.

Проект расширения
производительности
Фильтроозонной
станции на
Петербургской
стороне. 1911. Музей
воды

Легенда, кочующая из одного источника в другой, о существовании на этом месте погребов Училищного дома не находит подтверждения в архивных документах (планы, фотографии, описания освобождения участка).

Проектные чертежи резервуара пока не выявлены. Обнаружены лишь первоначальные чертежи, относящиеся к проекту размещения резервуара на четной стороне Пеньковой улицы, составленные и подписанные участковым техником Р. И. Хмелевским. Согласно этому проекту на кровле резервуара планировалось разместить склад угля⁷. При привязке проекта к месту около Училищного дома от этой идеи отказались, и вместо угольного склада на кровле был запланирован сад.

Из пояснительной записки к проекту⁸:

«Резервуар обсыпается слоем земли толщиной 0,50 саж. и на нем предположено развести для училища сад.

Горизонт воды в новом резервуаре назначен на том же уровне, что и в существующих на фильтроозонной станции, т. е. на высоте 3,86 метра над местным ординаром, а основание закладывается на уровне ординара; таким образом, за вычетом толщины днища, слой воды в резервуаре будет 3,65 метра.

Всасывающие трубы будут пересоединены к новому резервуару; наибольшая высота всасывания, считая от пола резервуаров до оси насосов Фельзера, — 4,30 метра.

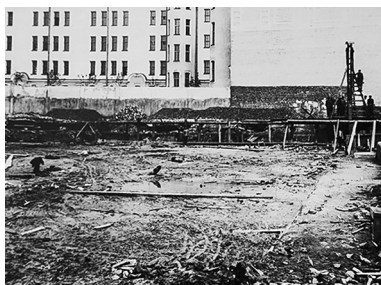
Всё сооружение разделено внутри на две части глухой стенкой и представляет собою два обособленных водовместилища, каждое с самостоятельным оборудованием подводящими, всасывающими и спускными трубами и с поперечными перегородками для побуждения правильной циркуляции воды.

Для удаления атмосферных осадков с поверхности сооружения плоские перекрытия имеют небольшой скат.

Все наружные стенки и пол внутри здания покрываются цементной штукатуркой толщиной 25 мм».

Показатели: общая площадь внутри резервуара — 3379,2 кв. м; число колонн — 277; поперечное сечение колонн — 0,09 кв. м. Полезная площадь резервуара — 3390,66 кв. м. Емкость резервуара при высоте слоя воды 3,65 м — 1 006 151 ведер.

О нетривиальности конструктивного решения свидетельствует и такая цитата из другой пояснительной записки⁹:

Ход строительства резервуара на Гагаринском буяне. 1912 г. Фотографии ателье Буллы. ЦГАКФД СПб. Д6777, Д6778

Г. А. Гиршсон). Это товарищество имело опыт сооружения резервуаров для хранения чистой воды, в частности в 1904–1905 гг. им был построен цементно-бетонный резервуар в Александровском парке Царского Села (сообщено Л. В. Бардовской).

Договор с товариществом на «постройку железобетонного резервуара с оборудованием (согласно пояснительной записке) и подводящих озонированную воду железобетонных каналов» был заключен Петербургским городским управлением в лице Исполнительной комиссии по водоснабжению 27.04.1912 г. Товарищество обязалось «своими рабочими, инструментами и из собственных материалов, со всеми земляными, вспомогательными и подготовительными работами и во всем согласно прилагаемому проекту, состоящему из чертежей, пояснительной записки, расчетов и технических условий со всеми изменениями конструктивного характера, которые будут внесены при утверждении проекта Техническо-строительным комитетом М. В. Д.»¹⁰ выполнить работы за 194 тыс. руб. в течение 100 рабочих дней и под техническим надзором со стороны заказчика. Особо оговаривалось, что «все материалы должны быть русского изготовления» (параграф 14 договора).

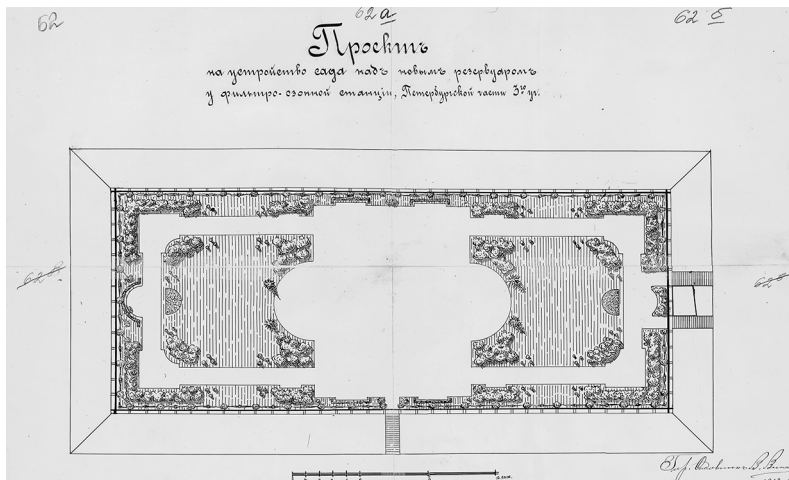
Было заключено соглашение и с К. Буллой¹¹ на изготовление фотографических снимков стройки в виде 6 альбомов по 6 снимков в каждом. Альбомы обнаружить не удалось, но в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга имеется несколько десятков фотоснимков с места работ (некоторые из них ошибочно датированы 1911 г.).

Как не раз упоминается в архивных документах, работы как по постройке станции, так и ее расширению велись очень быстро, до окончательного утверждения документации Техническо-строительным комитетом МВД. При возникновении проблем комиссия по постройке фильтроозонной станции привлекала компетентных специалистов — крупнейших архитекторов и инженеров. В проектную документацию оперативно вносились изменения и дополнения. Например, при подготовке котлована для резервуара на Пеньковой ул. по инициативе А. И. Дмитриева, автора проекта Училищного дома имени Петра Великого, была устроена деревянная шпунтовая стенка по восточной границе котлована во избежание оползней песка из-под здания училища¹². К январю 1913 г. одна половина резервуара была готова к «пуску в ход». Окончательный акт приема работ по расширению станции был подписан 2 июля 1913 г., однако и после указанной даты работы по испытаниям, доводке и наладке продолжались¹³.

В свое время ПФС являлась самой крупной и наиболее технически оснащенной в Европе. На станции была создана собственная микробиологическая лаборатория, которая вела регулярные наблюдения за качеством очистки воды. Станцией гордились. На ее территории организовывали экскурсии, а о принципах действия и устройстве выпускали брошюры.

Еще 13 марта 1913 г. Городская комиссия по водоснабжению обратилась к старшему городскому садовнику с предложением составить проект сада «для учащихся в Петровском училищном доме», представив чертежи резервуара, что и было исполнено городским садовником В. И. Визе.

Некоторые подробности проекта раскрываются в сопроводительном письме: «Управление городских водопроводов препровождает при сем составленный городским садовником проект и смету на устройство сада на строящемся резервуаре озонированной воды на Петербургской стороне, смету на устройство: двух поливных кранов и план обсыпки резервуара в таком виде, как она будет исполнена в действительности; на последнем чертеже нанесены также дорожки и куртины применительно к проекту городского садовника, смета которого

Проект на устройство сада над новым резервуаром у фильтроозонной станции, Петербургской части 3-го уч. Калька. 1913. ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 94. Д. 623. Л. 62–62б

таким образом в отношении количества работ подлежит небольшому изменению, а именно площадь под дорожками и площадками будет иметь 341 кв. саж., под куртинами и газонами 366 кв. саж., а откосы и бермы составят 351 кв. саж.»¹⁴. Со стороны Училищного дома в сад по проекту вела гранитная лестница.

Отмечалось, что «необходимо еще предвидеть... также устройство вокруг сада железной ограды на железобетонном цоколе, возведенном уже при постройке самого резервуара. Этот цоколь имеет поперечный профиль, допускающий установку ограды, снятой с Исаакиевского сквера...». Известно, что информация об этой чугунной решетке, хранившейся на Гагаринском пеньковом буяне, запрашивалась в Городской управе. Рассматривался также вариант установки ограды, снятой с Лиговского бульвара¹⁵. Действительно, незадолго до обращения комиссии в 1910–1913 гг. Исаакиевский сквер был полностью переустроен и решетка демонтирована¹⁶. Однако происхождение существовавшей еще недавно решетки автору установить не удалось.

В дореволюционной России входам в хранилища чистой воды уделялось особое внимание — их украшали как святилища. 27 ноября 1912 г. Городская комиссия по водоснабжению обратилась к академику архитектуры М. М. Перетятковичу с просьбой составить проекты фасадов входных камер резервуара: «Препровождая при сем чертежи надстроек над всасывающими и сливными камерами у строящегося на Петербургской стороне резервуара, Управление городских водопроводов просит Вас составить проекты фасадов из гранитных камней для упомянутых надстроек»¹⁷.

В январе 1913 г. Марьян Марьянович направил подготовленные им проекты в комиссию. В феврале 1913 г. постановлением Городской исполнительной комиссии по водоснабжению чертежи фасадов «для надстроек над камерами и колодцами на резервуаре у фильтроозонной станции, представленные Академиком архитектуры М. М. Перетятковичем», были утверждены и переданы производителю работ, а архитектор получил оговоренное ранее вознаграждение¹⁸. Также М. М. Перетятковичем, по-видимому, был составлен проект входных дверей в павильоны. Чертежи, сопровождавшие переписку, не обнаружены.

«Согласно журнальному постановлению Строительного комитета по новым работам на Петербургской (ныне Петроградской) стороне от 31 июля 1914 года, состоявшемуся под председательством члена Управы заведывающего отделом по водоснабжению А. Н. Быкова, работы по устройству гранитной облицовки павильонов над резервуаром на 1 000 000 ведер воды были сданы подрядчику Гофтаршу...»¹⁹. К работам Г. Л. Гофтарш был допущен с сентября 1913 г., они были окончены летом 1915 г. При расчетах было учтено, что 40% работы было выполнено в военное время. Окончательный расчет с подрядчиком был произведен только в 1917 г.

О трудностях с поставками материалов в военное время свидетельствует обращение производителя работ на ПФС инженера М. Г. Каухчева от 27 мая 1915 г.: «Для облицовки гранитом приемной камеры резервуара недостает нескольких камней для парапета. Последние, ввиду их больших размеров и большой величины пастели (0,30 саж.) могут быть вытесаны из гранитных глыб больших размеров. Как выяснилось из обследования го-

родских буянов, гранитных камней требуемых размеров и красного цвета в распоряжении заведующего буянами не имеется. Но вполне подходящие камни находятся на Гагаринском буяне в распоряжении Трамвайного Управления, по книгам которого значатся эти камни как негодные.

Ввиду этого, честь имею просить Вашего соответствующего ходатайства перед Городской управой о том, чтобы Трамвайное управление или предоставило нам несколько вышеупомянутых камней из их склада, или же в крайнем случае обменяло на камни серого гранита»²⁰. По-видимому, договоренность с Трамвайным управлением состоялась, так как работы были завершены.

В июне 2018 г. пока изыскивались обосновывающие ценность резервуара архивные материалы и готовилась заявка на выявление объекта, обладающего признаками культурного наследия, резервуар Петроградской фильтроозонной станции с садом и оградой был противозаконно уничтожен, несмотря на то, что проектом предусматривалась только его реконструкция²¹. В соответствующий перечень удалось включить только частично уцелевшие гранитные входные группы. Распоряжением КГИОП № 413-р от 15.10.2018 «Входные павильоны резервуара Петроградской фильтроозонной станции» были признаны выявленным объектом культурного наследия.

Примечания

¹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 101. Д. 467. Л. 14–40.

² Там же. Л. 41–45.

³ ЦГИА СПб. Ф. 575. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 575. Оп. 1. Д. 2, 4, 5.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 573. Оп. 1. Д. 7200. Л. 182.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 573. Оп. 1. Д. 7199. Л. 75.

⁷ Там же. Л. 500–502.

⁸ Там же. Л. 214–217.

⁹ Там же. Л. 492.

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 464. Оп. 1. Д. 233. Л. 2–9.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 573. Оп. 1. Д. 7205. Л. 129, 132.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 573. Оп. 1. Д. 7202. Л. 2.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 573. Оп. 1. Д. 7200. Л. 353.

¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 573. Оп. 1. Д. 7203. Л. 78–79.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 94. Д. 623.

¹⁶ Сады и парки Санкт-Петербурга. М.; СПб., 2004. С. 118–120.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 573. Оп. 1. Д. 7205. Л. 166.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 573. Оп. 1. Д. 7202а. Л. 45.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 573. Оп. 1. Д. 7212. Л. 585.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 573. Оп. 1. Д. 7201. Л. 318.

²¹ На Пеньковой улице ради Нахимовки снесли старинный резервуар для воды. 2018. URL: <http://kanoner.com/2018/06/06/159736/> (дата обращения 06.06.2018).

РЕСТАВРАЦИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

РЕСТАВРАЦИЯ и музеефикация являются основными способами сохранения памятников архитектуры. В связи с восстановлением и передачей храмов Русской православной церкви, а также обострившейся проблемой взаимоотношений музеев и церкви в использовании и сохранении культовых памятников данная тема становится особенно актуальной.

Объектом исследования являются православные каменные храмы в европейской части России. В 2014 г. в ста епархиях была введена должность епархиального древлехранителя, который призван служить помощником правящему архиерею в вопросах сохранения объектов культурного наследия, находящихся в пользовании прихода. 2014 год, который должен был стать началом нового этапа в сфере сохранения культурного наследия церкви, рассматривается в настоящем исследовании в качестве отправной точки.

Заявленная тема глубока и многогранна, осветить все ее аспекты в рамках одной статьи не представляется возможным, поэтому в данной работе современная ситуация кратко характеризуется на нескольких примерах.

Сегодня музеефикация памятников культовой архитектуры может иметь различные цели. В одном случае памятник рассматривается как объект музейного показа, в другом речь идет о реставрационной музеефикации, то есть консервации фрагмента и создании условий для его дальнейшего осмотра в немuseumном объекте. Первый из обозначенных процессов, в свою очередь, может рассматриваться и как *поддержание* объекта в музейном состоянии, и как *преобразование* его в объект музейного показа. Последнее чаще всего происходит в отношении памятников, имеющих статус федеральных объектов культурного наследия, но практически полностью разрушенных, восстановление которых с последующим возвращением

первоначальной функции нецелесообразно и грозит полной утратой ценного исторического источника. Поддержание культового объекта в музейном состоянии всё еще имеет широкую практику, несмотря на тенденции к демузеефикации памятников храмовой архитектуры.

Говоря о реставрации памятников культовой архитектуры, необходимо затронуть вопрос о состоянии реставрационной отрасли в целом. Как отмечают специалисты, в этой сфере «мы переживаем жесточайший кризис... <...>. Ориентация реставрационной теории и практики на новоделы, пренебрежительное отношение заказчиков к подлинникам являются причинами многочисленных актов вандализма»¹; «...профессиональные реставрации сведены к минимуму, практически забыта реставрационная методика»². Данная ситуация в равной степени применима ко всем видам памятников архитектуры.

Рассмотрим процессы музеефикации и реставрации памятников культовой архитектуры подробнее на нескольких примерах.

Музеефикация с реставрацией была применена в церкви Свв. Бориса и Глеба в Кидекше (Владимирская область). Критический анализ приемов, примененных в рамках завершённой в 2015 г. масштабной реставрации, произвел А. И. Скворцов: «В целом же создается впечатление, что проведенная в интерьере памятника реставрация не столько сохраняла „патину времени“, сколько ее убирала»³. Автор отметил также, что неудачный опыт реставрации — не только церкви в Кидекше, но и большей части музеефицированных памятников Всемирного культурного наследия в России — связан со сложившимися стереотипами, согласно которым в интерьере музея необходимо использовать современные экспозиционные «новодельные» приемы, которые «вторгаются» в историю памятника, разрушают подлинный объект и значительно искажают его восприятие. В то время как истинная музеефикация призвана всемерно сохранять памятник и раскрывать его историко-культурную ценность, большая часть музеев в стенах храмов и сегодня являются в значительной степени организациями, лишь приспособившими помещение храма под музейную экспозицию.

Наряду с общей тенденцией к демузеефикации храмов некоторые объекты впервые подвергаются музеефикации. В таких

случаях, как правило, происходит превращение руин древних храмов в объект музейного показа. Недавний пример этого — музеефикация церкви Благовещения на Городище в Новгороде, руинированного памятника культовой архитектуры домонгольской Руси, объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО. Разрушенная в Великую Отечественную войну, церковь Благовещения не была реконструирована в период послевоенной реставрации, и современные реставраторы приняли решение о консервации с приспособлением под музейное использование: руины, стоявшие без крыши, были застеклены практически невидным снаружи куполом; были расчищены участки, восстановленные археологами после войны. Кроме того, в ходе археологических работ были обнаружены апсида, престол и фрагменты живописи XII в., которые стали объектом показа в музеефицированной церкви Благовещения на Городище⁴. Однако эти работы обладают многими из выявленных А. И. Скворцовым недостатками реставрационных и экспозиционных приемов с современным оборудованием, что снижает уровень восприятия древности и подлинности объекта.

Приспособление для музейного показа древних руин широко распространено в западноевропейском музееведении, в последние годы этот метод часто используется и в России. Подобный проект планируется реализовать и в руинированной церкви Св. Андрея Юродивого на Ситке в Великом Новгороде, объекте культурного наследия федерального значения⁵.

Необходимо коснуться и вопросов реставрации демузеефицированных храмов после их передачи Русской православной церкви.

В сфере реставрации культовых памятников, так же как и их использования, есть примеры совместной работы церкви и музея. Так, церковь Св. Симеона Столпника в Великом Устюге, использующаяся совместно музеем и церковью, реставрируется усилиями общины верующих, музея, администрации города, организациями, предпринимателями⁶.

Интересен пример сотрудничества государства, музея и церкви, где каждая из структур отвечает за свою сферу деятельности: в ряде случаев ценные объекты культурного наследия после демузеефикации остаются под контролем музейных работников

и реставраторов, а обязанностью прихода становится поддержание температурно-влажностного режима посредством оборудования, которое передает приходу музей. Права и обязанности закрепляются соответствующими договорами. Такие примеры есть в Сампсониевском соборе, в Спасском соборе Спасо-Андроникова монастыря, в Рождественском соборе Снеготорского монастыря. Последний стоит отметить в связи с тем, что после демузеефикации там по-прежнему проводятся экскурсии (по расписанию трижды в день); в основном, самом древнем и ценном объеме храма, богослужения не совершаются, а проходят они в позднем приделе, притом на общей с основным объемом стене нет росписей. Софийский собор в Великом Новгороде имеет свою собственную хранительскую службу, сотрудниками которой являются ведущие реставраторы Великого Новгорода, сотрудники Новгородского музея-заповедника. В Софийском соборе проведена реставрационная музеефикация — законсервированы и открыты для показа фрагменты древних фресок. Реставрацию новгородского Свято-Юрьева монастыря производят профессиональные реставраторы, сотрудники Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

В рамках общей ситуации с реставрацией существуют проекты и результаты реставрации храмов, особо отмеченные госорганами по охране памятников: например, получившие призовые места в специализированном конкурсе в Москве в 2018 г. Премий были удостоены исполнители и заказчики реставрационных работ — реставрационные фирмы, местные религиозные организации, некоммерческое партнерство «Единая служба заказчика Московской патриархии Русской православной церкви»⁷. Проекты реставраций храмов и монастырей получают положительные заключения государственной историко-культурной экспертизы, которая устанавливает, что реставрация проводится на научной основе, преследует цели раскрытия подлинных элементов памятников и их сохранения, а приспособление для современного использования не нарушает предмет охраны памятников.

Несмотря на то что реализованные проекты реставрации получают положительное заключение государственной историко-культурной экспертизы и согласование госорганов по охране памятников, отрицательных примеров реставрации всё еще

много. Связано это, однако, не только с кризисом реставрационной области и сферы охраны памятников: еще более возмутительные случаи до сих пор происходят по вине недобросовестных, невежественных заказчиков, которые производят работы исходя из личных взглядов и предпочтений без всякого проекта и согласования. Это грозит утратой подлинных элементов, которые можно было бы сохранить руками профессионалов. Такие ситуации встречаются в области некачественных реставраций, ремонтов и приспособлений всех видов памятников архитектуры, включая культовые: «контроль за сохранностью особняков, занимаемых крупными фирмами или банками, отнюдь не проще, чем контроль за сохранностью монастырей и храмов»⁸.

Нельзя также забывать о том, что зачастую храмы, которые в течение многих десятилетий были преданы забвению, нецелевому использованию и разрушению, в результате этого находятся в аварийном состоянии, которое с каждым годом ухудшается еще больше. Такие храмы требуют немедленного проведения ремонтно-реставрационных работ, иначе в скором времени реставрировать будет уже нечего. Порой срочное проведение на памятнике работ позволяет спасти хотя бы его общий вид и градостроительное значение, как это происходит с аварийными храмами Сланцевского района Ленобласти.

Практика реставрационной деятельности приходов храмов в различных епархиях показывает, что институт древлехранительства должным образом еще не сформировался, он несовершенен, хотя это и вполне закономерно, учитывая, что ему едва можно насчитать пять лет. Безусловно, основная роль в сохранении культурного наследия церкви по-прежнему принадлежит настоятелям храмов и монастырей. Настоятель может обратиться, как положено, к епархиальному древлехранителю и к госоргану по охране памятников, иначе работы на памятниках проводятся бесконтрольно и без проекта.

В ряде епархий (Московская, Смоленская, Псковская и др.) сложилась развитая практика епархиального древлехранительства, где осуществляется строгий контроль за состоянием объектов культурного наследия и их реставрацией в соответствии с действующим законодательством. Но, безусловно, на совершенствование института древлехранительства по всей стране,

достижение и закрепление положительных результатов уйдет еще не один год. В то же время ситуация с сохранением даже музеефицированных храмов хотя и менее обсуждаема, чем с сохранением немусеефицированных, но вызывает серьезное беспокойство. Лишь глубокое уважение к подлинному памятнику, восприятие его как единого целого, обладающего «патиной времени», и восстановление реставрационного мастерства в нашей стране позволят успешно сохранять наследие, как музеефицированное, так и используемое по первоначальному назначению.

Примечания

¹ Маслов К. И., Самовер Н. В. Церковь должна быть хранителем отечественного культурного достояния // Актуальные вопросы реставрации и сохранения памятников истории и культуры / сост. и науч. ред. К. И. Маслов. М., 2007. С. 115.

² Ядрышников В. А. Чудо возрождения: история новгородской архитектурной реставрации. СПб., 2017. С. 7.

³ Скворцов А. И. Музеефикация объектов всемирного культурного наследия в России как средство оптимизации их «экспозиционного вида» // Инновационная наука. 2016. № 11–1. С. 233.

⁴ Проект консервации руины церкви Благовещения на Городище. Дневник проекта. Официальный сайт Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. URL: <http://novgorodmuseum.ru/deyatelnost/nauchnye-proekty.html> (дата обращения: 27.01.2020 г.).

⁵ Потерянный новгородский храм XIV в. вытаскивают на свет // Наука и жизнь. URL: <https://www.nkj.ru/news/34200/> (дата обращения: 27.01.2020 г.).

⁶ Церковь Симеона Столпника. Великоустюгский музей-заповедник: официальный сайт музея. URL: ustyug-museum.ru (дата обращения: 27.01.2020 г.).

⁷ Лауреаты конкурса «Московская реставрация — 2018». Департамент культурного наследия города Москвы. URL: <https://mosrest.mos.ru/> (дата обращения: 27.01.2020 г.).

⁸ Актуальные вопросы реставрации и сохранения памятников истории и культуры. Чтения памяти А. Л. Лелекова — 2007 / сост. и науч. ред. К. И. Маслов. М., 2007. С. 116.

И. В. Руднева

ЛЮБЕЗНЫМ МОИМ СОСЛУЖИВИЦАМ...

«A mes chers compagnons d'armes».

Надпись на воротах в Царском

Селе в честь победы России

в Отечественной войне 1812 года

МНЕ жаль, что, вспоминая о дорогих людях, с которыми меня многое связывает, я буду говорить в прошедшем времени. Я и сейчас помню их, моих наставников и коллег, так много сделавших для нашего прекрасного города.

Я пришла в ВООПИиК в семидесятые годы после окончания университета. Это было мое первое место работы. Ирэн Александровна Мартыненко и Валентина Ивановна Васильева в то время уже достаточно долго работали в сфере охраны культурного наследия. И смело могу сказать, что без их опыта, знаний и навыков, а главное, без их доброго и искреннего отношения я не смогла бы войти в этот сложный мир, научиться не просто любить город и его удивительные памятники, но и быть полезной моему родному городу.

Валентина Ивановна Васильева в то время занимала должность ответственного секретаря и была моим непосредственным начальником. Она стала для меня настоящим руководителем: буквально за руку ввела меня в круг людей, занятых изучением памятников архитектуры, наблюдением за их сохранностью, научила плодотворному общению с теми, от кого зависело богатейшее наследие города.

В те годы, на наше счастье, во главе ВООПИиКа стоял уникальный человек — Лев Павлович Тихонов, широко образованный, мудрый и глубоко преданный делу специалист. Валентина Ивановна была его первым заместителем, можно сказать, правой рукой. И именно благодаря этим людям я научилась по-настоящему любить свое дело и быть в нем нужной и полезной. Мне было доверено руководство секцией памятников архитектуры и искусства. Наша работа была тесно связана с учреждениями культуры — музеями, парками, мемориальными

кладбищами. Совместно с различными организациями мы устраивали рабочие встречи, в том числе на самом высоком уровне, и координация этого процесса лежала на плечах ответственного секретаря В. И. Васильевой. Как правило, это были пленумы и конференции, на которых обсуждались важные темы: охранные зоны памятников искусства, рациональное и бережное использование памятников архитектуры, серьезные градостроительные и иные проблемы.

Вместе со Львом Павловичем Валентина Ивановна представляла нашу организацию, выступая с докладами, посвященными проблемам нашего города, на всесоюзных съездах, которые проходили в разных городах страны.

В прямые обязанности другой моей коллеги, Ирэн Александровны Мартыненко, входило освещение в средствах массовой информации многогранной деятельности ВООПИиК в различных профильных и популярных газетах и журналах, а их было раньше значительно больше и они были многотиражными. Я имею в виду те издания, где поднимались вопросы сохранения культурного наследия. Кроме того, лекции, экскурсии, поездки — всё это лежало на ее плечах. Совместно мы организовали поездки по интересным местам города и пригородов. На общих заседаниях наших секций проводились встречи с архитекторами, художниками и краеведами. Вместе мы организовывали работу с добровольными помощниками, принимавшими участие в обследовании домов с целью выявления интересных в художественном плане интерьеров. Наши добровольцы участвовали в археологических раскопках и в Летнем саду, и на территории Меншиковского дворца, и других объектов. Ирэн Александровна активно участвовала в работе Дворца пионеров в Аничковом дворце: организовывала и проводила различные конкурсы и викторины в цикле «Знай и люби свой город». Много сил Ирэн Александровна отдавала «Киноклубу» научно-популярных фильмов, где проводился отбор лучших фильмов на тему «История и современность». Мне даже повезло участвовать в создании фильма «Мозаики Петербурга», который был снят старейшим членом клуба Игорем Сергеевичем Субботиным. Немало сил и времени Ирэн Александровна посвятила созданию фотоархива,

Ирэн Александровна Мартыненко и Владимир Ильич Аксельрод
во Дворце пионеров имени А. А. Жданова

Борис Борисович Пиотровский награждает Ирэн Александровну
Мартыненко дипломом по случаю ее пятидесятилетия

которым и по сей день пользуются искусствоведы, лекторы, реставраторы.

Секция пропаганды под руководством Ирэн Александровны помогла мне в работе с собирателями художественных коллекций. В течение нескольких лет было проведено около десяти выставок в различных музеях города, среди которых — «Западноевропейское искусство в частных коллекциях» в Центральном выставочном зале «Манеж» и «Русское искусство в частных собраниях» в Музее этнографии народов СССР. Все они имели широкий резонанс. Большим успехом пользовались лекции, проводимые нашими секциями, особенно циклы «Великие зодчие Петербурга», «Утраченные памятники Петербурга» и цикл, посвященный пригородам города. Ирэн Александровне удавалось быть таким хорошим организатором благодаря ее искренности и доброжелательности, позитивной энергии, работоспособности. Выражение «отдавать работе всю себя», конечно, штамп, но в данном случае он абсолютно применим. Ирэн Александровна девочкой пережила ужасы блокады, под бомбежками лежали в руинах памятники ее любимого Ленин-

Подготовка к фотоконкурсу «Памятники архитектуры»

Валентина Ивановна Васильева на открытии выставки живописных произведений из частных коллекций (слева). Людмила Николаевна Белова, Валентина Ивановна Васильева и Борис Борисович Пиотровский (справа)

града. Может быть, с тех пор она и посвятила себя служению нашему городу. Вплоть до самых последних дней жизни Ирэн Александровна, будучи очень больной, оставалась на посту. Она координировала по телефону работу своего детища, «Клуба знатоков», организовывала поездки по пригородам Ленинградской области, следила за работой лектория. Я довольно давно сменила место работы, долгое время работала в системе Управления культуры и Министерства культуры, но коллектив Общества охраны памятников, эти замечательные люди, не переставал быть моим родным и близким.

Перефразируя слова, обращенные российским императором Александром I героям войны 1812 года и начертанные на воротах в Царском Селе, хочу сказать: Любезные мои сослуживицы! Как много вы сделали не только для меня лично, вы внесли огромный вклад в трудное, благородное дело по сохранению и восстановлению оставленного нам бесценного наследия! Я благодарна вам и от всего сердца сохраню эту благодарность на всю жизнь!

СУДЬБА ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ

У ЭТОГО человека удивительная судьба. Странные, а порой невероятные события начали происходить с самого начала его жизни, и всё в ней поражает некоей невероятной предопределенностью, будто эту судьбу заранее продумали и написали.

Александр Лукич Ротац родился в Ялте в 1893 г., в семье рабочего-грека Луки Ротаца. Был Лука простым портовым рабочим и, само собой, не думал, что его сын когда-нибудь будет жить и работать в столице, учиться в престижных столичных вузах. Да и не до того поначалу было.

В полтора года Саша не сделал самостоятельно еще ни одного шага и вообще никак не мог встать на ножки. Родители показывали его ялтинским врачам, и те сделали горькое заключение: мальчик, скорее всего, останется парализованным...

Как раз в то время в Ялте началось сооружение собора, который собирались освятить во имя Святого благоверного великого князя Александра Невского. Храм строился в память о трагически погибшем в 1881 г. русском императоре Александре II, убитом террористами. На строительство несколько раз приезжали члены царской семьи.

И вот однажды по городу пронесся слух: вместе с государыней-императрицей Ялту собирается посетить знаменитый на всю Россию пастырь — отец Иоанн Кронштадтский. Из уст в уста в народе передавались истории о совершаемых по его молитвам чудесах. И очень часто говорили, что старец обладает даром исцелять больных.

Мать Саши Ротаца взяла полуторагодовалого малыша и пошла с ним на берег моря. Там в часовне, построенной перед местом строительства будущего собора, служил литургию кронштадтский пастырь. Толпа же собралась в тот день такая, что было и близко не подступиться. Но Сашина мама, заслышав, как загудел народ при появлении в дверях часовни отца Иоанна,

рванулась вперед и каким-то немислимым образом прошла сквозь толпу...

— Батюшка! Отче Иоанне, будь милостив! — женщина упала на колени, протягивая к святителю ребенка. — Это сын мой, он Александром крещен во имя святого Александра Невского. Скоро два года, а на ножки не встает. Врачи говорят — и не встанет! Помоги! Твоя святая молитва, сказывают, чудеса творит!

Отец Иоанн наклонился, взял у женщины ребенка и развернулся назад к часовне. Вошел туда с мальчиком, потом вышел с ним обратно и подал матери. Улыбнувшись, проговорил:

— Возьми. Скоро станет ходить. И жизнь проживет долгую. Хорошую жизнь. Храни Господь!

Через неделю после той встречи Саша Ротач встал на ножки и стал ходить. О его былой немочи вскоре позабыли.

Мальчик прилежно учился в школе, рос любознательным и впечатлительным. И страстно любил рисовать. Откладывая копеечки от выданных на школьные обеды денег, купил акварельные краски, таскал с собой альбом для рисования и каждый день аккуратно точил карандаши. Рисовал ялтинские пейзажи, прибрежные постройки, корабли, дворцы знати, в то время уже появившиеся по берегам будущего знаменитого курорта.

Отцу увлечение сына не нравилось — и денег не принесет (без связей-то!), и только время отнимает.

Но Сашин альбом как-то попался на глаза начальнику ялтинского порта Деллагерту. Он полистал рисунки, нашел их талантливыми и, призвав к себе неуступчивого грузчика, посоветовал не мешать увлечению сына. Лука сдался. И не пожалел об этом. Через некоторое время один из инженеров, занятых строительством новой царской резиденции в Ливадии, поручил талантливому подростку сделать серию проектных рисунков для этого объекта. И неплохо заплатил за работу!

А потом всё пошло и впрямь будто в сказке. Вдохновленный первыми успехами, в 1912 г. Саша отправился прямиком в Санкт-Петербург. Там его рисунки тоже понравились, и юноша сумел поступить в Центральное училище технического рисования, а потом и в петербургскую Академию художеств. Накатившие на Россию потрясения, разбившие не одну тысячу жизней, не сокрушили судьбу простого, небогатого, не

обладавшего ценными связями парня. Многие тогда не могли найти вообще никакой работы, а Александру везло. Он получал заказы то на оформление каких-либо интерьеров, то на строительные проекты. В 1920 г. ему заказали, к примеру, проект здания Петроградского уездного Совета депутатов.

Конечно, всё и всегда гладко не бывает. В конце 1920-х гг. Ротачу заказали проект мемориального памятника — шалаша в Разливе. Архитектор его выполнил. И шалаш построил. Но, видно, кому-то тоже очень хотелось этот проект заполучить, но не повезло. И написал этот кто-то «куда следует», обвинив архитектора в присвоении казенных денег. Как раз начиналась первая полоса репрессий, и архитектор Ротач «попал под раздачу». Три года строил в числе прочих арестантов железную дорогу Сыктывкар — Пинег. В Ленинград вернулся в 1931 г.

И опять же — «отсидевшие» далеко не всегда могли получить работу по специальности, но Александр Лукич вернулся к любимому занятию: работал над проектами зданий, занимался реставрацией и, как прежде, много рисовал. Каждый год открывалось по несколько его выставок. И неизменно часть рисунков с этих выставок пропадала. Воровали их беззастенчиво и внаглую. Когда об этом говорили Александру Лукичу, тот смеялся: «Значит, хорошо рисую!»

Во время войны Ротач некоторое время работал в Новгороде над реставрацией стен и башен Новгородского кремля. Выполнял и заказы для оборонных нужд Ленинграда, ему нередко поручали рисовать панорамные муляжи, создававшие при обозрении сверху иллюзию, что большая часть зданий города цела, не разрушена бомбежками и обстрелами. Это чтобы враг не думал, будто городу скоро конец. А надумают «доделать дело», пускай себе лупят по картинкам. Новые нарисовать можно.

С 1947 г. Александр Лукич в основном работал архитектором-реставратором. Он в числе других архитекторов реставрировал сильно пострадавшие ансамбли Павловска, Пушкина, Гатчины, а в самой Северной столице — Петропавловскую крепость, Адмиралтейство, много лет трудился над Исаакиевским собором.

С Петропавловской крепостью связана одна из самых любопытных историй, рассказанных мне Александром Лукичом. Великолепные Петровские ворота знаменитой цитадели украшало изображение двуглавого орла. И одного крыла у прекрасной птицы не доставало. Однако война тут была ни при чем. В 1917 г. кто-то из революционных матросов решил сокрушить ненавистный символ царизма, влез на орла и колошматил по нему прикладом, покуда крыло не надломилось и не упало. Тут силы героя революции, видимо, иссякли, и он оставил орла в покое.

Ротач понимал, что птицу надо восстановить. Но это было почти невозможно: скульптура оказалась отлитой из свинца. А где ж это в конце сороковых годов отыскать в стране, только-только пережившей войну, столько свинца? И поехал архитектор в столицу, к министру обороны. Кроме него выделить свинец не мог никто.

Дело было в 1957 г., и министром обороны СССР недавно был назначен маршал Малиновский. Добившись приема у него, Александр Лукич вошел в кабинет и, представившись министру, выложил на широкий стол фотографии: старую, где орел был при обоих крылах, и ту, где скульптура представляла изувеченной.

— Вот, Родион Яковлевич. Такая вот птица была на наших Петровских воротах.

Малиновский наклонился над столом.

— Ну да. Красивая. И что?

— Да то, что теперь она вот такая...

Военачальник выругался.

— Вот гады! Это как же они?! Прямой наводкой?!

Ротач грустно усмехнулся:

— Да нет. Это не немцы. Это свои...

И рассказал, как было дело.

Маршал вздохнул. Потом прочитал запрос архитектора на выделение необходимого количества свинца и взял с подставки вечное перо.

— Даю даже больше! Но чтоб сделали точно как было раньше!

Скульптуру восстановили. А спустя пару дней в крепость примчался некий высокий начальник из Смольного. Не поздоровавшись с реставраторами, сразу заорал:

— Эт-то что такое?! Кто позволил вешать на архитектурный памятник царскую символику?!

В это время под аркой Петровских ворот появилась высокая фигура Ротача. Он ровным шагом подошел к визитеру и отчетливо:

— Восстановление скульптуры осуществлено по личному распоряжению и при личном содействии министра обороны Советского Союза Родиона Яковлевича Малиновского.

И в руках архитектора появилась бумага с резолюцией маршала.

Товарищ из Смольного исчез и более не появлялся у Петровских ворот.

Ротач удивительным образом умел говорить с начальством любого ранга и отстаивать свою позицию, даже когда казалось, что из-за этого не миновать неприятностей. Так, однажды воспротивился намерению вышестоящих «выпрямить» знаменитые горбатые мостики, украшающие набережную Невы. Неудобно было их переезжать следующему в Смольный начальству: приходилось подпрыгивать на сиденьях казенных авто. Архитектурный комитет и туда, и сюда — мол, да как же можно?! А те ни в какую: неудобные мостики, и всё тут. А Ротач задумчиво проговорил:

— Переделать, конечно, можно. Но как же с исторической памятью? По этим мостикам Ленин ездил. И ходил. Такими их видел. Как же можно?

Мостики оставили в покое.

Александр Лукич несколько лет реставрировал Исаакиевский собор и одним из первых попытался написать объективную биографию великого зодчего Огюста Монферрана, создателя прекрасного храма. Именно с помощью его исследований начал пробуждаться интерес к жизни и творчеству гениального архитектора, приехавшего из Франции, но посвятившего свой гений России.

Талантливый уроженец теплой Ялты всем сердцем полюбил холодный город на Неве и много лет служил ему верой и правдой, охраняя, защищая и восстанавливая его шедевры.

А. Л. Ротач
осматривает купол
Исаакиевского собора

Всю жизнь любил свое дело. Радовался своей работе. Жил полной жизнью. И ей тоже радовался. И прожил в ладу с миром и с собой девяносто семь лет. Долгую и плодотворную жизнь. Как предрек некогда святой праведный Иоанн Кронштадтский, благословивший возле будущего Александро-Невского собора маленького Сашу Ротача.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЛЕСОТЕХНИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ В ДНИ БЛОКАДЫ *

УЖЕ седьмое десятилетие тема блокады Ленинграда остается далеко не исчерпанной. Нередки в печати материалы о жизни в годы войны ленинградских вузов. Каждый вуз нашего города внес свой вклад в дело Победы, и каждому из них есть что рассказать. Блокадные страницы — самые драматические и в более чем 200-летней истории Лесотехнической академии (ЛТА). Блокадный опыт академии имел свою яркую специфику. Свой вклад в разгром фашизма внесли не только непосредственные участники сражений — фронтовики и ополченцы, но и строители оборонительных сооружений. Велики достижения наших ученых в сфере научных разработок для обороны, а также и в обеспечении выживания жителей блокадного города в нечеловеческих условиях.

Уникальность судьбы Лесотехнической академии во время войны была обусловлена и своеобразным, «возвышенным» географическим расположением ее парка. Когда началась война, в академии, как и в других вузах страны, заканчивалась экзаменационная сессия, шла защита дипломных проектов, приближалось время каникул и летних отпусков. Мирную жизнь академии война нарушила сразу: около 300 студентов, аспирантов, преподавателей и сотрудников в первые же дни были мобилизованы в Красную армию, свыше 400 человек записались добровольцами в народное ополчение. Добровольческий отряд «лесотехников» был включен в Третий Выборгский полк

* Эта статья восстановлена по материалам выступления Виктора Петровича Аристова на III Тихоновских чтениях в ноябре 2016 г., любезно предоставленным его сыном Сергеем Викторовичем Аристовым. Я была свидетелем подготовки материалов и выступления, которое оказалось последним в жизни Виктора Петровича Аристова, краеведа, экскурсовода, члена ВООПИиК.

Человек жив, пока его помнят. Светлая память.— Л. В. Глушкова.

дивизии народного ополчения, которая сражалась под Красным Селом, сдерживала врага на Олонецком направлении. Большая группа студентов, преподавателей и аспирантов участвовала в строительстве оборонительных сооружений вокруг Ленинграда. На Поклонной горе и сегодня стоит один из дотов, построенных их руками. Своевременно были надежно укрыты от бомбежек и обстрелов лабораторное оборудование, богатейшие фонды фундаментальной библиотеки академии, экспонаты ее музеев: энтомологического, охотоведения и зоологии, геолого-почвенного.

С 10 сентября 1941 г. во втором учебном здании был размещен госпиталь, позднее и основная часть главного корпуса была занята военными объектами. Оборонительные рубежи проходили и через территорию парка академии, в котором готовили щели — укрытия от воздушных бомбардировок. 9 декабря 1941 г. по постановлению Военного совета Ленинградского фронта было сформировано Управление внутренней обороны города. Ленинград готовился отстаивать каждую улицу, каждый дом, каждую пядь земли в случае прорыва фашистов в город. В парке ЛТА среди вековых деревьев были размещены штаб военно-воздушных сил и штаб противовоздушной обороны Краснознаменного Балтийского флота (под условным наименованием объект «Нева»). В короткий срок была возведена система долговременных наземных и подземных железобетонных укреплений (некоторые из них сохранились до нашего времени).

Ижорский завод изготовил специальное оборудование для этого сложного объекта. Командный пункт состоял из полутора десятков оригинальных железобетонных сооружений подземного типа, выполненных в виде глубоких цилиндрических опускных колодцев диаметром 13 метров с мощными защитными тюфяками толщиной более 3 метров. Внутри железобетонного стакана (толщина стенок — полметра) радиальные железобетонные перегородки создавали рабочие помещения, в центре стакана монтировалась металлическая винтовая лестница. Все сооружения соединялись подземными ходами сообщения. Была произведена мощная многослойная оклеечная гидроизоляция и осуществлен дренаж сооружений. Уникальный объект в сложных гидрогеологических условиях был построен и полностью

оборудован за 7 месяцев. До сих пор под парком академии находится целая серия тоннелей (в основном засыпаны землей и затоплены), но надземные части впечатляют и притягивают любителей приключений.

Опубликованные материалы вражеской аэрофотосъемки Выборгского района Ленинграда (где хорошо видны укрепления, проходившие через парк ЛТА) свидетельствуют о том, какое значение этой территории придавалось фашистами. Всего за время блокады города на территорию академии было сброшено 27 бомб, страдала она и от артобстрелов.

Было принято решение о начале первого семестра нового, 1941/1942 учебного года с 4 августа (почти на месяц раньше обычного). До 15 декабря 1941 г. занятия продолжались в тяжелых, практически прифронтовых условиях. Студенты старших курсов утром работали в мастерских, выпускавших разнообразную продукцию для фронта, а затем слушали лекции. Младшекурсники сначала занимались в аудиториях, а потом сменяли старших на работе. С сентября академия взяла шефство над военным госпиталем: туда для постоянной работы было направлено более 100 студентов, из них 37 окончили курсы медсестер.

Многие сотрудники Лесотехнической академии стали жертвами начавшихся в сентябре массированных налетов вражеской авиации на Ленинград. Усложнившаяся военная обстановка и нехватка продовольствия ускорили решение вопроса об эвакуации части профессорско-преподавательского состава: многие были отправлены на «материк» — осенью в самолетах, а зимой 1941 г., с открытием Дороги жизни, — через Ладожское озеро. Далеко не все согласились покинуть город. «Отказники» под руководством специально созданных временных ученых советов всех пяти факультетов стали работать в производственных мастерских, цехах, лабораториях, созданных для помощи фронту. Возникли новые вспомогательные службы — пошивочное хозяйство, ремонтно-механический цех, электрохозяйственное и транспортное управления. Для наиболее ослабленных и истощенных работников был создан стационар с теплыми помещениями, питанием и необходимой медицинской помощью. Если зимой 1941 г. в мастерских работал 161 человек, то к началу 1945 г. там работало уже около 600 человек. Наряду со

взрослыми в мастерских работали подростки — учащиеся ремесленного училища, располагавшегося тогда в здании церкви на ул. Орбели.

Более 30 предприятий и воинских частей Ленинградского фронта получали квалифицированную консультацию специалистов академии. По заявкам военных организаций было произведено более 50 экспертиз, лабораторных анализов и испытаний.

Как известно, в Великой Отечественной войне самым массовым было стрелковое оружие, которым была вооружена пехота («царица полей», как тогда писали в газетах об этой смертельно опасной военной профессии): винтовки, пистолеты, автоматы, ручные и станковые пулеметы, а также гранаты и т. п. Эта война была, кроме всего прочего, и схваткой оружейных конструкторов. От качества, надежности и простоты использования оружия часто зависела судьба не только отдельных воинов, но и крупных соединений и масштабных военных операций. В производство столь востребованного оружия свой вклад внесли сотрудники академии, был налажен выпуск 27 видов продукции для фронта и города-фронта: противопехотные деревянные мины, ложки к ручным пулеметам-пистолетам Дегтярева, ручки к ракетам-пистолетам и т. п. Кроме того, электро-механические мастерские освоили производство сложнейших и точных аэронавигационных приборов-индикаторов курса, дивизионных и полковых радиостанций.

Экспериментальная группа во главе с заведующим кафедрой химических производств А. А. Ливеровским разработала рецептуру вязких горючих жидкостей для зажигательных снарядов из продуктов лесохимии. Было налажено производство горючей смеси для противотанковых бутылок (видимо, именно они назывались «коктейлем Молотова»). По разработке старшего научного сотрудника Ф. Т. Солодкина производились настой витамина С из хвои и концентрат витамина А (каротина), которые поставлялись в госпитали. Здесь на небольшом участке самоотверженно трудились А. Л. Агранат, С. В. Тарасова, О. В. Баданина, Г. П. Докукин и студентка Л. Шатилова. В 1944 г. Ф. Т. Солодкину за работы по получению в военное время витаминных препаратов был вручен орден «Знак Почета».

В связи с крайне тяжелым продовольственным положением блокадного Ленинграда горкомом партии было проведено совещание работников пищевой промышленности. Выступивший на нем профессор академии В. К. Шарков предложил организовать производство пищевой целлюлозы и дрожжей из опилок. Для их производства удалось запустить шесть цехов на Первой кондитерской фабрике им. А. И. Микояна, ликероводочном и пивоваренном заводе им. Степана Разина, а также на пустовавшем и полуразрушенном гидролизном заводе. За годы блокады эти предприятия выработали 16 тысяч тонн пищевой целлюлозы. Один цех Первой кондитерской фабрики им. А. И. Микояна изготовил более 1 тысячи тонн белковых дрожжей. В ноябре 1942 г. профессор Шарков был награжден за организацию этого производства орденом Трудового Красного Знамени.

Многопрофильность Лесотехнической академии позволяла решать самые неожиданные задачи. Когда в городе и на фронте стали испытывать острую нужду в спичках, было налажено производство спичек-книжечек, одна из которых хранится в коллекции «артефактов войны» ЛТА. Когда возник дефицит подошвенной кожи, был налажен выпуск клееных деревянных подошв для обуви.

Одно из чудес блокадной истории академии — сохранение в течение первых месяцев войны оранжереи, где выращивали цветы для госпиталей, которые были прекрасным приветом-надеждой из мирной жизни. Кроме того, работниками кафедры озеленения совместно с Ботаническим садом выращивались быстрорастущие растения для маскировки боевых укреплений. К сожалению, в дальнейшем богатейшая коллекция травянистых растений полностью погибла из-за невозможности обеспечить им надлежащие условия произрастания.

Дерево в годы блокады играло очень важную роль: им обоживались, его использовали при изготовлении обуви, оно было важной составляющей пищевого рациона жителей блокадного города и его защитников. Вызывает огромное уважение тот факт, что, несмотря на лютый холод, в академии не пошли на растопку мощные старинные шкафы с уникальными коллекциями бабочек и лесных зверей, ценнейший паркет, деревянные

флигели, построенные знаменитыми архитекторами XIX в. Несмотря ни на что, не были вырублены уникальный парк, Верхний и Нижний дендросады, редчайшая коллекция лесных культур в которых создавалась несколькими поколениями великих лесоводов России. Этой древесиной можно было согреть многие тысячи ленинградцев-блокадников. Всё это богатство находилось под надежной защитой людей, умиравших от голода и холода. Подвигу сотрудников Ленинградского института растениеводства, которые, умирая от голода, сохранили коллекции растений, посвящено немало публикаций. Не столь известен подвиг хранителей коллекций, музеев и парка Лесотехнической академии, но это не умаляет его значимости.

На территории академии и сегодня находится 25 объектов культурно-исторического наследия федерального и регионального значения, многие из них являются настоящими памятниками человеческому мужеству и нестигаемости духа.

С 12 августа 1943 г. возобновились занятия со студентами и аспирантами по индивидуальным учебным планам (всего 58 чел.), а также были открыты курсы по подготовке мастеров лесопильных и деревообрабатывающих предприятий и начальников деревообрабатывающих цехов. Эти специалисты были остро необходимы и для военных производств, и для приближавшегося мирного времени. После занятий студенты демонтировали долговременные оборонительные сооружения, похожие на гигантские слоеные торты из железобетона, приводили в порядок одичавший за годы войны парк. Поражает, как быстро академия возвращалась к мирной жизни: несмотря на разруху, правительством были отпущены необходимые средства на восстановление учебных корпусов и общежитий и оснащение академии новейшим оборудованием и техникой. Одним из первых был восстановлен актовый зал второго здания, известный на весь Ленинград своей уникальной акустикой. В большой столовой столы были опять, как в мирное время, накрыты накрахмаленными скатертями, по залу сновали официантки в специальной униформе. Рацион питания был скуден, но в неограниченном количестве (и бесплатно!) студентам выдавали «пирожные» — суррогат, изготовленный по рецептам профессора Шаркова, отдававший деревом, но «с голодухи» есть его было

можно. В 2003 г. — к 200-летию академии — было изготовлено несколько сотен таких мемориальных «хлебцев», запаянных для долгого хранения в специальные прозрачные коробочки. Во многих семьях теперь хранится такой хлебец, который будет передаваться из поколения в поколение вместе с памятью о Лесотехнической академии.

Фотографий парка и военных сооружений на его территории практически не сохранилось. Есть памятная доска, посвященная тем лесотехникам, которые ушли сражаться с врагом на фронтах Великой Отечественной войны, но пока нет доски, посвященной подвигу оставшихся и продолжавших работать здесь в чудовищных условиях блокады. Требуется важная информация о том, что в фондах Музея артиллерии хранится макет системы оборонительных сооружений района, в котором представлены и академические объекты обороны. Если это так, то возможно будет сделать его копию для будущего музея истории Лесотехнической академии.

Недостаточно отражена тема блокады в мемуарах. Не хватает прямых свидетельств участников тех событий, иконографического материала, образцов той техники и оборудования, которые выпускались в мастерских. Мало материалов, отражающих быт той поры. Сохраняются устойчивые легенды, требующие серьезной проверки. Одна из таких легенд — «под одной из аллей есть могила подростков — учащихся ремесленного училища, которые работали в мастерских на территории ЛТА, умерли от голода и были захоронены здесь же, т. к. в самое тяжелое время блокады порой не хватало сил и возможностей для доставки трупов на кладбище». В случае получения документальных свидетельств легенды можно провести поисковую операцию и поставить соответствующий памятный знак. На территории парка академии уже есть три мемориальные зоны: памятник жертвам революции 1917 г., три могилы великих лесоводов России, место дуэли Чернова и Новосильцева.

Так много лет прошло, но до сих пор доходит до нас грозное эхо той войны. В 2009 г. во время реставрации системы прудов в знаменитом парке ЛТА были найдены два неразорвавшихся артиллерийских снаряда.

СТРЕЛЬНИНСКИЙ ДВОРЦОВО-ПАРКОВЫЙ
АНСАМБЛЬ ПРИ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ
КОНСТАНТИНЕ НИКОЛАЕВИЧЕ

СТРЕЛЬНИНСКИЙ дворцово-парковый ансамбль, заложенный Петром I в начале XVIII в. как императорская парадная резиденция, утратил свой статус с пожалованием его императором Павлом I своему сыну, великому князю Константину Павловичу (1779–1831), после смерти которого владельцем Стрельны стал его племянник — великий князь Константин Николаевич, младший брат императора Александра II, будущий выдающийся государственный деятель.

После обручения и официального бракосочетания¹ великого князя в 1847 г. с принцессой Александрой Саксен-Альтенбургской, которая после обряда принятия православия стала именоваться «Ее Светлостью Великою Княжною Александрою Иосифовною, с титулом Императорского Высочества»², был подписан указ на имя министра императорского двора, предписывавший в качестве свадебного подарка передать уже в полное распоряжение великого князя Стрельнинский дворец «со всеми принадлежностями, кроме имений, к оному приписанных, которые оставить в Удельном заведовании, поступивший же с них доход доставлять его Высочеству»³. В архивных документах мы читаем: «Его Светлость Господин министр Императорского Двора изволил объявить 4 сего октября (1848 г.— А. Ж.) Департаменту уделов Высочайшее Государя Императора повеление, дабы передачу Стрелинского дворца⁴ в полное распоряжение Е[го] И[мператорского] В[ысочества] В[еликого] К[нязя] Константина Николаевича приостановить впредь до окончания всех по сему зданию построек и до приведения в порядок внутреннего в оном устройства»⁵.

В это время Стрельнинскую резиденцию обслуживали: смотритель Стрельнинского дворца (состоящий по корпусу штурманов Балтийского флота штабс-капитан Михаил Тишинников), гоф-фурьер, письмоводитель, медико-хирург, полицмейстер, камер-лакей, 4 лакея, 4 истопника, 4 работника,

7 полотеров, 1 трубочист, 14 человек для караула из отставных; по канцелярии: 1 писец, 2 сторожа из стрелинских инвалидов; по церкви: священник, дьякон, псаломщик, просвирня, сторож, повивальная бабка — всего 87 человек⁶. В самой же Стрельне «большая часть домов в дворцовых слободах принадлежала придворным служителям дворцового ведомства...»⁷.

Пока великокняжеское имение в Стрельне ожидало своего нового хозяина, Департамент уделов постоянно поддерживал его в пригодном для проживания состоянии. Этими работами на протяжении многих лет, вплоть до своей кончины в 1848 г. руководил архитектор Х. Мейер⁸. После его смерти осуществление проекта перестройки дворца для проживания новобрачных продолжил А. И. Штакеншнейдер. По его проекту для Константина Николаевича и его супруги были отделаны парадные комнаты второго этажа, Мраморный зал, он создал новый проект отделки бывшего Военного (ныне Голубого) зала и личных апартаментов владельцев дворца, а также комнаты для детей молодой семьи.

Розовая гостиная. Фотография начала XX в.

Позднее открытое пространство между колоннами в сквозной тройной аркаде дворца было застеклено, а в сформировавшемся пространстве был образован маленький сад с экзотическими растениями в расставленных повсюду горшках и кадках. За этот период была реконструирована и укреплена дворцовая терраса. Позже площадки лестниц, выходящих на террасу, были оформлены оригинальными чугунными застекленными тамбурами, в которых разместились небольшие сады. На уровне бельэтажа западного крыла появилась обходная галерея, выходящая из комнат Александры Иосифовны. Парадные помещения второго этажа в западном крыле были полностью заняты жилыми покоем владельцев. Во второй половине XIX и начале XX в. дворец окрашивался известковыми охристыми колерами, повторяя в основном цветовые решения первой половины XIX столетия. Такой цвет и был воспроизведен при реконструкции дворца в 2001–2003 гг.⁹

Начиная с 1850 г. проводились также масштабные работы по благоустройству территории. Находящийся в западной части Верхнего парка пруд изменил свои очертания и стал V-образным. Около 1860 г. на его берегу по проекту архитектора Г. Боссе был построен отделанный мрамором павильон-купальня в помпейском стиле¹⁰ с мозаичным полом и бассейном для плавания. Вокруг пруда садовником Ф. Рукком был разбит Собственный сад. Посреди дворцового плаца установили солнечные часы с пушкой на гранитном пьедестале.

На террасе дворца перед чугунным балконом был устроен фонтан. И на двух больших тумбах поставлены шпиастровые¹¹ скульптуры оленей. «Всё, что касается до наружных и внутренних улучшений Стрельны, его высочество великий князь Константин Николаевич предоставил совершенно супруге своей... и с того времени... [она] успела различными улучшениями из угрюмого замка и окружавших его диких роц устроить действительно восхитительное загородное местопребывание. В особенности замечателен вновь устроенный сад с фонтанами на дворцовой террасе и артистически затейливое убранство под главными арками дворца»¹².

Была обновлена система водоснабжения дворца. Устроенная в Цветном саду водоподъемная машина была спрятана

в деревянный домик в русском стиле с резным декором. По планам Х. Ф. Мейера, исполненным А. И. Штакеншнейдером, дворец впервые обеспечивался развитым водоснабжением и системой отвода загрязненных вод. Системой водоснабжения и водоотвода был оснащен и Конюшенный дом¹³.

Одновременно менялся и облик Нижнего парка. Вдоль залива была проложена так называемая пейзажная дорога, выход восточного канала в море был засыпан. В 1848–1850 гг. по проектам Мейера и Штакеншнейдера на берегу реки Кикенки (Восточного канала) были построены каменные конюшни, напротив, рядом с плотиной Большого дворцового пруда, устроен ледник, а за Конюшенным корпусом — кузница. Все эти подлинные постройки сохранились до нашего времени и в 2001–2003 гг. были отреставрированы.

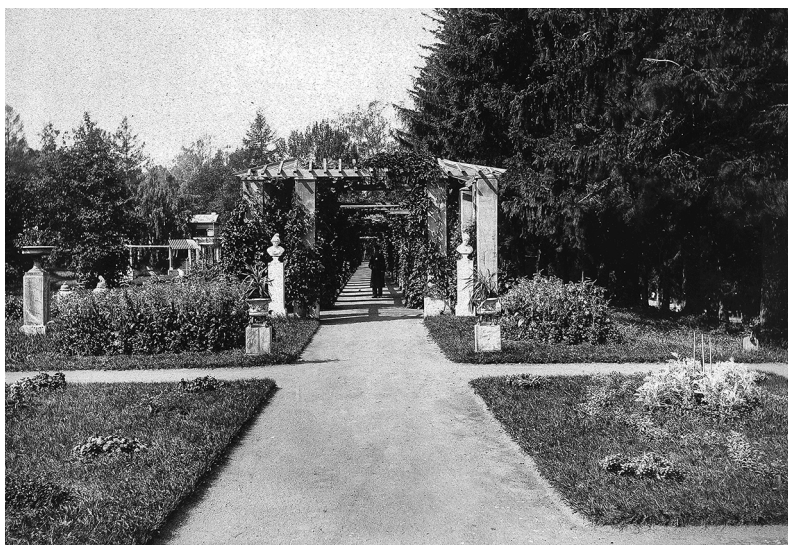
Работы по приспособлению Стрельнинского дворцово-паркового ансамбля длились три года, и уже лето 1851 г. семья великого князя Константина Николаевича провела в собственном дворце.

Позднее рядом с Прямоугольным прудом к востоку от дворца был устроен Детский сад с бревенчатым домиком и разбит огород для Ольги и Веры, дочерей владельца имения. Несколько позже с восточной стороны здания появились гимнастические снаряды и подлинная корабельная мачта, под которой слуги натянули страховочный батут. Появление в Детском саду важной принадлежности корабля было вполне объяснимо: владелец усадьбы мечтал, чтобы сыновья росли настоящими мужчинами и унаследовали его любовь к флоту¹⁴.

Центром Стрельны, безусловно, был Большой Каменный дворец, а окружавшие дворцово-парковый ансамбль территории «осваивались по мере развития Стрельны в качестве императорской и великокняжеской резиденции»¹⁵. В путеводителе 1880-х гг. читаем: «Большой каменный дворец с прекрасною террасою и превосходным видом на море. Лестницы из белого мрамора, образующие спуск в Нижний, раскинутый перед дворцом парк, и украшенные по обеим сторонам дворца золочеными львами и оленями, много помогают впечатлению, производимому внешним видом общего фасада здания. Цветник, раскинутый на террасе, веранда, ведущая к купальне Их

Вид террасы. Фотография начала XX в.

Вид с террасы дворца на Собственный садик. Фотография начала XX в.

Высочеств, и берег пруда украшены множеством мраморных и бронзовых статуй замечательной художественной работы»¹⁶.

Хозяйственные заботы владельцев дворца распространялись и на духовную составляющую. Неподалеку от построенного по указу Петра I деревянного дворца в 1718 г. была выстроена церковь во имя Спаса Преображения Господня. Здесь хранились дорогие Петру реликвии и военные трофеи Северной войны. Храм затем неоднократно перестраивался.

Для великокняжеской семьи церковь являлась придворной, а для жителей Стрелиной мызы — приходской. Состоял приход стрельнинской церкви «из обывателей мызы Стрельна, из квартирующих воинских команд, крестьян ближайших деревень имения Его Императорского Высочества, государственных имуществ и помещика Норда»¹⁷. В 1857 г. «...по метрической описи... значится в Стрелинском приходе душ мужского пола 1261 и женского 646, всего 1907»¹⁸.

Владельцы Стрельны многое сделали для процветания храма: регулярно его украшали, снабжали дорогой утварью и облачением, жертвовали на это немалые средства. Здесь проводились службы с участием великого князя и членов его семьи. В начале XIX в. рядом с церковью возникло небольшое кладбище, где с разрешения владельцев Стрельны хоронили их близких и священнослужителей. Перед алтарем Спасо-Преображенской церкви скрепили свой союз командир Конного полка Петр Петрович Ланской и вдова Александра Сергеевича Пушкина Наталья Николаевна¹⁹.

Стрельнинский дворец был летней резиденцией членов великокняжеской семьи. Константин Николаевич, генерал-адмирал русского флота и управляющий Морским министерством, по вечерам работал в своем кабинете, а утром отправлялся в Петербург или Кронштадт, используя для этого железную дорогу («чугунку») ²⁰ или собственную паровую яхту «Стрельна». 29 июня 1857 г. он писал брату: «Всё, слава Богу, хорошо и благополучно, и самая погода, наконец, настала летняя, настоящая лейб-гвардии петергофская. Я все время сидел и жуировал ²¹ в нашей милой Стрельне, которая с каждым годом становится всё лучше и лучше»²².

При ежедневной занятости многочисленными государственными и общественными делами Константин Николаевич на-

ходил возможность заниматься обустройством своего Стрельнинского имения, превращая его в образцовую усадьбу. Он сам придумал герб Стрельны и девиз: «Прямо и верно», который как нельзя лучше отражал стремление великого князя приносить пользу Отечеству, крепить его могущество.

Несмотря на то что земли Стрельнинского имения находилась в собственности великого князя²³, а дома, в которых жили крестьяне, принадлежали им, каждый крестьянин должен был просить разрешения на продажу своего дома. Например, на просьбу крестьянина Гаврилова продать свой дом последовал ответ: «...коль скоро находящееся под домом и прочим строением крестьянина Гаврилова место принадлежит Дворцовому ведомству, то по сему Гаврилов не имеет никакого права ни себе присвоить оное, ни другому лицу продать в крепостную собственность. Что же касается до дома и прочего строения, на сем месте находящегося и принадлежащего ему по купчей, то в дозволении на продажу одного строения, согласно его прошения, не может быть никакого препятствия...»²⁴.

Но, помимо занятий своими владениями, главным делом Константина Николаевича была, безусловно, государственная деятельность. С 1850 г. он был членом Государственного совета, а с 1865 по 1881 г. — его председателем. В 1853 г. великий князь вступил в должность управляющего морским министерством и двадцать восемь лет беспрерывно оставался на этом посту. 23 февраля 1855 г. Александр II назначил своего младшего брата, имевшего звание генерал-адмирала, морским министром и Главнокомандующим морским флотом России. С этого времени над Стрельнинским дворцом во время нахождения в нем хозяина поднимали специальный морской «Кайзер-флаг», означавший: «Генерал-адмирал здесь»²⁵.

В 1860 г. Константин Николаевич, который до этого в течение трех лет состоял членом Главного комитета по крестьянскому делу, был назначен председателем этого комитета. После выхода Манифеста об освобождении крестьян и Положения²⁶ его также коснулись изменения в системе землевладения. Стрельнинское имение Константина Николаевича «до упразднения крепостного права заключало в себе 15 000 десятин. Великий князь при наделении Стрельнинских крестьян по Положению

1861 г. уступил им всю землю на особенно льготных условиях, оставив себе только около 200 десятин...»²⁷.

С 1862 г. началось отчуждение земель, принадлежавших Стрельнинскому дворцовому правлению, в собственность частных лиц, что стало дополнительным стимулом для дачного строительства. В результате к концу XIX в. Стрельнинский дворцово-парковый ансамбль был почти полностью окружен дачами²⁸. Константин Николаевич продолжал выделять участки под строительство домов и дач²⁹, причем всё активнее использовались удельные земли³⁰.

После покупки в 1860 г. имения «Ореанда» в Крыму Константин Николаевич переключился на его освоение. 1870-е гг. в жизни великого князя были отмечены личными и семейными проблемами, поэтому, учитывая, что от большого владения в Стрельне остался практически только дворцово-парковый ансамбль, он занимался им уже не столь активно. После смерти великого князя имение перешло к его младшему сыну Дмитрию Константиновичу, который очень любил Стрельнинское имение и много сделал для его процветания.

Примечания

¹ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXIII. Отд. 1. 12 декабря 1825 — 28 февраля 1881 гг. СПб., 1849. № 22536. С. 560.

² Там же. № 21971. С. 94.

³ РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 3026. Л. 1.

⁴ В то время официально Константиновским именовался Мраморный дворец, а дворец в Стрельне именовался Стрельнинским (Стрелинским). «Предназначенный Указом моим 6 марта 1832 г. Департаменту уделов данным, любезнейшему сыну моему Е. И. В. К. Константину Николаевичу и вновь перестроенный Мраморный дворец со всем убранством и принадлежащим к нему Служебным домом, Всемилостивейше жалуя в дар Е. И. В. в вечное и потомственное владение, повелеваю Дворец сей именовать Константиновским». Подписано: Николай. 20 декабря 1849 года. РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 71. Л. 351.

⁵ РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 3026. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ РГИА. Ф. 495. Оп. 2. Д. 2078. Л. 2 об.

⁸ См.: РГИА. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2097 (Об израсходовании материалов (изразцы, песок, глина) на ремонт Стрелинского дворца и построек архитектором Мейером в 1832 г.). Христан Филиппович Мейер (1789–1848) в 1809 г. получил звание художника архитектуры. В 1810 г. служил в Гвардейской казарменной комиссии, где и приобрел расположение великого князя Николая Павловича. С 1817 г. и до последних лет жизни занимался работами по всем имениям Удельного ведомства, в котором с 1819 г. служил архитектором. В Стрельне Мейер работал совместно с А. И. Штакеншнейдером. Им был восстановлен (с изменениями) Путевой дворец Петра I, перестроены мосты и кузница, построен конюшенный комплекс. Много работал в Красном Селе.

⁹ Ефимов В. В. Материалы исследований по реставрации фасадов и окраске Константиновского дворца // Реконструкция Константиновского дворца. Специальный выпуск журнала «Реконструкция городов и геотехническое строительство». СПб., 2003. С. 119.

¹⁰ Помпейский стиль — один из архитектурных стилей 1830–1840-х гг. Основан на архитектуре, скульптуре и декоративной росписи, найденных при раскопках Помпей и Геркуланума. Постройки этого стиля асимметричны и разновысоки.

¹¹ Шпиатр, шпеат (польск. Szpeat — «смесь») — обобщенное название сплавов различных цветных металлов: меди, цинка, никеля, олова. Использовался в XIX — первой трети XX в. как заменитель бронзы или сплавов серебра.

¹² Гейрот А. Описание Петергофа. 1501–1868. СПб., 1868. С. 130.

¹³ См.: Долбнин В. Г. История Стрельны. СПб., 2007. С. 274–275.

¹⁴ РГИА. Ф. 495. Оп. 4. Д. 4292. Л. 1–4. 1872 г.

¹⁵ Горбатенко С. Архитектура Стрельны. СПб., 2006. С. 275.

¹⁶ Верландер А. П. По Балтийской дороге: в 2 ч. Ч. 1. Ст. Лигово. Сергия. Стрельна. Петергофы. Ораниенбаум. Красное Село. Гатчина. СПб., 1883. С. 89. (Александр Петрович Верландер был в то время начальником железнодорожной станции Красное Село.)

¹⁷ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 42. Л. 110.

¹⁸ Там же. Л. 106.

¹⁹ Стрельна. Константиновский дворцово-парковый ансамбль и исторические места. СПб., 2004. С. 71–73.

²⁰ 30 мая 1860 г. великий князь записал в своем дневнике: «Ездил утром с докладом (из Стрельны) к Саше (Александру II. — А. Ж.) по чугунке в город прямо в Государственный Совет, после которого слушали и подписали

А. Н. Журавская • Стрельна при великом князе Константине Николаевиче
журнал по делу о земской полиции». ИРЛИ РАН. Ф. 134 (Фонд А. Ф. Кони).
Оп. 4. Д. 506. Л. 6.

²¹ Жуировать (от фр. *jouir*) (устар.) — развлекаться, вести веселую жизнь.

²² Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. 1857–1861. М., 1994. С. 56.

²³ До его совершеннолетия имуществом Константина Николаевича заведовало Стрельнинское дворцовое ведомство.

²⁴ РГИА. Ф. 495. Оп. 2. Д. 1776. Л. 23.

²⁵ Долбнин В. Г. Указ. соч. С. 299.

²⁶ Полное название: «Положение 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».

²⁷ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1602. Л. 3.

²⁸ См.: Горбатенко С. Б. Петергофская дорога. Историко-архитектурный путеводитель. СПб., 2002. С. 209.

²⁹ Там же.

³⁰ Удельные земли в России конца XVIII — начала XX в. — земли, принадлежавшие императорской семье и управлявшиеся Департаментом уделов. С 1863 г. выделяются в собственность удельным крестьянам.

СТРЕЛКА ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА
В ПРОСТРАНСТВЕ АКВАТОРИИ НЕВЫ:
ШВЕРТФЕГЕР. КВАРЕНГИ. ТОМА ДЕ ТОМОН ¹

В РАННЕМ Петербурге срединное городское пространство располагалось на акватории Невы против Петропавловской крепости — в наиболее значимом в градостроительном отношении месте. Нева от Выборгской стороны до Стрелки Васильевского острова фактически была главной городской площадью. Это наглядно показывает панорама А. Зубова 1717 г. Она снята от госпиталя на Выборгской стороне, и взгляд художника направлен вдоль центральной акватории Невы на запад. Интересно отметить, что и на известном плане Санкт-Петербурга архитектора Ж. Б. А. Леблона один из центров эллипса окружающих город бастионов помещен именно на Стрелке. Второй центр примерно совпадает с местоположением царского дворца.

Стрелка Васильевского острова как замковый камень удерживает всю конструкцию центра Петербурга. Но, несмотря на провидение Леблona, Петр I не придавал Стрелке особого значения. Она была застроена по Неве богатыми, но обыкновенными домами. Мыс Стрелки — центр градостроительной композиции — не был отмечен архитектурной доминантой. Здание Кунсткамеры возводилось несколько в стороне от восточной оконечности острова и не исправляло картины. И всё же градостроительная исключительность Стрелки, направление и характер шагов по ее будущему преобразованию определились именно в это время, задолго до выдающегося проекта Ж. Ф. Тома де Томона.

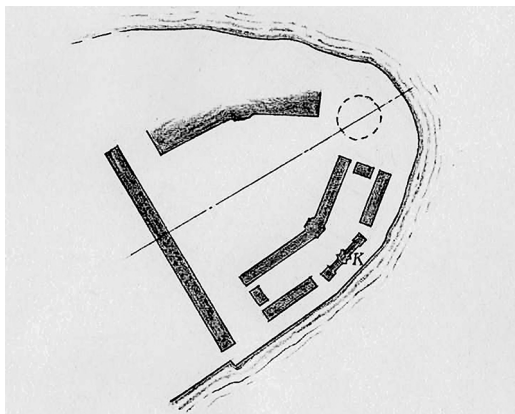
Застройка Стрелки тесно связана с Академией наук. С начала 1720-х гг. Стрелка становится академическим городком внутри Петербурга, и планы ее развития в первой половине XVIII в. в основном связаны именно с академией. В начале 1720-х гг. появляется план устройства внутри Стрелки большой площади, обстроенной корпусами с лавками. Верхний этаж этих зданий предназначался для нужд Академии наук. Проект площади и корпусов был разработан Д. Трезини². Площадь уже была

размечена, но со смертью Петра едва начавшиеся работы замерли. К планам застройки территории вернулись в начале 1730-х гг. Тогда в короткий срок появилось несколько проектов. Из них один заслуживает особого внимания. С середины XVIII в. он известен под наименованием «План архитектора Шеслера»³.

Планом намечалось возвести слева от Кунсткамеры копию дворца покойной царицы Прасковьи Федоровны. Дворец был к тому времени закончен постройкой, он находился на месте нынешнего здания Зоологического музея. Предусмотренная «планом Шеслера» реплика дворца царицы Прасковьи должна была появиться на том месте, где сейчас стоит здание Академии наук Кваренги. С севера от расположенного по Неве комплекса построек были запланированы два здания под углом друг к другу с высоким павильоном на переломе. Эти корпуса были обращены фасадами на внутреннюю площадь Стрелки.

Проект Шеслера был тогда отвергнут, как и другие. Но потенциал градостроительных решений, намеченных этим проектом, был так велик, что его идеи оставались актуальными весь XVIII в. и в начале следующего века получили полное осуществление. Эти принципы заданы в проекте положением осей композиции, очертанием фронтов застройки и габаритами отдельных зданий.

Прежде всего, архитектор наметил главную ось композиции — от середины здания Коллегий, перпендикулярно его фасаду. Эта

Реконструкция
плана Стрелки
Васильевского
острова по
предложениям
«Плана архитектора
Шеслера»

ось выходит прямо на мыс Стрелки. Внутренние академические корпуса с павильоном в середине дали границу площади на юге. Но они же с определенностью предлагали симметричную планировку и для северной границы площади. Достаточно было отразить их зеркально относительно главной планировочной оси Стрелки, и внутри нее получалась *полностью регулярная площадь* в виде вытянутого симметричного шестиугольника.

После плана Шеслера появились еще проекты планировки этого участка города. Последний из них — план Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы. Он окончательно закрепил всю планировочную структуру плана Шеслера с малыми поправками. Итак, в проекте Шеслера 1733 г. была в главном предугадана вся планировка Стрелки в том виде, как она была реализована 70 лет спустя.

Хотя в XVIII в. этот проект приписали служившему в Академии наук архитектору Шеслеру⁴, есть серьезные основания не принимать эту атрибуцию. Во-первых, Шеслер, как свидетельствуют немногие документы с упоминанием его имени, проектной работой и практической архитектурской деятельностью не занимался. Неизвестно его чертежей, донесений, рапортов, кроме одного о мелких печных работах. Ремонтные работы в академии вели архитекторы Канцелярии от строений. Судя по документам, академические архитекторы, включая Шеслера, в первой половине века обслуживали нужды академии как научного учреждения: делали рисунки экспонатов, перспективные виды, рисунки фейерверков, занимались топографической съемкой, преподавали. Скучные сведения о Шеслере не представляют его мастером большого дарования.

В музее Академии художеств сохранился оригинал «плана Шеслера»⁵. Особенности графики чертежа приводят к предположению о том, что он сделан Теодором Швертфегером. Это выдающийся архитектор, зодчий масштабных проектов, в том числе градостроительных. Его главной работой в Петербурге было строительство Александро-Невского монастыря.

В проекте 1733 г. единственной неопределенностью оставалось место на самой оконечности Стрелки, на главной оси композиции. Здесь, безусловно, должно было появиться здание-доминанта, которое «работало» бы и на невскую панораму, и на

площадь внутри Стрелки. Но на плане Швертфегера («плане Шеслера») здесь пустое «пятно».

Возможная причина этого заключена в истории Андреевского собора. На ранних планах Васильевского острова собор показан на внутренней площади, возле северной оконечности Коллегий. О таком положении собора рассказывает и А. Богданов в «Описании Санктпетербурга»⁶. Храм находится в створе продолжения Большого канала (Большого проспекта), и в такой привязке к каналу есть градостроительная логика. Но место это всё же невыигрышное для такой важной доминанты. Ничего интересного для вида Стрелки и для невских панорам собор в таком положении не давал. К тому же единственный сохранившийся проект собора шведского архитектора Никодемуса Тессина Младшего⁷ изображает центрическую купольную постройку. Достоинства такого храма полностью выявляются, только когда он расположен обособленно и его можно обозревать издалека. Это наводит на мысль о том, что место строительства архитектору всё же было указано не внутри Стрелки, а на самой оконечности Васильевского острова.

Кроме того, есть еще одно косвенное свидетельство. На проект собора был устроен конкурс. Поданные на него заявки не сохранились, но известно, что Петр отдал предпочтение Г. Кивавери⁸. Документально подтверждается также участие Швертфегера⁹. Так что, подавая проект Стрелки с выигрышным для собора местом на самом мысу, Швертфегер продвигал собственный готовый проект храма.

Можно только представить ту гармоничную и законченную градостроительную композицию, которую представляла бы акватория Невы, если бы осуществились все задуманные в петровское время значительные постройки — в первую очередь доминанты — Андреевский собор и церковь Сухопутного и Морского госпиталей, расположенные на продольной оси водной площади Петербурга.

Первым шагом к реализации плана Швертфегера стало строительство Дж. Кваренги здания Академии наук. Оно выстроено точно там, где на плане была намечена копия дворца царицы Прасковьи Федоровны. Причем у Кваренги, безусловно, были дальние планы придать фасаду старого дворца тот же вид,

что у построенного им здания Академии наук, украшенного классическим портиком.

Осуществленный в целом к концу века план Комиссии о каменном строении в главном точно совпадает с диспозицией на плане Швертфегера. Полностью совмещаются оси площадей. Одинаково положение северной и южной границ площади внутри Стрелки. Именно здесь появились Новобиржевой гостинный двор и музейный флигель Академии наук.

Северная часть Биржевой площади была оформлена еще в конце 1780-х годов. Тогда Кваренги было выстроено здание Северного пакгауза. Дуга пакгаузов хорошо совмещается с линией фасадов академических домов на плане Швертфегера. Наконец, в точности на пустом «пятне» на самой Стрелке появилась позднее Биржа Тома де Томона.

Следует вспомнить также проект А. Захарова. Он не только предлагал переделать фасад дворца Прасковьи Федоровны на манер академии Кваренги, но планировал и фасад Кунсткамеры привести к общей с соседними зданиями классической стилистике. Это предложение является закономерным возвратом к идее плана Швертфегера о симметричной композиции из трех зданий, выходящих фасадами на Неву.

Но градостроительная история Стрелки знает еще одну видную, но несостоявшуюся постройку. Это здание Биржи Дж. Кваренги. Оценивая Биржу, обычно отдают должное архитектуре, но градостроительное решение признают неудачным. Основание для этого дает сопоставление положения Биржи у Кваренги и у Тома де Томона¹⁰. У Кваренги ось здания направлена иначе, чем у Тома де Томона. Различие составляет около 20 градусов. Это многое решает. Биржа Тома де Томона кажется полностью повернутой к Неве, а здание Кваренги главным фасадом в большей степени обращено к левому берегу Невы, к Дворцовой набережной.

Но если реконструировать основания, которые определили действия архитекторов, оценка проектов будет менее категоричной. Интересно одно наблюдение. Представляя по памяти вид на Стрелку, любой уверенно скажет, что Биржа Тома де Томона полностью повернута фасадом к невской акватории и расположена на ее срединной линии. На самом же деле, рассматривая

Стрелку с расстояния, можно убедиться, что ось Биржи не совпадает с осью водного пространства и имеет отклонение от оси акватории к правому берегу. Если смотреть с Троицкого моста, видно, что ось Биржи пересекается с мостом не на его середине, а на ближайшем к правому берегу металлическом пролете.

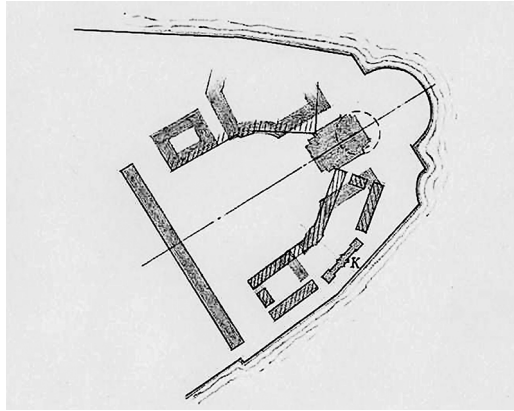
Получается, что ни Кваренги, ни Тома де Томон не связали жестко свои здания с осью акватории. Каждый из них уклонил от нее ось здания. Кваренги дал Бирже поворот к югу. У Тома де Томона ось Биржи имеет одно направление с осью акватории, но перенесена параллельно ей к правому берегу.

Кваренги важно было, чтобы Биржа хорошо обозревалась с Дворцовой набережной. Мостов на этом отрезке Невы в то время не было, и вид на Биржу с реки не принимался во внимание. Вид от крепости и с берега Петербургской стороны, где располагались утилитарные объекты (пеньковые склады), тоже не имел значения. И надо признать, архитектор отлично расположил здание. Его фасад почти фронтально виден с левого берега реки от Зимнего дворца до Летнего сада. Это именно та дистанция, ради вида с которой на Биржу архитектору имело смысл стараться.

Тома де Томон исходил из других соображений. Он хотел не только оформить фасад Стрелки, но связать в единую градостроительную композицию всю ее застройку. Однако самый логичный и изящный способ сделать это уже был найден за 70 лет до этого Швертфегером. Ко времени Тома де Томона это решение уже было частично реализовано. Построенные в 1780-е гг. пакгаузы определили конфигурацию Биржевой площади и зафиксировали положение и направление ее оси.

Тома де Томон поместил свою Биржу на оси Биржевой площади. Эта ось, перпендикулярная фасаду Коллегий и параллельная срединной линии невской акватории, и определила разворот фасада Биржи к Неве. Подход Тома де Томона несколько формален. В этом жестком следовании заданным осям вопреки местным условиям нет гибкости. Но, по-видимому, архитектор по своему опыту понимал, что неизбежный в этой диспозиции ракурс в обозрении Биржи на деле не будет иметь значения. Восприятие зрителя будет отсекаать видимый

Совмещение
проектных
предложений
«Плана архитектора
Шеслера»
и реализованного
плана застройки
Стрелки на первую
четверть XIX в.

в перспективе боковой фасад здания и концентрироваться на его невском фасаде.

Таким образом, замысел Ж. Ф. Тома де Томона предстает не гениальным озарением, а талантливым завершением последовательного движения, которое было начато действительно выдающимся проектом Т. Швертфегера 1733 г. В этой цепи событий эпизод со строительством Биржи Дж. Кваренги не выглядит неудачей архитектора. Кваренги сделал попытку повернуть ход событий от реализации всеобъемлющего градостроительного замысла 1733 г. к локальному малому замыслу, действующему в пользу архитектуры отдельного здания Биржи.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.2.21.

² Иогансен М. В. Работы Д. Трезини по планировке и застройке стрелки Васильевского острова в Петербурге // Русское искусство XVIII века: материалы и исследования / под ред. Т. В. Алексеевой. М., 1973. С. 48.

³ Борисова Е. А. О ранних проектах зданий Академии наук // Русское искусство XVIII века: материалы и исследования. М., 1973. С. 56–65.

⁴ Малиновский К. В. Художественные связи Германии и Санкт-Петербурга в XVIII веке. СПб., 2007. С. 126–128.

⁵ НИМ РАХ. Инв. № А-17818.

⁶ Богданов А. И. Описание Санктпетербурга. Полное издание... СПб., 1997. С. 296.

⁷ Хранится в Государственном Эрмитаже.

⁸ Долбнин В. Г. Один из первых архитектурных конкурсов в Петербурге // Эстетические проблемы советской архитектуры. Межвузовский тематический сборник трудов. Л., 1979. С. 81.

⁹ ОР РНБ. Ф. 575. Д. 211. Петров П. Н. Материалы по истории архитектуры и строительного дела в России. Выписки из протоколов Канцелярии от строений за 1722–1743 гг. Л. 44.

¹⁰ Бунин А. В., Круглова М. Г. Архитектурная композиция городов. М., 1940. С. 74.

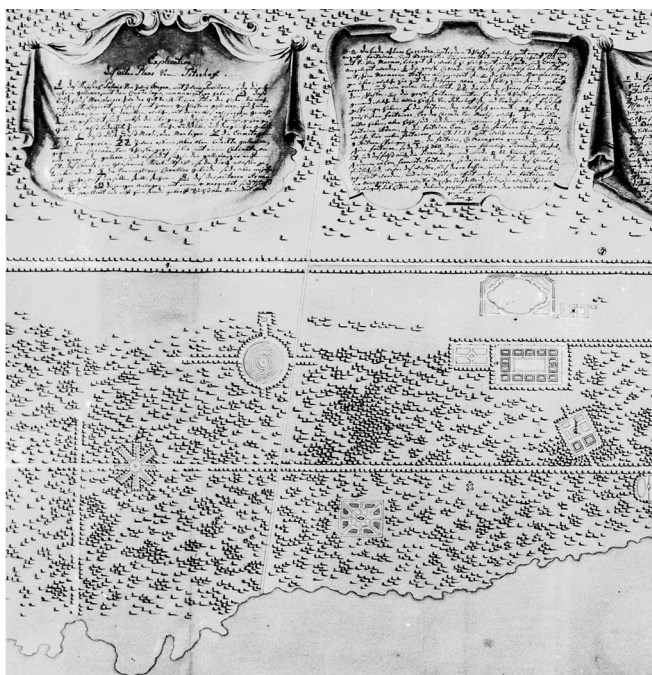
НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ПРОЕКТЫ СТРОИТЕЛЬСТВА ПЕТЕРГОФА В ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА I И ЕКАТЕРИНЫ II

ПЕТЕРГОФ строился с небольшими перерывами в течение полутора веков, считая от закладки Нагорных палат в 1711 г. до перестройки Львиного и Большого каскадов 1850-х гг. Знаменитый ансамбль получился таким, каким мы его знаем и любим, отчасти благодаря тому, что некоторые проекты, в силу тех или иных причин, не были реализованы. Большинство из них относятся ко времени правления Петра I и Екатерины II.

В феврале 1722 г. Петр I в Олонце, где лечился на водах, ознакомился с доставленными чертежами и генеральным планом Петергофа архитектора Н. Микетти. Государь приказал: «Е — на месте что было Александра подьячего и Чевкина, но сие только размерить, а не делать без указа. F, H, K, L — обыскать удобные места, а не делать без указа. I — сделать на месте (*) но смотреть, чтоб деревьям не было хорошим вреда, а садить липою шпалеры, а внутри между шпалерами липу, клен и орешник, как в Летнем новом огороде...»¹. Загадочную резолюцию удалось расшифровать благодаря архивному документу — «Описанию Питергофской деревни е. и. в.»². В «Описании» под порядковыми номерами перечислены все петергофские объекты, а против некоторых из них стоят те же литеры, что в указе Петра. Так, под литерой E значится «Фонтана Меркуриева», F — «Сад Нептунов», H — «Монте Перназо» («Гора Парнас». — В. К.), K — «Сад Венеры», L — «Сад помянутых хитростей» (*Верхне-Марлинский сад*), I — «Сад Фортуны». Выяснилось, что «Описание» скопировано с экспликации плана Петергофа, того самого, что смотрел Петр³. «На которые чертежи велено размерить места, а не делать, — писал Петр, — надлежит все, что ко оному надлежит, приготовить, дабы потом мочно в скорости сделать. Так же на означенные места со всем парком прислать, где заблагоразсудят быть»⁴. Петр, готовясь к войне с Персией, приказал отложить строительство новых

объектов до своего возвращения из похода. Все перечисленные чертежи, за исключением «Сада Венеры», сохранились в бумагах Петра⁵. Кроме того, обнаружена копия, снятая неким Рандалем в 1739 г., как полагаем, с того самого плана, что Петр смотрел в Олонце в 1722 г.⁶ По возвращении из Каспийского похода, в декабре 1722 г., император утвердил в Москве «окончательный план» Петергофа, в котором Микетти учел замечания Петра⁷. Вопреки предложению Микетти Петр поставил фонтан «Ева» на Марлинской аллее симметрично фонтану «Адам».

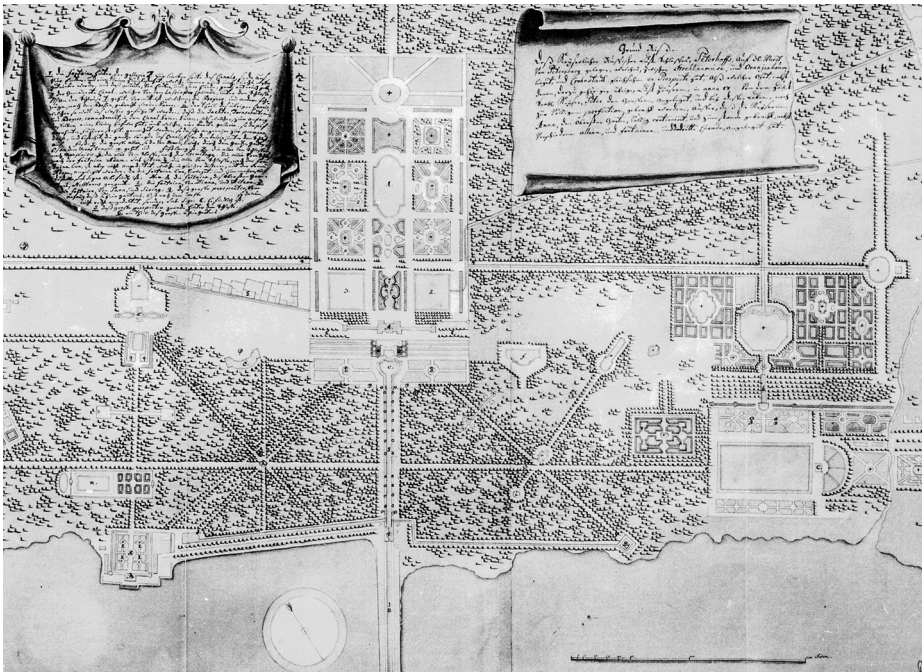
Открытие Петергофа было назначено на август 1723 г. Понимая, что к намеченным торжествам завершить всё задуманное не удастся, государь приказал сосредоточиться на главных объектах. «Новые чертежи» не попали в их число, за исключением садов «Фортуны» и «Бахуса», что были скопированы с «образцовых» проектов Леблона⁸. По приказу Петра территория резиденции была расширена к востоку за счет присоединения

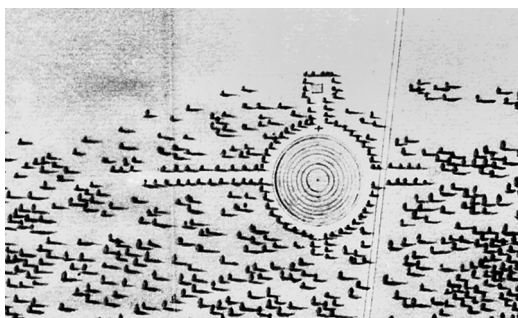

Генеральный план
Петергофа 1722 г.
Копия Рандаля 1739 г.
Национальный музей
Стокгольма. ТНС-434

соседних наделов «подьячего Александра и Чевкина». Участки принадлежали сосланному в Сибирь по делу царевича Алексея подьячему Александру Яковлеву и камер-юнкеру Екатерины Алексеевны Даниле Чевкину⁹. На бывшем участке Яковлева предлагалось разбить на горе садовый лабиринт, а на продолжении Марлинской аллеи поставить «Меркурьеву фантану». Композиционным центром вновь создаваемого ансамбля должен был стать построенный еще в 1720 г. по проекту Браунштейна павильон «Темпель» («Дом Дианы»). К югу от него предлагалось создать «Сад Нептуна», а к северу в том же 1722 г. был разбит «Сад Фортуны». На месте последнего археологи обнаружили засыпанный центральный бассейн и фундамент фонтана¹⁰. В настоящее время осуществлена реставрация плантажа.

В период недолгого правления Екатерины I работы велись по утвержденному Петром плану. Но успели сделать немного: на Марлинской аллее, на том самом месте, где указал Петр,

Лабиринт
(Вавилон). Фрагмент
генерального плана
Петергофа 1722 г.
(Копия Рандаля)

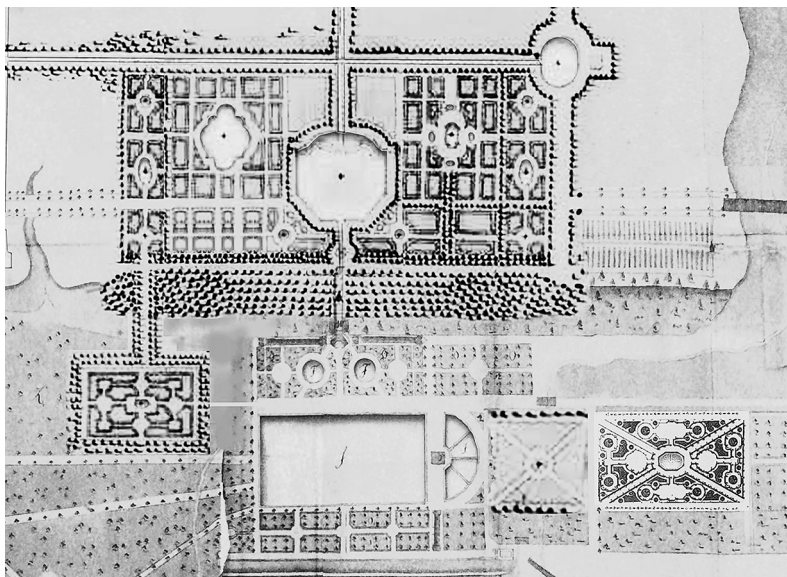
поставили фонтан «Ева», в Оранжерейном саду построили фигурный фонтан и заложили каменный Погреб¹¹. Садовый мастер Гарнихфельт лучше многих был осведомлен о проектах Петра. Только от него узнаем о некоторых устных распоряжениях царя. «Зимой во оную аранжерею солнца мало входит, — писал Гарнихфельт в 1725 г., — а для оных помаранцовых деревьев в прошлых годах Петр первый изволил изустно приказать поставить другую аранжерею по другую сторону большого канала, против Еввина фантана, которая и поныне не поставлена»¹². В другом месте он уточняет: «Надлежит сделать по левую сторону канала ранжерею длиною 50 саж для регулярности...». И далее, не менее интересно: «надлежит сделать иргартен или вавилон»¹³. «Вавилонами» издавна на Руси называли лабиринты. Судя по плану Петергофа 1722 г., лабиринт имел типичную форму туго закрученной спирали.

Нам встретились документы, проливающие свет на дальнейшую судьбу петровских проектов. «От слюза, — читаем протокол заседания Верховного тайного совета от 7 октября 1727 г., — в назначенных местах делать малые каналы от большого (Морского канала. — В.К.) к Момплезиру и к Эрмитажу близ лесу или сквозь оной...». (Этот канал от Монплезира до Эрмитажа показан на копии Рандаля плана Петергофа 1722 г.) «По чертежам делать вновь по первому: на месте, что было Александра Яковлева и Чевкина, звезду, посаженную деревьями („Фантана Меркуриева“. — В.К.) ... в размеренных местах под буквами F — партер, в котором в середине пруд и около шести фантан и шесть прутков («Сад Нептунов»), Н — фанатанку

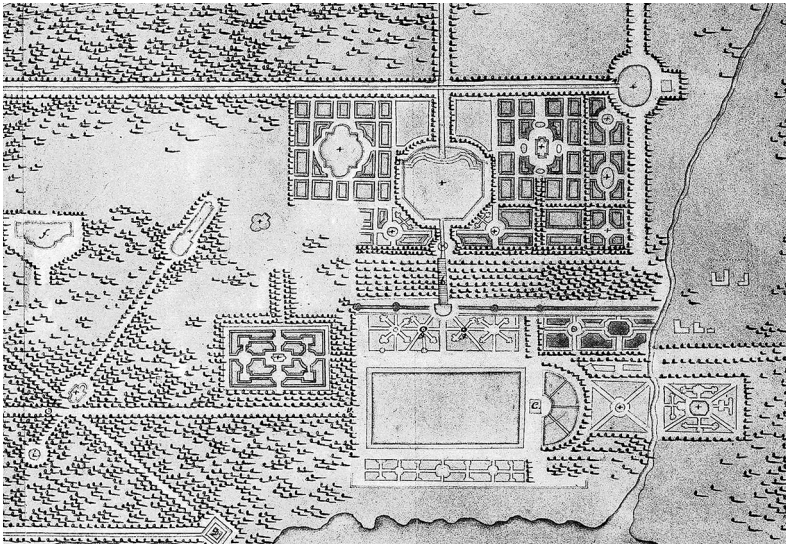
с кашадами («Монте Перназо» — «Гора Парнас»), К — портал, в котором в середине фантанка («Сад Венеры»), L — портал же и в середине фантанка и около той фантанки четыре пруда («Сад помянутых хитростей» — Верхне-Марлинский). По всем этим объектам вынесена резолюция: «обождать»¹⁴. Любопытно, что не обсуждался вопрос о строительстве «Моисеева каскада» и «Фонтана Тритонов». Их чертежи являются копией каскада и фонтана в Версале. Петр отказался от этих проектов, так как принял решение перенести фонтан «Ева» на Марлинскую аллею. Создание у «Евы» такой же, как у «Адама», звезды дорожек исключало возможность строительства «Моисеева каскада» и «фонтана Тритонов» там, где предлагал Микетти¹⁵. К числу нереализованных замыслов Петра относится также устройство фонтанов на земляных террасах по сторонам Большого каскада¹⁶. В то же время Верховный совет постановил «делать помалу на том месте, где повелено... црковь каменную». Проект церкви принадлежал все тому же Микетти. Недостроенный храм был разобран в правление Анны Иоанновны¹⁷. В 1733 г. вышеупомянутый протокол заседания Верховного тайного совета был представлен «его графскому сиятельству генерал ковалеру обергофмейстеру лейбгвардии Преображенскаго полку подполковнику и Ея и. в. адъютанту графу Семену Андреевичу Салтыкову»¹⁸. Анна Иоанновна предпочла не возвращаться к петровским затеям, а устроить на месте усадьбы Меншикова «Монкураж» охотничий Олений зверинец, захватив и часть Нижнего сада до фонтана «Пирамида».

В 1768 г. Екатерина II писала Никите Панину: «Только без сердца видеть не можно, как все здесь запущено, хотя с 1762 года я на то выдала 180 000 рублей, а старый хрыч Елагин, вместо того, чтобы Петергоф чинить, черт знает что из тех денег делал»¹⁹. Полагаем, часть указанной суммы истрачена на некий «прожект», упомянутый в документе: «О сочинение господином генерал-майором и кавалером Данненберхом всему петергофскому месту вновь прожекте на 11-ти листах... Оный прожект с принадлежащими к тому строениями в садах аллеи, кашкад с фантаны, пруды и гроты, с поправлением Гавани сочинен и при сем планы и фасады подносятца, и о назначенных в плане номерах и литер приложен реестр». «Прожект» был

представлен Екатерине II «декабря 11-го дня 1764 года». За недостатком места укажем наиболее интересные, на наш взгляд, проекты: «8. Новый манеж. 11. Новый оперный дом (в Верхнем саду.— В. К.). 32. Нижний яблонной сад (к западу от дворца Марли, на месте бывшего „Сада Бахуса“ и петровского зверинца.— В. К.). 39. Новой каменный Эрмитаж. (Оной прожектирован внов другим разделением, понеже прежний за опасностью должно разобрать.) 41. Новый грот против Эрмитажа. 42. Подле ево ново (нрзб) гора, сверх ее пернас. (Гора Парнас?— В. К.). 43. Пруд для скопу воды в фантаны. 44. Новый грот для удержания горы... Подле оного каскада по обеим сторонам в террасах гроты. (Оные гроты прожектированные внов, а от прежде бывших террасах отойдет в дорогу, что против Верхнего дворца к лутчему проспекту 1 сажень.) 49. Вододействующие игральные органы и клошпиля галляреи. 52. Подъемные мосты. (Оные мосты по каналу прожектируются быть подъемным или развонным, дабы по случаю и яхты ввести можно в пример прежних

Западная часть Петергофского ансамбля. Фрагмент генерального плана Петергофа 1722 г. (Копия Рандаля)

В. А. Коренцвит. Реконструкция возможного варианта проекта Марлинского ансамбля с завершением планировки Верхне-Марлинского сада

времен. А шлюз против прежнего имеет быть отнесен по линии от дворца 51 сажень, чем придать может лутчею проспект каналу.) 69. Летний театр (прожектирован вновь). (Амфитеатр на склоне к востоку от каскада „Шахматная гора“.— В. К.) 79. Новый зверинец. 83. Новый большой пруд для скопу воды разных фантанов около Момплезира. Аллея L позади Темпля к морю (вновь прожектирована) (дорога сохранилась до сих пор.— В. К.)... Опись внесенным при рапорте чертижам: 1. Генеральный план Петергофа с прибавлением прожекта новым разделением. Чертеж 1 (заимствовано от зверинца 43 саж). 2. План Петергофскому верхнему каменному дворцу... С показанием гротов... под номерами 1, 2, 3, 4 (4 чертежа). 3. План означенным гротам под номерами 2, 3 (1 чертеж). План и фасад Оперному дому № 7. План и фасад манежу № 8. 17. Грот в террасах № 63. И того всех чертежей с генеральным планом 33»²⁰.

Некоторые чертежи сохранились, но, к сожалению, в рамках настоящей статьи нет возможности остановиться на этом

подробнее. В августе 1770 г. Екатерина II изустно указала «на Большом прешпекте против Марлинскому дому вместо Темпля построить Гору из дикого камня по апробированной модели»²¹. Однако вскоре вместо задуманной Ю. М. Фельтеном горы на месте разобранного Темпля был поставлен большой деревянный щит. Он показан на плане Петергофа 1774 г., но, к сожалению, в сильном ракурсе. Можно только гадать, что было изображено на щите; быть может, именно эта фантастическая гора. Раскопки обнаружили фундамент павильона из валунов и деревянные сваи декоративного щита²².

В заключение скажем: не все одобренные Петром проекты удалось осуществить. Особенно жаль, что не был создан Верхне-Марлинский «Сад помянутых хитростей». Но можно только порадоваться, что представленный Екатерине II грандиозный «проект» по переделке петровских объектов остался втуне.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 37. Л. 746 об.; Кореницит В. А. Анализ плана Петергофа. (Копия Рандаля 1739 г. с несохранившегося плана 1722 г.) Историческая справка. Л., 1978 // КГИОП. Инв. № П. 226, Н-2020; Архив ГМЗ «Петергоф». Р-185а.

² РГАДА. Ф. 9. От. 2. Кн. 93. Л. 375–377; Кореницит В. А. Где был сад Бахуса? Уточнение границ Нижнего парка Петродворца // Ленинградская панорама. 1983. № 3. С. 36–37.

³ Кореницит В. А. Ранний план Петергофа из Стокгольмского Национального музея как исторический источник. Памятники культуры. Новые открытия. 1984. Л., 1986. С. 497–508.

⁴ РГАДА. Ф. 9. От. 1. Кн. 57. Л. 144.

⁵ Воронихина А. Н., Калязина Н. В., Коршунова М. В., Петрова Г. А. Архитектурная графика России. Первая половина XVIII века: научный каталог. Л., 1981. С. 66–79.

⁶ Hallström B. H. Russian Architectural Drawings in the Nationalmuseum // Nationalmusei skrift serie 9. Stockholm, 1963. THS-434.

⁷ Кореницит В. А. Корректировка Петром окончательного плана Петергофа // От «Царского огорода» к Музею заповедника. Сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2018. С. 91–98

⁸ Коренцовит В. А. «Сад помянутых хитростей» — загадки петергофского ансамбля Марли // Курьез в искусстве и искусство курьеза. Материалы XIV Царскосельской научной конференции. СПб., 2008. С. 178–201.

⁹ Коренцовит В. А. К истории застройки «Приморских дач» по Петергофской дороге в царствование Петра I // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1991. М., 1997. С. 374–388.

¹⁰ Коренцовит В. А. «Восточный лабиринт» или «Сад Фортуны»? // История Петербурга. СПб., 2011. № 1 (59). С. 36–40.

¹¹ Коренцовит В. А. Петергоф, каким его хотел видеть Петр I (Ансамбль Оранжерейного сада по данным археологических раскопок) // Петровское время в лицах — 2011. Труды Государственного Эрмитажа. LVIII. СПб., 2011. С. 186–199.

¹² РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 80. Л. 457.

¹³ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 78. Л. 54–60.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35117. Л. 17.

¹⁵ Коренцовит В. А. Корректировка Петром окончательного плана Петергофа... С. 91–98.

¹⁶ Коренцовит В. А. Мечта о мраморных фонтанах // Санкт-Петербургские ведомости. 19.07.2013. № 28 (1260).

¹⁷ Коренцовит В. А. Церковь итальянского архитектора Николо Микетти в Петергофе // Петровское время в лицах — 2017. Труды Государственного Эрмитажа. XC. СПб., 2017. С. 170–178.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35111. Л. 36.

¹⁹ Божерянов И. Н., Никольский В. А. Легенды старого Петербурга. М., 1992. С. 10.

²⁰ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 102. Л. 1–17.

²¹ Цит. по: Архипов Н. И. Темпль // Николай Ильич Архипов. Исследования по истории Петергофа. СПб., 2016. С. 579.

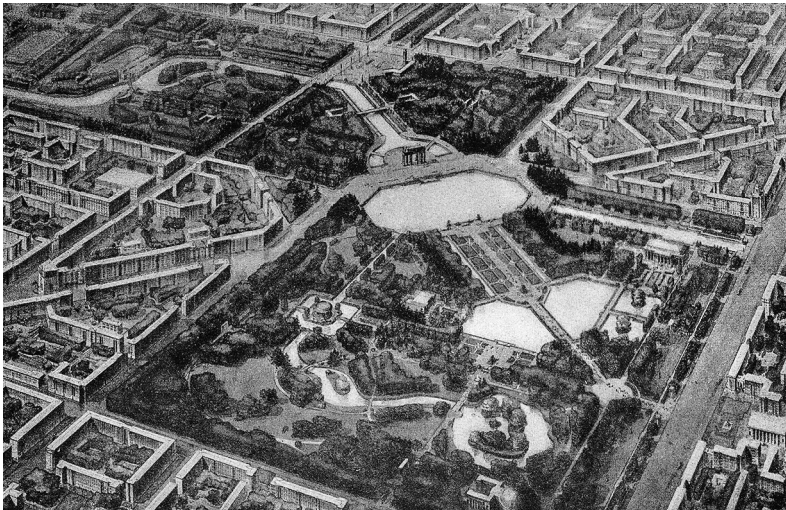
²² Коренцовит В. А. Отчеты об археологических исследованиях в Нижнем саду Петродворца в 1976–1982 гг. Ч. 10. Павильон Темпль. 1984. Архив ГМЗ «Петергоф». Р-200а.

К ИСТОРИИ ПРОЕКТА ПАРКА КУЛЬТУРЫ
И ОТДЫХА В МОСКОВСКОМ РАЙОНЕ
(ПРЕДШЕСТВЕННИКА
МОСКОВСКОГО ПАРКА ПОБЕДЫ)

ФАКТ проектирования в 1930-е гг. парка культуры и отдыха (далее — ПКиО) Московского района на месте заложенного в 1945 г. Московского парка Победы достаточно широко известен, однако многие детали данного исторического сюжета на сегодняшний день еще не были подробно изучены. В настоящей работе рассматривается опыт применения в проектах ПКиО Московского района метода транслкации и его влияние на последующее формирование облика Московского парка Победы.

История проектирования ПКиО Московского района напрямую связана с претворением в жизнь разработанного в 1935 г. коллективом авторов под руководством Л. А. Ильина Генерального плана развития Ленинграда (далее — Генплан). Одной из основополагающих установок Генплана являлось создание в Московском районе нового общегородского административно-делового центра. Под его ядро была определена несуществовавшая на тот момент площадь на Московском шоссе недалеко от Средней Рогатки, где в 1936–1941 гг. по проекту Н. А. Троцкого было возведено здание Дома Советов. Параллельно на всей территории района в то же время было развернуто масштабное строительство, одним из объектов которого и являлся районный ПКиО.

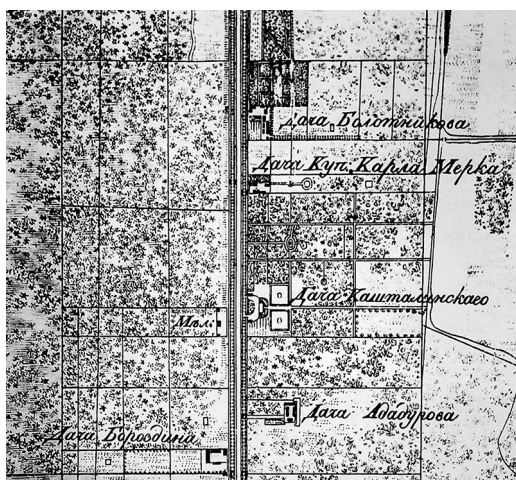
Проект ПКиО разрабатывался в два этапа. Его первый вариант был создан в 1937 г. архитекторами Т. Б. Дубяго, П. А. Волковым и А. И. Лапириным под руководством Е. И. Катонина и Л. А. Ильина¹. Второй вариант был разработан архитекторами Н. Н. Устиновым и В. М. Бездельниковым под руководством Е. И. Катонина и Н. В. Баранова² в 1939 г. Причиной существования двух вариантов проекта парка следует считать произошедший в 1938–1939 гг. значительный пересмотр положений Генплана 1935 г., связанный с назначением в 1938 г. главным

Н. Н. Устинов и В. М. Бездельников под руководством Е. И. Катонина и Н. В. Баранова. Проект ПКЮ Московского района в Ленинграде. 1939–1940 гг.

архитектором Ленинграда Н. В. Баранова, фактически сменившего на этой должности Л. А. Ильина.

Предпосылки к формированию концепции, предполагавшей перемещение на территорию ПКЮ Московского района ряда архитектурных памятников прошлого из других частей города, были заложены в первом варианте проекта. Согласно ему, парк должен был разместиться в полутора километрах севернее нового общегородского центра на незастроенном участке территории, где сохранялись артефакты дореволюционного ландшафтного строительства³. К таковым относились пруды правильной формы и группы старинных деревьев, в первой четверти XIX в. входившие в ансамбль сада дачи некоего Кашталинского⁴. Окончательно рассматриваемая концепция сложилась в варианте 1939 г., закрепившем включение в состав паркового ансамбля артефактов дореволюционных усадеб и утвердившем список объектов, предполагавшихся к транслокации. Ими стали: Московские Триумфальные ворота (В. П. Стасов и др., 1834–1838 гг.), Крымская (Сибирская) колонна из Царского Села

Дача Кашталинского с двумя квадратными прудами. 1820-е гг.

(автор неизвестен, вторая половина XVIII в.) и фонтан-поилка «Четыре сфинкса» из Пулкова (Ж.-Ф. Тома де Томон, 1809 г.)⁵.

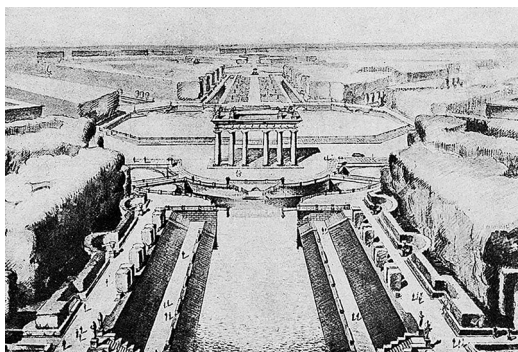
Планы по использованию в проектах ПКиО Московского района методов транслокации появились в период активного применения аналогичных методов в советском музейном строительстве. Именно в 1930-е гг. происходит перемещение ряда памятников деревянного зодчества (музей-заповедник в подмосковном Коломенском)⁶, в те же годы осуществляется перенос исторических захоронений и надгробий с упраздняемых кладбищ в музейные некрополи Александро-Невской лавры в Ленинграде и некрополь Донского монастыря в Москве⁷ и т. д. Схожими с музейными были и сами принципы применения методов транслокации при проектировании ПКиО: к перемещению предполагались памятники близких исторических эпох, родственных архитектурных стилей, а их размещение планировалось вокруг идейно связанного с ними памятника-ядра, сохранявшегося *in situ*. Показательно, что к аналогичным заключениям приходили и современники описываемых событий, указывавшие на «опасность превращения парка в своего рода музей»⁸.

Созвучной по содержанию была и критика идей транслокации в музейном деле и при проектировании ПКиО Московско-

го района. В 1938 г. заместитель наркома просвещения РСФСР Н. К. Крупская указывала создателю музея-заповедника в Коломенском П. Д. Барановскому, что «своз характерных деревянных построек из разных мест связан с их предварительным разрушением и отрывом от естественной обстановки»⁹. Двумя годами позже архитектор С. Л. Пермут высказывал аналогичные опасения относительно проекта ПКиО: «Можно ли — безнаказанно для художественного восприятия архитектурного памятника — менять окружающую его среду, в которой он был запроектирован автором»¹⁰.

Широкое обращение к методам транслокации в музейном деле СССР 1930-х гг. было продиктовано необходимостью быстрого развертывания масштабной работы по сохранению памятников истории и культуры прошлого, оказавшихся под угрозой уничтожения *in situ* по причине имевших место в жизни страны явлений (индустриализация, урбанизация, реконструкция городов и т. д.). Памятники, предполагавшиеся к переносу в ПКиО Московского района, в рассматриваемый период также в той или иной степени находились под угрозой. В 1936 г. из-за расширения Международного проспекта были разобраны Московские Триумфальные ворота и снесены создававшиеся в ансамбле с ними здания кордегардий¹¹. Один из пяти фонтанов Пулковской дороги был утрачен в 1920-е гг., еще один перенесен в 1935 г. в сквер напротив западного фасада Казанского собора¹². В послевоенный период перенос данных фонтанов или их фрагментов с исторических мест был продолжен, вследствие чего мы можем предположить, что предпосылки к этому существовали еще в 1930-е гг. В контексте вышесказанного мы считаем возможным рассматривать применение в проектах ПКиО Московского района 1930-х гг. методов транслокации как своеобразный опыт презервации культурного наследия, выразившийся в попытке создания парамузейной институции под открытым небом на базе районного парка культуры и отдыха.

Работы по созданию ПКиО Московского района были начаты в 1938 г. и продолжались до 1941 г. За этот период на натуре был воплощен участок парка вдоль Московского шоссе, включавший в себя территорию вокруг прудов утраченной дачи Кашталинского. После окончания Великой Отечественной войны,

Проект размещения
Московских
Триумфальных ворот
на территории ПКиО
Московского района

7 октября 1945 г., на этом же участке был заложен Московский парк Победы. Проект нового парка, значительно отличавшийся от довоенных и в то же время использовавший многое из прежних наработок, был подготовлен к 1946 г. архитекторами В. Д. Кирхоглани, А. Ф. Всеволожской и Е. А. Вихоревой в мастерской Е. И. Катонина¹³.

Предполагавшиеся в проектах ПКиО Московского района перемещения памятников не были осуществлены. Однако впоследствии к методу транслокации повторно обратились создатели Московского парка Победы. На начальных этапах проектирования парка архитекторами вновь обсуждалась идея воссоздания на его территории Московских Триумфальных ворот, но в 1950 г. от нее было окончательно решено отказаться¹⁴. Тем не менее в том же 1950 г. на небольшой площади в северо-западной части парка был установлен фонтан-поилка начала XIX в. («Нептун» работы Ж. Ф. Тома де Томона), исторически входивший в ансамбль Пулковской дороги. В 1958 г. в связи с установкой на том же месте бюста В. И. Ленина фонтан был перемещен в юго-восточную часть парка, а в середине 1960-х гг. демонтирован и отправлен в запасники Государственного музея городской скульптуры¹⁵. На этом непосредственное обращение авторов парка Победы к методу транслокации завершилось.

В дополнение к вышесказанному заслуживает упоминания тот факт, что при проектировании ПКиО Московского района применялся не только описанный выше метод транслокации, но и «метод копирования», выразившийся в идее установки

в парке авторского повторения памятника В. И. Чапаеву работы М. Г. Манизера¹⁶, оригинал которого с 1932 г. находится на площади перед Домом Советов в Куйбышеве (ныне — Самара). С большой долей вероятности можно предположить, что скульптурная группа, предполагавшаяся для размещения в ПКиО Московского района, с 1943 г. установлена перед фасадом здания Военной академии связи им. С. М. Будённого. При создании Московского парка Победы «метод копирования» нашел гораздо более широкое применение. Результатом обращения к нему в парке стали авторские повторения памятников А. М. Матросову работы Л. Ю. Эйдлина, З. А. Космодемьянской работы М. Г. Манизера, скульптурной группы «Физкультурницы» работы Е. А. Янсон-Манизер и ряда других произведений.

На определенном этапе создания парка Победы произошел своего рода синтез «метода копирования» с методом транслкации, что привело к появлению в его ансамбле в 1946 г. скульптур двух львов — бетонных копий памятников, расположенных у Лоджии деи Ланци во Флоренции и неоднократно

Фонтан-поилка «Нептун» работы Ж. Ф. Тома де Томона в Московском парке Победы. 1950-е гг.

Статуи львов на берегу Квадратных прудов Московского парка Победы. 1950-е гг.

процитированных в художественном убранстве Петербурга — Ленинграда¹⁷. Местом размещения львов в парке были выбраны берега «Квадратного» пруда — артефакта усадьбы первой четверти XIX в., что можно рассматривать в качестве своеобразного «намёка» на происхождение данного объекта. В настоящий момент львы в парке Победы утрачены, однако в будущем представляется оправданным их воссоздание.

Подводя итог, мы можем заключить, что при создании ПКиО Московского района, а позже — Московского парка Победы идея размещения на базе районного парка культуры и отдыха парамузея под открытым небом по типу «скансена» эволюционировала в опыт актуализации в современном культурном ландшафте исторических артефактов посредством их художественной интерпретации. В дальнейшем этот сюжет может представлять значительный интерес при изучении отечественной ландшафтной архитектуры, а также истории охраны памятников и музейного дела.

Примечания

- ¹ Бусырева Е. П. Лев Ильин. СПб., 2008. С. 198–199.
- ² Пермут С. А. Парк культуры и отдыха Московского района // Архитектура Ленинграда. 1940. № 5 (22). С. 32.
- ³ Ильин Л. А. Планировка и застройка магистрали Международный проспект — Московское шоссе // Архитектура Ленинграда. 1938. № 1 (6). С. 17.
- ⁴ Топографическая карта окрестностей С. Петербурга. СПб., 1824. Л. 9.
- ⁵ Пермут С. А. Указ. соч. С. 34.
- ⁶ Цветнов В. А. П. Д. Барановский. Эволюция взглядов: от музеев под открытым небом к охране культурных ландшафтов русского севера (1920–1970-е годы) // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 2. С. 35–36.
- ⁷ Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М., 2011. С. 166.
- ⁸ Пермут С. А. Указ. соч. С. 34.
- ⁹ Цветнов В. А. Указ. соч. С. 36.
- ¹⁰ Пермут С. А. Указ. соч. С. 34.
- ¹¹ Раскин А. Г. Триумфальные арки Ленинграда. Л., 1977. С. 206.
- ¹² Кривдина О. А., Тыгинин Б. Б. Скульптура и скульпторы Санкт-Петербурга. 1703–2007: иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2007. С. 651.
- ¹³ Катонин Е. И. Парки Победы // Архитектура и строительство Ленинграда. 1946. № 6. С. 12.
- ¹⁴ ЦГАНТД СПб. Ф. 386. Оп. 14. Д. 62. Л. 105.
- ¹⁵ Кривдина О. А., Тыгинин Б. Б. Скульптура и скульпторы Санкт-Петербурга. С. 651.
- ¹⁶ Пермут С. А. Указ. соч. С. 34.
- ¹⁷ Нестеров В. В. Львы стерегут город. Л., 1971. С. 233.

НЕИЗВЕСТНЫЙ КВАРЕНГИ (О ПРОЕКТЕ ЗНАМЕНСКОГО СОБОРА В КУРСКЕ)

В ОПРОС об авторе проекта Знаменского собора¹, который уже почти 200 лет является одной из главных архитектурных достопримечательностей Курска, остается до настоящего времени открытым. Исследователи неоднократно предпринимали попытки раскрыть эту тайну, отмечая высокие архитектурные достоинства собора. Подчеркивается стилистическое родство церковного здания с лучшими образцами итальянской ренессансной архитектуры. Известно, что первоначальный облик собора подвергся изменениям — в середине XIX в. к его западному фасаду была пристроена трапезная с двумя колокольными башнями. Общеизвестно, что первоначальный проект храма может быть соотнесен с лучшими образцами церковной архитектуры первой четверти XIX в. Важно, что источники однозначно подтверждают: проект был выполнен одним из крупных петербургских архитекторов. Это обстоятельство стало известно еще в конце XIX в., когда исследователи приступили к изучению архивных материалов по истории строительства здания.

История строительства здания изучена достаточно полно. Для этого немало было сделано в дореволюционные годы, когда исследователям были доступны местные монастырские архивы (ныне утраченные), а также в более позднее время, когда эта история была дополнена некоторыми колоритными подробностями, извлеченными из петербургских архивов. В связи с этим следует особо отметить имена протоиерея Алексея Алексеевича Танкова, курского историка церкви конца XIX в., и Алексея Игоревича Раздорского, современного петербургского исследователя истории Курского края.

В проектировании и строительстве ныне существующего Знаменского собора есть своя интрига. Он был возведен на месте старого храма, тоже каменного, но обветшавшего и грозившего обрушением. В очередной раз о такой перспективе вспомнили,

когда в храмовый праздник 24 ноября 1814 г. во время службы с потолка посыпалась штукатурка. После этого руководители города и церковные власти пришли к общему мнению, что старый храм восстанавливать не стоит, а что необходимо построить «новый, более вместительный и лучшей архитектуры храм»². Идею горячо поддержал курский губернатор Аркадий Иванович Нелидов³, впоследствии сделавший многое для того, чтобы ее реализовать. Заинтересованность Нелидова в постройке нового собора объяснялась тем обстоятельством, что он, вероятно, вынашивал очень популярную в России тех лет идею сооружения храма-памятника в своем городе в честь победы в Отечественной войне. Для строительства нового храма нужно было получить разрешение в Св. синоде в Петербурге.

Как следует из источников, в начале 1815 г. перед отъездом в столицу иеромонаха Палладия⁴, командированного духовным начальством в Северную столицу, Нелидов посоветовал ему обратиться в Петербурге «к наиболее известному архитектору для составления плана и сметы на постройку Знаменского собора»⁵.

Палладий вернулся в Курск с разрешением и проектной документацией. Он же и стал главным строителем нового храма, заложенного 4 июня 1816 г. и освященного в январе 1826 г. Однако имя того «наиболее известного» столичного архитектора, который разработал проект Знаменского собора, а именно «план и фасад»⁶, в документах не указывалось.

В начале 1930-х гг. курский храм едва не был снесен. С него успели «смахнуть» четыре малых купола и уже собирались приняться за главный, но были остановлены сопротивлением местных «ценителей старины». В соборе разместили кинотеатр, что в конечном итоге спасло храм от полного разрушения.

В 1999 г. по инициативе А. В. Руцкого, бывшего тогда курским губернатором, началась реконструкция собора. Она была завершена четыре года спустя. В результате нынешний облик главного курского собора приблизился⁷ к тому, который он получил в середине XIX в.

Теперь непосредственно об авторе проекта этого замечательного памятника культового зодчества периода классицизма. В 1951 г. в книге «Курск», вышедшей в серии «Архитектура городов СССР», курские архитекторы В. Ф. Габель и И. Н. Гулин

впервые приписали создание проекта собора видному петербургскому архитектору Абраму Ивановичу Мельникову⁸.

Эта версия жива и поныне. Думается, имя Мельникова было названо местными краоведами не случайно. Ведь курский храм в это время в своем измененном виде действительно был очень похож на одну из лучших построек Мельникова — кафедральный собор Рождества Христова в Кишиневе. Однако документальных подтверждений этой привлекательной версии нет, и поиски автора проекта курского собора зашли в тупик. Делу помогла чистая случайность. Ответ был найден в источнике, имеющем к проектированию и строительству здания косвенное отношение.

При подготовке статьи, посвященной смерти и погребению Александра I, наше внимание привлекло подробное описание убранства Знаменского собора, произведенное по случаю приема в Курске траурного кортежа с телом покойного монарха, шествующего из Таганрога в Петербург. В только что освященном соборе предполагалось разместить на ночь гроб с телом императора. Описание собора содержалось в отчете курского гражданского губернатора Алексея Степановича Кожухова о прохождении кортежа по Курской губернии. В конце января 1826 г. этот официальный документ был составлен и направлен в Петербург князю А. Б. Куракину, руководителю Печальной комиссии, который требовал составления таких отчетов от руководителей губерний, через территорию которых проходил траурный кортеж. Поручение высокопоставленного столичного чиновника Кожухов выполнил добросовестно. Его отчет, пожалуй, был одним из самых содержательных в ряду тех, что представили в столицу его коллеги.

Описание собора начиналось с фразы: «Должно заметить, что при получении горестного известия о кончине [императора Александра Павловича] храм во имя Знамения Курской Божиен Матери архитектора *Кваренги* (выделено нами.— А. В.) еще не был совсем закончен и даже не было иконостаса, который отливается в С. Петербурге на казенном заводе у Кларка»⁹.

Итак, наконец имя автора проекта курского Знаменского собора появилось в документе. Но насколько надежен приведенный архивный источник? На наш взгляд, отчет Кожухова

достоин доверия. Курский гражданский губернатор был вовлечен в строительство собора самым непосредственным образом. Участник войны, один из адъютантов Кутузова, он появился в Курске еще в 1817 г., будучи назначенным на пост вице-губернатора, т. е. заместителя Нелидова. Со следующего года он сменил его на посту «хозяина» губернии. Весь ход строительства собора проходил на глазах Кожухова. И то, что в губернском городе Курске возводится храм столичного уровня, было для него предметом гордости, чем он и поделился с князем Куракиным.

Аргументы, свидетельствующие о Кваренги как авторе проекта Знаменского собора, можно найти при анализе графического наследия мастера. Проектирование и строительство культовых сооружений занимало значительное место в творчестве Кваренги. В конце XVIII — начале XIX в. Кваренги разработал три проекта пятикупольных храмов, два из которых были осуществлены (соборная церковь Свято-Преображенского монастыря в Новгороде-Северском и Свято-Успенский кафедральный собор в Кременчуге), а также конкурсный проект Казанского собора в Петербурге¹⁰. При их внимательном рассмотрении нельзя не признать очевидного сходства этих проектов со Знаменским собором. Курский собор, вероятно, был его последним проектом. Архитектор скончался в Петербурге 1 марта 1817 г. — через семь месяцев после закладки собора.

Подводя итоги, можно еще раз отметить, что предположение о причастности видного петербургского архитектора А. И. Мельникова к разработке проекта храма не находит документального подтверждения. Вместе с тем неожиданная архивная находка, как нам кажется, может поставить точку в многолетних поисках исследователей. В официальном отчете, составленном в конце января 1826 г. А. С. Кожуховым о прохождении траурного кортежа с телом императора Александра I через Курск по дороге из Таганрога в Петербург, автором собора назван Дж. Кваренги («Гваренги»).

С обнаружением этого документа есть надежда, что «жемчужина» курского архитектурного наследия — Знаменский собор — обретает имя создателя его проекта, а обширный список работ великого зодчего пополнится еще одним замечательным произведением.

Примечания

¹ Кафедральный собор Иконы Божией Матери «Знамение» — православный храм на территории Курского Знаменского Богородицкого монастыря, расположенного в историческом центре Курска. До 1919 г. служил почетным местом хранения чудотворной Курской-Коренной иконы Божией Матери «Знамение» (в настоящее время икона пребывает в посвященном ей Знаменском Соборе Архиерейского Синода в Нью-Йорке). Является кафедральным собором Курской и Рыльской епархий РПЦ МП. Памятник архитектуры федерального значения.

² *Танков А. А.* Курский Знаменский собор (Из истории его сооружения) // Прибавление к Курским епархиальным ведомостям. Часть неофициальная. 1893. № 13. С. 275.

³ Аркадий Иванович Нелидов (1773–1834) — генерал-лейтенант (1801), курский гражданский губернатор (1811–1818), сенатор (1825), действительный тайный советник (1829).

⁴ В миру — Павел Иванович Белевцев (1776–1842). Подробнее о нем см., например, статью в Википедии.

⁵ *Танков А. А.* Курский Знаменский собор... С. 276.

⁶ *Раздорский А. И.* Знаменский собор // Молодая гвардия (газета). 1991. 29 июня.

⁷ Реконструкция не базировалась на прочной научной основе. Воссозданы малые купола, но новая колокольня была построена отдельно стоящей, и ее главной задачей, помимо функциональной, стало визуальное восполнение композиционной роли утраченных колокольных башен, ранее возвышавшихся над трапезной.

⁸ *Габель В. Ф., Гулин И. Н.* Курск. М., 1951. С. 17, 20.

⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 6. Л. 53 об.

¹⁰ Джакомо Кваренги. Архитектурная графика. Коллекция Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Научный каталог. СПб., 1998. С. 96, 90, 47.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ САМСОНОВСКОГО БАССЕЙНА В ЛУГОВОМ ПАРКЕ ПЕТЕРГОФА

НЕБОЛЬШАЯ часть Лугового парка в Петергофе около полуразрушенного Розового павильона, насыщенная прудами, с самого начала своего создания в 1840-х гг. именовавшаяся Озерками, на наш взгляд, — один из недооценённых, красивейших уголков Петергофа. Центральной частью этого ансамбля оказывается Самсоновский бассейн, вытянутый более чем на 400 метров в длину и практически со всех сторон окруженный водными объектами: Большим Круглым, Мельничным и Орлиными прудами. При этом, наверное, каждый из немногочисленных посетителей этого уголка обращал внимание на то, что уровень воды в Самсоновском бассейне почти на три метра выше, чем в окружающих его водоёмах. Когда и для чего был создан этот бассейн необычной формы, почему он возвышается над другими прудами и кто автор этого сооружения?

Практически во всех публикациях, посвященных Петергофу, на эти вопросы нет полноценных чётких ответов. В книге А. Ф. Гейрота об этом месте написано так: «Главный бассейн за павильоном, устроен был ещё при императоре Петре I и на месте павильона, при бассейне была построена деревянная караулка для матросов, присматривающих за шлюзами»¹. Эту же версию, высказанную Александром Фёдоровичем, затем многократно повторяли в многочисленных публикациях по истории Петергофа. Например, в книге В. А. Гущина в описании павильона «Озерки» можно прочесть: «При Петре Первом на месте павильона находился бассейн со шлюзом»². Эта же точка зрения вошла и в официальные документы, в частности в текст распоряжения Правительства РФ от 31 декабря 2008 г. № 2057-р: «П. 106. Луговой парк... бассейн Самсоновский со шлюзом и водозабором, 1720–1721 гг., инж.-гидравлик Туволок В. Г. г. Санкт-Петербург, г. Петергоф, Парк Луговой (Озерковый), между Царской мельницей и павильоном „Озерки“». Таким образом, версия А. Ф. Гейрота о времени создания этого

интереснейшего гидротехнического объекта нашла своих почитателей почти 150 лет спустя и закрепились в официальных документах XXI в.

Но насколько эта датировка верна? Имеется ли у сторонников этой версии хоть какое-то документальное подтверждение и обоснование? Как ни удивительно это звучит, но никаких документов, подтверждающих это предположение, не существует. Более того, все сохранившиеся архивные документы говорят об ином. Не будем долго поддерживать интригу, а коротко расскажем историю создания этого интереснейшего и даже изящного гидротехнического объекта.

Вода из Самсоновского бассейна по двум трубам направляется к фонтану «Самсон» и фонтанам Верхнего сада. Поэтому логично было бы предположить, что появление этого резервуара должно быть связано с созданием именно этих, а не каких-либо других фонтанов или каскадов. Конфигурация водоподводящей системы фонтанов Петергофа во времена Петра I проходила через современный Английский пруд и Верхнесадский канал, а на месте нынешнего Самсоновского канала была заболоченная территория без каких-либо гидротехнических сооружений и трубопроводов. Подробнее история изменения конфигурации водоподводящей системы фонтанов Петергофа за 300 лет её истории описана в нашей книге³.

Первые инженерные сооружения для водоснабжения фонтанов на прямом участке от Верхнего Сада до Бабигонского пруда появились только во время царствования Анны Иоанновны, которая в начале 1730-х гг. решает создать в Петергофе новый грандиозный фонтан — «Самсон». Его гидротехническими расчётами занимался фонтанный мастер Поль Суалем. Поскольку появление нового фонтанного ансамбля связано с увеличением расхода воды, то для его действия нужно было обеспечить это дополнительное количество в нужном месте. В связи с этим в 1733 г. начали строить «фантанные деревянные трубы, которые приведены для умножения воды от Бабьего Гону до верхнего петергофского пола»⁴. 27 октября 1733 г. в дворцовой конторе строения домов и садов два санкт-петербургских купца — Аверьян Харитонов и «иноземец» Яган Ванк — подписали контракт, по которому обязались сделать 600 деревянных фонтанных труб из

трёхсаженного соснового леса. Кроме того, в том же году другой санкт-петербургский купец Аника Карин обязался под эти трубы вырыть канал протяжённостью 1800 сажений⁵.

Первое время трубопровод работал исправно, и высота струи «Самсона» всех устраивала. Но со временем доски стали гнить, стыки начали расходиться, пошли серьёзные утечки воды, и высота струи фонтана стала уменьшаться. При этом места утечек было трудно выявить и отремонтировать, ибо трубы находились в земле. Внутренний осмотр и заделку видимых повреждений изнутри трубы доверяли мальчикам фонтанной команды. Но со временем число повреждённых участков росло, что требовало капитального ремонта всего трубопровода. Осенью 28 октября 1746 г. фонтанный мастер Пётр Брунатти подаёт очередной рапорт о перечне необходимых работ по фонтанной части на 1747 г., где под первым пунктом пишет о ремонте деревянных фонтанных труб от Бабьего Гона. Любопытна и его приписка после предупреждения о том, что без починки этих труб могут возникнуть проблемы в действии фонтанов: «...И дабы мне того не взыскалось»⁶. Но денег на капитальный ремонт так и не выделили.

К 1754 г. руководство Канцелярии от строений уже пришло к выводу, что главная проблема в уменьшении высоты фонтана «Самсон» заключается в утечке воды из деревянных труб. Поэтому вместо них директор этой канцелярии Вилим Фермор предлагает вырыть открытый канал⁷. К осени 1755 г. было прорыто 753 погонных сажени канала (1603 метра). По состоянию на 3 марта 1756 г. канал был продолжен ещё на 142 погонных сажени, а затем отчёты о выполнении работ прекратились вовсе⁸. Несколько последующих лет, судя по документам, реконструкция системы переживала явную стагнацию. Возможно, что сначала это было связано со вступлением России в Семилетнюю войну, в годы которой главный идеолог реконструкции водоподводящей системы генерал-аншеф В. В. Фермор командовал одним из армейских корпусов. Потом, вероятно, работы могли не производиться в связи со смертью императрицы Елизаветы Петровны в 1761 г. и коротким царствованием Петра III.

К масштабной реконструкции водоподводящей системы приступили уже после того, как на престол взошла Екатерина II.

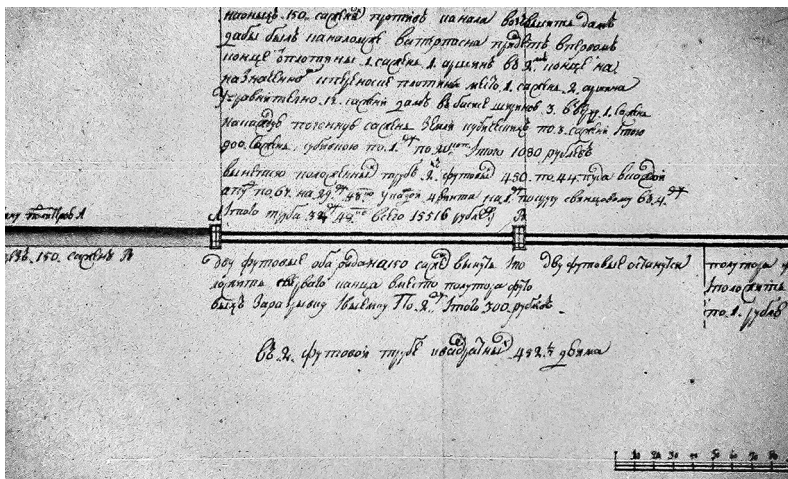
Тогда было принято решение вместо канала и деревянных труб уложить чугунные. Работы по их укладке на участке от Верхнего сада в сторону Бабьего Гона проводились в 1764–1769 гг. Наибольший объём работ по монтажу чугунных труб был выполнен в 1767 г., когда подрядчик Фёдор Карпов по контракту от 21 марта обязался проложить 640 погонных саженьей труб в канале шириной сверху в 4 сажени, снизу в 2 при глубине от 7 до 8 футов. Прежде чем уложить новую трубу, Карпов должен был демонтировать старую деревянную, затем сделать деревянный фундамент, под ним в необходимых местах ещё требовалось набить сваи и только потом на эту конструкцию положить чугунные трубы. Таким образом, точка зрения, которая порой встречается в различных статьях, что якобы чугунные трубы клали на неподготовленную землю, ошибочна и не имеет документального подтверждения. Стоимость работы по укладке труб была определена в 3 рубля 91 копейку за одну погонную сажень⁹.

В июне 1768 г. Иван Иванович Бецкой, новый глава Канцелярии от строений, отдал распоряжение коллежскому асессору С. Ларину и фонтанному мастеру И. Кейзеру подготовить предложения по увеличению запасов воды и по возможности усилению действия фонтанов. В августе того же года Кейзер предложил у окончания чугунных труб сделать квадратный резервуар со сторонами по 50 саженьей (106 метров) и перестроить плотину на Самсоновском канале. По его расчётам, для этого требовалось большое количество материалов и 500 чёрнорабочих сроком на один год¹⁰.

Из-за трудностей с финансированием это предложение было отклонено: от большого бассейна решили отказаться. Осенью 1768 г. мастером Ф. Броуером был подготовлен проект устройства плотины у окончания чугунных труб. 21 апреля 1769 г., когда началась подготовка к реализации этого проектного решения и уже были закуплены материалы, Семён Ларин подает на имя Бецкого очередной рапорт. В нем он вспоминает рассуждения самого Бецкого о необходимости экономии чугунных труб для других казённых нужд и об увеличении протяжённости открытого канала: «Покорнейший рапорт. О сделании в Петергофе при окончании Бабегонского канала (которым

в верхний сад и в самсоновский к фонтанам вода идёт) плотины повеление имею и материалы в готовности. Но как Ваше Превосходительство ещё в 1768 году в июне месяце рассуждать изволило, чтоб к преумножению воды ещё какой способ дозволить предложить... Сие повеление исполняя, при сём представляю чертёж за моей подписью и мастера рукою открытого канала с назначенным при окончании ево под литерою „А“ плотины, которой строение ещё не начато. От того места по рассуждением вашего высокопревосходительства весьма признавается продолжить канал ещё на 150 сажень, ибо в нижнем конце по ватерпасу прибудет ещё только на 1 аршин. И для того сделать дам шириной в низу на 3, в верху на 1, вышиной в 1,5 сажени...»¹¹.

Изучая чертёж и переписку, можно отлично представить себе, что же было предложено Лариным. Итак, канал предусматривалось делать не только на упомянутых ранее 150 сажнях, где уже были уложены чугунные трубы, но и вместо оставшихся старых деревянных труб (на расстоянии 43 сажени). Вновь устраиваемый канал должен был расширяться, но затем, в конце, вновь сужаться по размеру плотины, ранее рассчитанному

С. Ларин и И. Кейзер. Чертёж. Фрагмент. 1769 г.
РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 217. Л. 1

для другого места. При этом предлагалось весьма интересное инженерное решение: канал не рыть, а делать его выше уровня земли за счёт насыпки с двух сторон дамб (или дам, как говорили в то время, от голландского «dam») высотой в 1,5 сажени (3 метра). Таким образом получался резервуар протяжённостью 193 сажени (411 метров) и максимальной глубиной около трёх метров. По мнению Ларина, устройство такого водохранилища обеспечивало бы выгоду сразу по нескольким направлениям:

— снятые 450 фрагмента 2-футовых труб (вместе с болтами и свинцовыми кругами) можно будет использовать на других участках, не закупая новые;

— на этом вновь создаваемом окончании канала образуется водохранилище объёмом более 1500 кубических сажений;

— будет значительная экономия денежных средств (до 13 956 рублей);

— в результате увеличения напора «возвысится игра фонтанов».

Предложение Ларина было принято, и работы начались в том же году¹². На земляных работах подрядчиками выступили купец Красноглазов и крестьянин Аникеев, которые наняли на работу 350 человек. Объём земляных работ был относительно невелик — 1050 кубических сажений. Работы начались 7 мая 1769 г. и, по мнению Ларина, могли закончиться уже 29 июня, но из-за дождей пришлось закончить позже: «...за чем продолжалось августа до 11; а с того числа за дождями навозка на даму земли оставлена, токмо действие фонтанов, хотя и не всей высотой, как от возвышения канала быть должно, однако противу прошлогоднего выше на десять фут...»¹³. Землю на эту дамбу брали рядом с каналом, образовав длинную канаву вдоль русла. Позже эта канавка была расширена и её нижняя часть стала основой для созданного в 1847 г. Мельничного пруда.

В настоящее время около развалин бывшего Розового павильона очень хорошо виден перепад высот, образованный в результате работ, проведённых в 1769 г. по проекту Ларина и Кейзера. Именно создание этого резервуара, который затем стали называть «Самсоновский бассейн», обеспечила максимальную высоту фонтана «Самсон» за счёт увеличения напора почти на 3 метра. Кроме того, наличие запасного резервуара воды

увеличило и время действия фонтанов. На этот положительный эффект Ларин также обратил внимание уже после того, как его проект был реализован. В одном из своих рапортов он писал, что ранее фонтаны не могли работать долго: «...Прежде фонтаны пущены, самсоновской, адамовской и в монплеzure, в полдня». Но уже в сентябре 1769 г., после проведённых работ, Ларин отмечал: «Ныне летом пущены фонтаны с утра во весь день в монплеzure все, самсоновский и адамовский, в десять часов, и воды было достаточно. А будущее лето по укреплению в новом канале берегов, когда весь наполнится и весьма достаточно будет»¹⁴.

К сожалению, имя Семёна Ларина, одного из создателей этого украшения Лугового парка, обеспечившего увеличение высоты действия фонтана «Самсон», практически полностью забыто. Как не было известно и то, когда и для чего был построен Самсоновский бассейн. Надеемся, что эта статья приоткрыла ещё одну неизвестную страницу из истории водоподводящей системы фонтанов Петергофа.

Примечания

¹ Гейрот А. Ф. Описание Петергофа. 1501–1868. СПб., 1868. С. 101.

² Гуцин В. А. История Петергофа и его жителей. СПб., 2014. Кн. V. Парки Петергофа. 2016. С. 218.

³ Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю. От реки Коваши до Самсоновской чаши. История водоподводящей системы фонтанов Петергофа. СПб., 2019.

⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 81. Л. 193.

⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 854. Л. 23.

⁶ РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 333. Л. 10.

⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 888. Л. 1.

⁸ РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 649. Л. 9–16.

⁹ РГИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 755. Л. 1.

¹⁰ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 102. Л. 204–205.

¹¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 102. Л. 184.

¹² РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 102. Л. 226.

¹³ Там же. Л. 227.

¹⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 102. Л. 229–230.

ОГРАДА У МРАМОРНОГО ДВОРЦА. К ВОПРОСУ ОБ АВТОРЕ ПРОЕКТА

МРАМОРНЫЙ дворец — памятник истории и культуры, построенный в 1768–1785 гг. по проекту архитектора А. Ринальди, является филиалом Государственного Русского музея.

Территорию, ведущую к главному входу в музей, обрамляет ограда. Она примыкает к северному и южному фасадам дворца и объединяет дворец со зданием Служебного дома. На гранитном пьедестале установлены металлические звенья решетки в виде железных копий с золочеными кистями вверху и розетками в центре. Металлические звенья крепятся к гранитным столбам. На центральной оси ограды с Дворцовой набережной и на Миллионной улице в сторону Марсова поля расположены двое въездных ворот с фигурным завершением, сохранившим частично золоченые украшения. На гранитных столбах находятся небольшие вазы белого мрамора, а у ворот декоративные композиции с военной арматурой.

Автором проекта ограды принято считать Петра Егорова, служившего с 1768 г. при строительстве Мраморного дворца в должности «заархитектора»¹.

Ограда у Мраморного дворца, созданная в XVIII в., изображена в ряде живописных и графических произведений, среди которых наиболее известна работа В. С. Садовникова «Вид набережной и Мраморного дворца». На фотографии начала XX в. ограда показана также со стороны набережной. Под фотографией надпись: «Мраморный дворец. Архитектор Кваренги».

Путеводители XVIII–XIX вв. выделяли Мраморный дворец среди достопримечательностей столицы, но редко описывали его ограду.

Российский экономист А. К. Шторх, представляя в картинах Петербурга Мраморный дворец, построенный Екатериной II для графа Г. Орлова, пишет: «Крылья со стороны двора про-

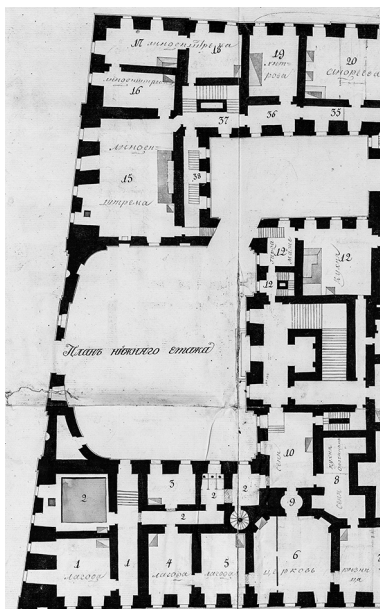
должает протяженная чугунная ограда, частично золоченая, соединяющая дворец и принадлежащий к нему манеж. Дворец расположен так, что, к глубокому сожалению, его главный фасад не обращен к реке, откуда он бы мог выглядеть несравнимо эффектнее. Крылья здания выступают неодинаково и ограничивают маленький двор, отделанный мрамором голубоватых тонов, который не столь ярок, как мог быть при более выгодном расположении этого фасада»².

Кроме металлической ограды, соединяющей здания, А. К. Шторх заметил третью часть — стену, отделанную мрамором и образующую двор у восточного фасада. Эта каменная стена между двух ризалитов показана на плане нижнего этажа 1785 г.³

Представить всё сооружение подробнее позволяют архивные документы и гравированные типовые проекты. В центре стены, облицованной камнем, находилась арка с металлическими въездными воротами. По сторонам арки за коваными решетками с декоративными золочеными деталями располагались два оконных проема. Симметрично с двух сторон размещались две ниши с мраморными аллегорическими статуями⁴.

Вид Мраморного дворца. Современная фотография

План первого этажа Мраморного дворца. 1785 г. РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 284. Л. 88

Каменная стена с воротами существовала до середины XIX в. При реконструкции Мраморного дворца и Служебного дома, осуществленной по проекту А. П. Брюллова, стену разобрали. Следы ее примыкания можно заметить на гранитной кладке цоколя ризалитов с восточной стороны.

Все части ограды Мраморного дворца возводили в 1783–1785 гг. одновременно со Служебным домом. Сведения о подрядчиках, выполнявших работы по камню и металлу, находятся в «Счете о денежной казне, употребленной в 1785 г. на строение по берегу Невы у Почтовой пристани каменного дома»⁵.

Металлические звенья ограды и большие ворота в арке стены, включая золоченые украшения, изготовил бронзового дела мастер Георгий Крауз. 17 февраля 1785 г. ему заплатили «за стоящую промеж Мраморного и служебного дома на набережную сторону железную решетку и при ней ворот с разными бронзовыми украшениями с вызолочением его же червонным золотом... И под делание им на большие ворота бронзовых золоченых цветов <...> и за укрепление их на месте»⁶.

В счетах определена стоимость всех декоративных деталей — кистей под копытами, цветков в кругах с отходящими от них листьями и цветков на створках ворот. Отметим, что работы выполняли частные подрядчики, а не казенные литейные заводы, находящиеся в ведении Кабинета.

Бронзового дела мастер Иоганн Тумм, причастный к изготовлению деталей ограды Летнего сада, получил деньги «под

делание им в окошки, что у ворот въезжих в Мраморный дом на решетки бронзовых золоченых цветов»⁷.

Каменные работы «под установку железных решеток для соединения Мраморного дома со Служебным» производил Шлиссельбургский купец Дмитрий Образцов. «Его людьми из казенного материала устроены фундаменты из дикого камня, цоколь, столбы и пилястры из казенного камня самую чистою тескою вытесаны и на место поставлены с укреплением железными пиронами и связями»⁸.

Работы завершил крестьянин Филипповской деревни города Великого Устюга Дмитрий Быкасов, получивший в ноябре 1785 г. оплату «за заделку решеток между Служебным и Мраморным домом»⁹.

Петр Егоров, служивший «заархитектором» — помощником архитектора, осуществлял наблюдение за всеми работами при строительстве Мраморного дворца, Служебного дома и ограды. Согласно этим счетам он постоянно получал жалование за каждую треть года. В соответствии со своей должностью «заархитектор» был обязан владеть всеми профессиональными сведениями, касающимися архитектурных ордерных пропорций, строительной технологии, изготавливать для подрядчиков необходимые чертежи архитектурных элементов¹⁰.

По окончании строительства, в декабре 1785 г., флигель-адъютант императрицы полковник Ф. Буксгевден подписал П. Егорову аттестат «за знания, прилежность и усердие». В документе сказано, что «заархитектор» Петр Егоров с 1768 г. «по возложенной на него должности имел практическое показание и смотрение за всеми по тому строению производящимися работами, и сверх того по его, господина Егорова, проекту строились принадлежащие к оному дому каменные службы»¹¹. В Служебном доме, предназначенном для проживания служащих, по проектам П. Егорова строили и отделявали помещения, в том числе манеж и конюшни. Ограда в документах не упоминается. Обычно общий проект сооружения, возводящегося на средства Кабинета, представлял собственный архитектор императрицы.

Автор проекта Мраморного дворца А. Ринальди отошел от дел в 1779 г. из-за травмы, полученной в результате падения со строительных лесов Большого театра. До начала строительства

ограды в апреле 1783 г. Екатерина II подписала указ: «уволив архитектора Ринальди в его отечество, из уважения на долготлетнюю к нам службу, повелеваем производить ему пенсии...»¹².

Приближенным архитектором императрицы с 1780 г. являлся Д. Кваренги. Творческую автобиографию зодчий изложил в собственноручном письме, написанном в Петербурге в марте 1785 г. Среди прочих проектов, выполненных по заказу императрицы в Петербурге, архитектор называет: «манеж, конюшни, большая лестница и многие внутренние украшения для дворца покойного г. генерала Ланского, равно как и пристройка к названному дворцу целого здания, и трое больших ворот из мрамора с бронзою на большой площади»¹³.

В нашем исследовании важно создание «трех больших ворот из мрамора с бронзою для дворца генерала Ланского».

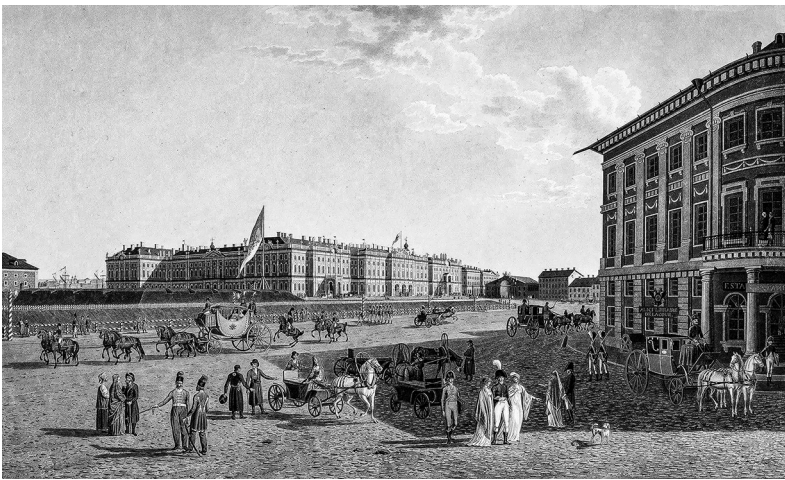
Дом А. Ланского строили в Петербурге перед Зимним дворцом на углу Невского проспекта. Здание, называемое в документах «Каменный дом на углу Миллионной и Луговой», начали возводить с 1780 г. по проекту Ю. М. Фельтена на средства Кабинета. Известно об участии Д. Кваренги в отделке интерьеров дома. Летом 1784 г. из-за неожиданной смерти А. Ланского работы приостановили и даже наборные паркетные по приказу императрицы разобрали, перенесли их в Агатовые комнаты. Позднее, при сооружении Главного штаба, здание перестроили по проекту К. И. Росси. Дом А. Ланского изображен на гравюре Г. Л. Лори и М. Г. Лори «Вид на Дворцовую площадь от начала Невского проспекта»¹⁴ (по оригиналу Б. Патерсена). Дом назывался каменным, потому что его фасад украшал балкон с мраморными перилами и бронзовым орнаментом. На гранитных постаментах у ворот стояли четыре колонны красного мрамора, окна обрамляли наличники серого мрамора.

Одновременно со строительством дома для А. Ланского на средства Кабинета продолжали отделку Мраморного дворца — «Каменного дома на берегу Невы». Надзор за денежной казной при строительстве обоих домов осуществлял флигель-адъютант императрицы, полковник Ф. Ф. Буксгевден, предоставляя императрице «к апробации» проекты и сметы. Екатерина II постоянно лично следила за ходом работ в «Каменных домах». Существует запись в упомянутых счетах: «За переплет

в красный сафьян двух счетов о приходах и расходах денежной казны для поднесения вашему императорскому величеству, по строениям одного против Зимнего дворца к Луговой Миллионной улице Каменного, а другого Мраморного дома, по 6 рублей за каждый»¹⁵.

Д. Кваренги при посредничестве флигель-адъютанта императрицы полковника Ф. Ф. Буксгевдена предоставлял царственной заказчице проекты «многих внутренних украшений» как для дома Ланского, так и для Мраморного дворца, выкупленного в 1783 г. императрицей у наследников Г. Орлова.

Но строительство углового здания на Невском проспекте было завершено. Только у Мраморного дворца могли осуществить «пристройку целого здания, и трое больших ворот из мрамора с бронзою на большой площади». Под большой площадью в письме Д. Кваренги подразумевается Царицын луг. К нему обращены южный и восточный фасады Служебного дома, в котором размещались «каменные службы» — манеж и конюшни, построенные по чертежам П. Егорова. Дворцовая площадь имела это наименование с 1766 г. и так называлась в путеводителях.

Г. Л. Лори и М. Г. Лори по оригиналу Б. Патерсена. Вид на Дворцовую площадь от начала Невского проспекта. 1799. ГЭ

Б. Патерсен по оригиналу И. Г. Майра. Марсово поле с обелиском «Румянцева победам». 1801 (?)

Мраморный дворец, соединенный оградой со Служебным домом, изображен со стороны «большой площади» на картине И. Г. Майра «Марсово поле с обелиском „Румянцева победам“»¹⁶. Трое больших ворот на ней ведут к ступеням Мраморного дворца.

Из трех ворот, упоминаемых в письме Д. Кваренги, сохранились двое, с поврежденным завершением и немногочисленными золочеными деталями. Ограду между Мраморным дворцом и Служебным домом неоднократно реставрировали. Первоначально ограда с южной стороны располагалась в глубине участка, а в XX в. ее перенесли и установили по красной линии Миллионной улицы.

Архитектором, воплощавшим замыслы А. Ринальди и Д. Кваренги при строительстве Мраморного дворца, был П. Егоров. Д. Кваренги создавал множество проектов не только для столицы и окрестностей, но и отдаленных городов. Многочисленные чертежи для осуществления такого проекта, так называемые «собственные прожекты» разрабатывал архитектор, непосредственно осуществлявший строительство.

Перечисляя свои проекты, в том же письме Д. Кваренги упоминает о зданиях в Курске и Иркутске, где зодчий никогда не бывал. Некоторые из этих сооружений сохранились, и их автором считают Д. Кваренги, но имена архитекторов-строителей остаются неизвестными.

Существующая ограда как сооружение малых архитектурных форм обретает имя создателя. Автором проекта был Д. Кваренги. П. Егоров в соответствии с возложенной на него должностью осуществлял практическое руководство ее возведением, архитектурный контроль над работами, принимал от исполнителей изготовленные детали решеток и украшений. Ограда у Мраморного дворца, по свидетельству документов, создана талантом двух зодчих — Д. Кваренги и П. Егорова.

Примечания

¹ Ухналёв А. Н. Мраморный дворец в Санкт-Петербурге. Век восемнадцатый. СПб., 2002. С. 33.

² Storch H. The picture of Petersburg. London, 1801. P. 33–34.

³ РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 284. Л. 88.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 45. Л. 139; Ф. 515. Оп. 2. Д. 493. Л. 149.

⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 1282.

⁶ Там же. Л. 12 об.

⁷ Там же. Л. 81.

⁸ Там же. Л. 22.

⁹ Там же. Л. 50.

¹⁰ Русский архитектурный трактат кодекс XVIII в. // Архитектурный архив СССР. М., 1946. № 1.

¹¹ Кузнецова Э. Ф. Архитектор Петр Егоров. Чебоксары, 2003. С. 174.

¹² РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3898. Л. 145.

¹³ ГМИ СПб. КП 227874. Инв. № ША45; цит. по: Земцов С. М. Материалы для биографии Гваренги // Архитектура СССР. 1934. № 3. С. 65.

¹⁴ ГЭ. ЭРГ-20046.

¹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 1282. Л. 8.

¹⁶ ГРМ. Ж-3150.

**КАМЕННЫХ ДЕЛ ПОДРЯДЧИКИ
НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ИСААКИЕВСКОГО СОБОРА
В 1820–1830-Е ГОДЫ**

В ИМЕННОМ указе Александра I «Об учреждении Комиссии для окончательной перестройки Исаакиевского собора», данном графу Н. Н. Головину 20 февраля 1818 г., говорится: «Предположив произвести окончательную перестройку Исаакиевского собора с приличным оному благолепием и утвердив план таковой перестройки по проекту архитектора Монферанда, Я признаю нужным, главное попечение о совершении оной возложить на особенную Комиссию, составив оную под председательством вашим из членов: тайного советника, министра духовных дел и народного просвещения князя Голицына и генерал-лейтенанта Бетанкура, поручив производство строения означенному архитектору»¹. В Комиссию был препровожден план с описанием и сметой архитектора.

Первые строительные работы начались в 1818 г. С этого времени всеми хозяйственными делами — заключением договоров, приемкой и оплатой работ и другими руководила Комиссия для окончательной перестройки Исаакиевского собора (далее — Комиссия). Председателем первого состава этой Комиссии был член Государственного совета граф Н. Н. Головин, членами — министр духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын и генерал-инженер А. А. Бетанкур. В состав следующих комиссий входили инженеры Л. Карбоньер, Г. Опперман, А. Д. Готман, А. И. Фельдман, президент Академии художеств А. Н. Оленин...

Первыми и наиболее трудоемкими работами при возведении четвертого Исаакиевского собора были работы по заготовке и поставке природного камня — гранита и мрамора из Выборгской, а также мрамора и других пород из Олонецкой губерний.

Контракты на «добывание» камня, поставку каменотесов и другие работы по возведению собора, начиная с 1819 г., заключались с целым рядом купцов и мещан. Самыми крупными подрядчиками, заключавшими контракты с Комиссией, в 1820-е гг.

были петербургские купцы Самсон Суханов (1768–1844?), Архип Шихин (1755–1830) и Иван Жербин (ок. 1778–1840); петрозаводский купец Аммос Герчин (1772–1826?), Санкт-Петербургский купец Василий Яковлев, гжатский купец Сергей Тычинкин и ряд других.

Простых решений при возведении Исаакиевского собора не было, но самым сложным было всё, связанное с гранитными колоннами портиков собора: их заготовка, перевоз, перекатка с пристани к месту строения, установка.

Работы по заготовлению гранитных монолитов для колонн Исаакиевского собора велись на Фридрихсгамских ломках по комиссионерскому договору с Самсоном Сухановым, заключенному 27 января 1819 г., и договорам подряда с Архипом Шихиным, заключенным 7 марта 1819 г., 21 июня 1822 г. и 5 августа 1825 г. Всего для портиков Исаакиевского собора в 1819–1828 гг. было заготовлено 48 колонн: 11 из них — комиссионером Самсоном Сухановым, а 37 — Архипом Шихиным, который постепенно стал главным подрядчиком на выломке гранитных монолитов колонн.

Комиссионерский договор на «добытие» на казенных каменоломнях в Фридрихсгамском уезде 36 гранитных колонн длиной не менее 7 саженьей по эскизу, выполненному Монферраном, был заключен с Самсоном Сухановым 27 января 1819 г. В интересах и за счет Комиссии купец Суханов должен был организовать работу по выломке монолитов для колонн, нанять рабочих-каменотесов, заключить с ними от своего имени договоры, построить суда и перевезти колонны от пристани у места выломки к деревянной пристани на Неве у строения Исаакиевского собора.

Казенная каменоломня, где работы велись под смотрением комиссионера Суханова, находилась в Пютерлаксе (Питерлаксе) Фридрихсгамского уезда на маленьком острове (мысу?) Халнеми в 125 саженьях от берега на склоне холма. Размер ее составлял 12 саженьей в длину и 8 в ширину². В марте 1820 г. Суханов заключил договор с мещанами и крестьянами разных губерний на выломку гранитных колонн на казенных каменоломнях. Контракт был подписан 405 рабочими³.

Кроме комиссионерского соглашения на выломку гранитных монолитов для колонн Исаакиевского собора, с Сухановым был

заключен ряд контрактов. 24 мая 1819 г. Комиссией с ним был заключен договор на поставку к строительству собора каменотесов «для тески гранитного камня в бут» для устройства фундаментов⁴. В 1820 г. с Сухановым было заключено еще два контракта на поставку к строению Исаакиевского собора каменотесов для тески бутового камня⁵.

13 июня 1821 г. с Сухановым заключили контракт на перекатку гранитных колонн от места выгрузки к строению Исаакиевского собора с оплатой — 1000 руб. за колонну. По свидетельству архитектора Монферрана от 15 октября 1821 г., его артелью было «перекочено» 14 гранитных колонн⁶.

Почти одновременно с заключением комиссионерского контракта с Сухановым желание на выломку колонн для портиков Исаакиевского собора изъявил санкт-петербургский мещанин Архип Шихин. Контракт с Шихиным на поставку им с собственных каменоломен своим коштом (содержанием) 12 гранитных колонн длиной 7 сажений каждая был заключен 7 марта 1819 г. Каменоломни Шихина находились в Пютерлаксе Фридрихсгамского уезда неподалеку от казенных, где работами руководил Суханов. За выломанные колонны, грубую их обтеску и погрузку на казенные суда подрядчик просил 15 тыс. руб. за каждую колонну длиной в 7 сажений. За колонну в 8 сажений платить надо было 16 тыс. руб.⁷

К осени 1821 г. Сухановым было добыто и доставлено одиннадцать колонн, на ломках оставались еще две вчерне обработанные. Шихиным к этому времени — десять, из которых семь уже были доставлены⁸.

В сентябре 1821 г. Шихин предложил передать ему подряд на заготовку колонн в полном объеме, аргументируя тем, что может приготовить недостающие колонны «гораздо дешевле комиссионерского заготовления...»⁹ Согласно счетам, предоставляемым в Комиссию комиссионером Сухановым, каждая колонна обходилась казне в 40 тыс. руб.¹⁰, подрядчику же Шихину за одну платили 16 тыс. руб. Передача подряда на выломку колонн Архипу Шихину состоялась в 1822 г.

В предшествующие месяцы Суханов и Шихин выполнили два общих контракта: на поставку каменотесов для тески и полировки колонн, поступивших к строению Исаакиевского собора

после грубой обработки¹¹, и поставку 20 гранитных баз грубой тески под колонны (по десять штук от каждого)¹².

21 июня 1822 г. Комиссия о перестройке Исаакиевского собора заключила контракт «на выломку недостающего числа гранитных колонн» длиной 7 сажений и 2 аршина, диаметром «по данным мерам»¹³ с купцом Архипом Шихиным, который стал основным подрядчиком по выломке колонн портиков Исаакиевского собора и оставался им до своей смерти в 1830 г. Работы у подрядчика Шихина шли хорошо, слой был достаточен, расчеты производились регулярно, запрашиваемые деньги отпускались¹⁴.

В начале апреля 1825 г. был утвержден новый проект Монферрана, выполненный с учетом замечаний архитектора А. Модюи, служащего в Комитете для строений и гидравлических работ. Тогда же были объявлены торги на поставку дополнительных 12 гранитных колонн для портиков собора, на которых Архип Шихин объявил цены в 20 тыс. руб. за каждую¹⁵. 5 августа 1825 г. с подрядчиком А. Е. Шихиным был заключен третий контракт, согласно которому он обязался добыть на собственных ломках, грубо обтесать и выкатить к пристани 12 гранитных колонн¹⁶. Всего на основании трех контрактов Шихиным было добыто 37 колонн: по контракту 1819 г. — 12, 1822 г. — 13, 1825 г. — 12¹⁷.

Перевозкой колонн от места выломки к строению Исаакиевского собора занимался коммерции советник купец И. Ф. Жербин, заключивший контракт с Комиссией 13 ноября 1819 г. Согласно контракту, он обязался на свои средства построить четыре «мореходных судна» и в течение трех лет перевезти 36 гранитных колонн длиной от 21 до 24 аршин с оплатой по 8 тыс. руб. за каждую, выломанных по распоряжению комиссии во Фридрихгамском уезде комиссионером купцом Сухановым и подрядчиком мещанином Шихиным¹⁸.

Купеческий сын Василий Яковлев был подрядчиком при установке колонн портиков Исаакиевского собора. Первая колонна высотой 17 метров и весом около 114 тонн была установлена на северном портике в присутствии царской семьи и гостей 20 марта 1828 г. В основе способа, который усовершенствовал Монферран, лежали разработки А. А. Бетанкура, скончавшегося в 1824 г.¹⁹

Кроме вышеперечисленных крупных, Комиссией было заключено еще множество более мелких подрядов. 17 декабря 1819 г. был заключен контракт с Санкт-Петербургским купеческим сыном Семеном Тычинкиным и петрозаводским купцом Аммосом Герчиным на поставку «каменотесцев» и кузнецов для производства работ в Рускеальских мраморных ломках²⁰.

13 мая 1823 г. купец 2-й гильдии Аммос Герчин заключил контракт на перевозку мрамора, выломанного на Рускеальских ломках, от пристани у деревни Гелюли в Санкт-Петербург. Перевозку он обязался произвести в течение лета на своих судах и выгрузить мрамор на пристани у Исаакиевского собора²¹.

Контракты на поставку каменотесов для обработки колонн заключались в 1826–1827 гг. также с купцами Молчановым и Чупятовым. В январе 1827 г. такой же договор был заключен с купцом А. Е. Шихиным²².

25 мая 1827 г. Санкт-Петербургский купец Архип Шихин и гжатский купец Сергей Молчанов заключили контракт на установку 48 гранитных баз колонн с оплатой — 1000 руб. за каждую. В июне с ними был заключен контракт на поставку каменотесов для обтески 48 баз колонн²³.

17 мая 1829 г. заключили контракт с Санкт-Петербургским 3-й гильдии купцом В. М. Столяровым на перекатку четырех колонн, доставленных с ломки купца Шихина²⁴.

9 июля 1830 г. гвардии поручик А. И. Богданов обязался поставить к строению 102 камня сердобольского гранита для ступеней двух малых лестниц по бокам дверей²⁵.

Контракт на сломку полуциркульных выступов «прежней церкви» в 1821 г. был заключен с Самсоном Сухановым, Иваном Кореляковым, Тимофеем Афониным²⁶.

11 января 1828 г. Комиссия заключила контракт с Петербургским купцом 2-й гильдии Ф. И. Подсдорфом на поставку каменотесов на теску и полировку колонн портиков²⁷.

Еще несколько подрядов было заключено с Василием Яковлевым. 26 января 1835 г. — контракт на обтеску верхней части установленных колонн портиков, «полу и четверть капителей». Он обязался обтесать у 46 колонн часть, начинающуюся выше астрагала (сочленение ствола колонны с капителью)²⁸.

В июне 1835 г. архитектор Монферран освидетельствовал на ломках в Пютерлаксе колонны для купола Исаакиевского собора, приготовленные подрядчиком Василием Яковлевым²⁹, который был подрядчиком и при их установке в 1837–1838 гг. Василием Яковлевым был выполнен в 1831–1832 гг. и подряд на обработку и установку мраморных наличников дверей, окон, пилястр снаружи собора и косяков внутри³⁰.

Приведенный здесь далеко не полный ряд имен дает представление о количестве подрядчиков, разнообразии и объеме каменных работ при возведении Исаакиевского собора в 1820–1830-е гг.

Примечания

¹ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXXV. 1818 г. СПб., 1830. № 27285.

² Монферран О. Р. де. Сведение о добывании 36-ти гранитных колонн, назначенных для портиков Исаакиевского собора в Санктпетербурге. СПб., 1820.

³ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 44 (О добытии гранитных колонн по условиям, заключенным с купцом Сухановым). Л. 1–5, 7–8, 18.

⁴ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 42. 1819 г. (О найме каменотесов для обтески гранита по условиям, заключенным с купцом Сухановым). Л. 3, 15.

⁵ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 94. 1820 г. (Дело Комиссии о постройке Исаакиевского собора. О поставке каменотесов купцом Сухановым). Л. 2–6, 26, 29.

⁶ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 132. 1821 г. (О перекатке колонн по условию, заключенному с Сухановым и о перерубке на дрова поврежденных при сем бревен). Л. 5, 12, 13.

⁷ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 45 (О добытии 12 гранитных колонн с купцом Шихиным. 1819 г.). Л. 1, 23, 27, 39.

⁸ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 152. 1821 г. (О поставке гранитных колонн купцом Шихиным). Л. 15.

⁹ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 45. Л. 55.

¹⁰ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 152. 1821 г. Л. 17, 28.

¹¹ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 115. 1821 г. (О поставке каменотесов для тески колонн на условиях по условиям, заключенным с подрядчиками Сухановым и Шихиным). Л. 26, 28.

¹² РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 145. 1821 г. (О поставке 20 гранитных баз по контракту, заключенному с Сухановым и Шихиным). Л. 2, 5, 8, 26, 30, 38.

- ¹³ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 152. 1821 г. Л. 4, 5, 16, 37.
- ¹⁴ Там же. Л. 66, 95, 112, 155.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 252. 1825 г. (О поставке прибавочных по последнему проекту 12 колонн). Л. 14.
- ¹⁶ Там же. Л. 28.
- ¹⁷ Там же. Л. 51.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 46-б. 1819 г. (О перевозке 36 гранитных колонн от места выломки в Санкт-Петербург по условиям, заключенным с коммерции советником Жербиным). Л. 11, 19, 26–30, 67, 76, 86, 97.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 446. Ч. 1 (О поднятии колонн. 1828). Л. 6–9, 14, 19, 30, 35, 37, 41, 70.
- ²⁰ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 49. 1819 г. (О поставке на ломке каменотесов и кузнецов по условиям, заключенным с Герчиным и Тычинкиным). Л. 5, 15–17, 20.
- ²¹ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 203. 1823 г. (О перевозке мрамора водою в СПб. по контракту с купцом Герчиным).
- ²² РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 354. 1826 г. (О теске и полировке гранитных колонн).
- ²³ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 374 (Об обтеске 48 гранитных баз, по поставке каменотесов. 1827 г.). Л. 29, 67.
- ²⁴ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 530. 1829 г. (О перекатке колонн от пристани к строению). Л. 2, 5, 16, 29.
- ²⁵ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 616. 1830 г. (О покупке сердобольского гранита для ступеней). Л. 4, 25.
- ²⁶ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 124 (О сломке полуциркульных выступов церкви по условию, заключенному с Сухановым, Кореляковым и Афониним. 1821 г.).
- ²⁷ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 444-1. 1828 г. (О поставке каменотесов для обделки колонн для портика к Синему мосту). Л. 31, 33, 39.
- ²⁸ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 891. 1835 г. (Об обтеске верхней части колонн и пилястр). Л. 5, 49.
- ²⁹ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 897. 1835 г. (О свидетельствовании работ на каменоломнях подрядчика Яковлева).
- ³⁰ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 692. 1831 г. (О производстве купцом Яковлевым мраморных работ при построении собора). Л. 11.

ДОМ БЕРДОВ. К ВОПРОСУ О СОХРАННОСТИ

ТРИ поколения промышленников Бердов около века трудились на благо России (1786–1881). Прошло уже больше 135 лет с того времени как последний представитель династии покинул пределы страны. Однако в Санкт-Петербурге, Москве и других городах осталась зримая и незримая память об этих выдающихся людях.

Основатель династии Чарльз (известный в России с 1786 как Карл Николаевич) Берд (1766–1843) — шотландец по национальности, российский подданный (с 1811), механик, литейщик, инженер, основатель литейно-механического завода в Санкт-Петербурге (1792), строитель первых паровых машин в России, изобретатель и создатель первого отечественного парохода (1815), один из выдающихся российских предпринимателей первой половины XIX в.

Свыше двух столетий на вопрос: «Как дела?» иной раз отвечают: «Как у Берта на заводе. Только труба пониже, да дым пожиже!»¹. У Карла Николаевича Берда заказов было хоть отбавляй, и завод работал на полную мощность, поэтому некоторые заводчики смотрели с завистью на высокую трубу его предприятия, из которой валил густой дым.

Память о выдающемся инженере-литейщике, заводчике К. Н. Берде сохранилась не только в знаменитой поговорке, но и в названии небольшого пешеходного моста, перекинутого через реку Пряжку в створе Мясной улицы, ведущей на Матисов остров, — «Бердов мост». А. С. Грибоедов, находившийся в столице в день наводнения 7 ноября 1824 г., в заметках «Частные случаи петербургского наводнения» писал: «На другой день поутру я пошел осматривать следствия стихийного разрушения... и вдоль Пряжки с ее изрытой набережной дошел до другого моста, который накануне отправило вдоль по Офицерской. Бертов мост тоже исчез...»². Таким образом, мост носил имя основателя завода уже в 1824 г.³, а не с 1846⁴ или (по другой

версии) с 1849 года⁵. После того наводнения мост был восстановлен⁶, затем неоднократно перестраивался, но сохранил свое название до наших дней.

Память о К. Н. Берде сохраняется также и в архитектурно-художественном облике Санкт-Петербурга, в его замечательных ансамблях, мостах и решетках. Оставил К. Н. Берд автограф и на цапфах отлитого им по проекту А. П. Брюллова лафета Царь-пушки Московского Кремля: «Берд / 1835»⁷.

Память о сыне Карла Николаевича — Франце (1802–1864) живет в Благовещенском мосте (1843–1850)⁸ и памятнике Дмитрию Донскому (1850) на Куликовом поле⁹.

Напоминанием о Джордже Францевиче Берде (1842–?) служило название переулка «Бертовский» (до 1953) вблизи построенного им в 1877 г. сталелитейного и сталерельсового заводов на Шлиссельбургском тракте в селе Александровском¹⁰.

Дошло до нас и семейное захоронение Бердов на Смоленском лютеранском кладбище Санкт-Петербурга.

Фамилия знаменитых питерских инженеров и предпринимателей сохранялась также в названиях принадлежавших им заводов даже тогда, когда семья Бердов, продав предприятия, уехала в Англию. Это свидетельствовало о высоком уважении и признании заслуг трех поколений заводчиков Бердов, имя которых было гарантом высокого качества и вкуса или, как говорят сегодня, брендом.

Современное судостроительное предприятие ОАО «Адмиралтейские верфи» занимает Ново-Адмиралтейский и Галерный острова, а также часть Матисова острова, на котором с 1792 г. находилась часть завода К. Н. Берда. Одной из исторических построек на территории предприятия является дом Бердов — памятник архитектуры и истории отечественного судостроения¹¹.

Этот дом был выстроен в конце XVIII в. В первые десятилетия XIX в. здесь, на Корабельной набережной Большой Невы, при К. Н. Берде он был двухэтажным, на 11 осей, с центральным ризалитом и высокой кровлей. На втором этаже под средним из трех окон ризалита располагался балкон, а под ним размещался въезд во двор, оформленный полуциркульной аркой с замковым камнем. Дом К. Н. Берда можно видеть на литографии

П. А. Александрова 1823 г. «Поездка в Кронштадт на пироскафе» и на одноименной гравюре из альбома А. А. Плюшара 1824 г.

Вскоре на втором этаже главного фасада появились еще два окна, фланкирующие центральное. Эти изменения можно видеть на гравюре «Le Port Pyroscaphes pour Cronstadt» из альбома А. А. Плюшара 1826 г.

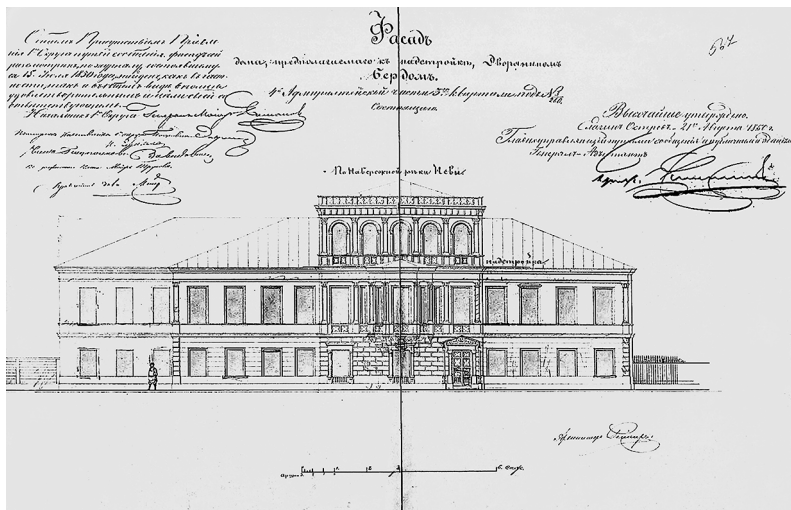
В 1830-х гг. К. Н. Берд произвел реконструкцию фасада. Центральная арка была заложена, вместо балкона выстроен эркер. Вход расположили в центральном ризалите справа, на месте окна, и накрыли металлическим козырьком.

28 ноября 1843 г. К. Н. Берд скончался. Известен его скульптурный портрет в виде чугунного бюста. Вероятнее всего, бюст был выполнен по заказу сына Карла, Франца Карловича Берда, на унаследованном им заводе по посмертной маске отца и вскоре после его кончины¹². Находился бюст, скорее всего, в конторе Ф. К. Берда — тогда в его уже собственном доме на первом этаже¹³.

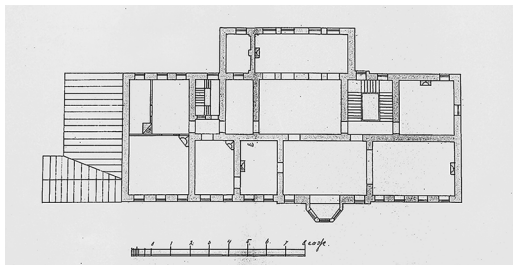
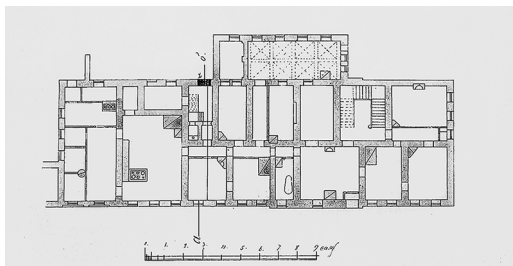
Фотографический негатив бюста был передан мне в 1993 г. техническим директором АООТ «Фольгопрокатный завод»¹⁴ А. П. Хрычёвым¹⁵. О том, что это бюст К. Н. Берда, красноречиво говорит отлитая двужычная надпись на переднем торце

Дом Берда. Фотография Н. А. Карпова, 2014 г.

К. И. Реймерс. Утвержденный проект перестройки дома Бердов (надстройка мезонина). 1850

Дом Бердов. Планы первого и второго этажей. После 1850 г.

его основания: «С. Baird / К. Берд». Впервые фотография бюста была опубликована в 2015 г.¹⁶

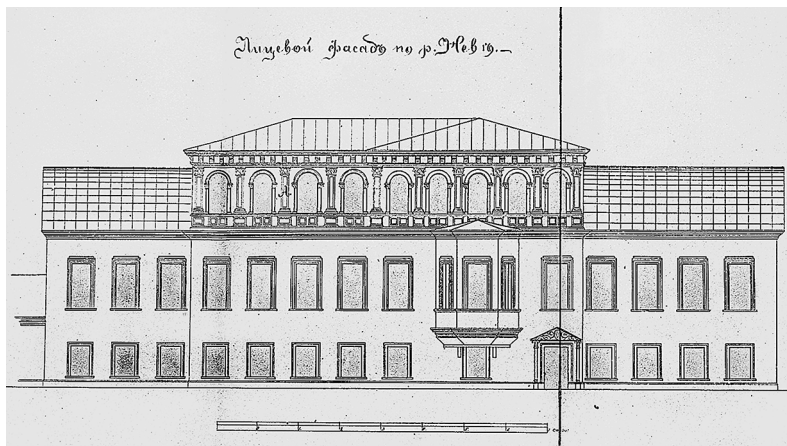
Следующие переделки дома выполнены уже в 1850 г. Ф. К. Бердом, который решил надстроить дом каменным мезонином с пятью полуциркульными окнами и пристроить со стороны двора оранжерею. На «генеральном плане чугуно-литейного завода со всеми жилыми и нежилыми строениями» под литерой «Х» красным контуром выделена надстройка каменного мезонина, а под литерой «У» заливкой красного цвета — пристройка оранжереи¹⁷.

Проект фасада дома Ф. К. Берда был выполнен архитектором К. И. Реймерсом¹⁸. Согласно журналу Общего присутствия правления 1-го округа путей сообщения от 15 июля 1850 г., фасад был рассмотрен и найден «как в частности, так и в общем виде вполне удовлетворительным и цели своей соответствующим», а 21 августа 1850 г. проект фасада дома был утвержден императором Николаем I¹⁹. Чертежи — поперечный разрез дома, план 1-го этажа, план 2-го этажа — не подписаны, но скорее всего, выполнены архитектором К. И. Реймерсом в 1850 г.²⁰

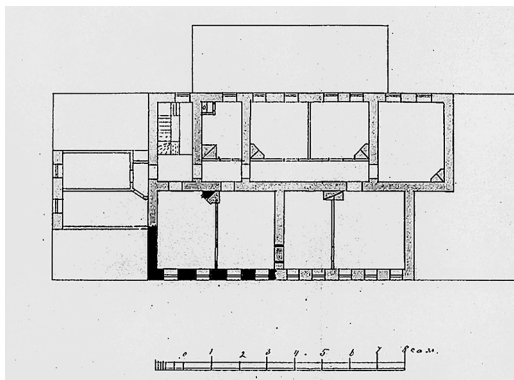
Последующее расширение дома Бердов шло за счет мезонина. На архивном неподписанном чертеже лицевого фасада по Неве под литерой «А» обозначено и выделено красным цветом расширение мезонина на четыре оси²¹. Таким образом, создавались еще две комнаты, что видно на выполненном архитектором А. И. Рейнбольдтом плане мезонина²². На чертеже со стороны двора, сделанном архитектором Реймерсом, видно, что окна мезонина не расположены равномерно вдоль фасада, а сгруппированы так, как этого требует планировка комнат²³.

Таким дом Бердов дошел до нашего времени, к сожалению, частично утратив отделку интерьеров. Деревья, с любовью посаженные несколько десятилетий назад, перед домом разрослись так, что полностью закрыли фасад. Устроенные на первом этаже дома общественные туалеты уничтожили его историческую планировку и интерьер конторы завода Ф. К. Берда.

В 2015 г. сотрудники КГИОП подготовили задание на комплексную научную реставрацию дома Бердов, а проект получили в 2016 г. на реконструкцию под заводские нужды «Адмиралтейских верфей» (проект Ивана Дзержинского). Реконструкция

Проект перестройки дома Берда (расширение мезонина и пристройки оранжереи). Западный (лицевой) фасад. После 1850 г.

А. И. Рейнбольт.
Дом Бердов.
План мезонина.
После 1850 г.

предполагала прорыв пространства парадной лестницы в мезонин и уничтожение ведущей туда отдельной лестницы и, соответственно, планировочной структуры дома, что, безусловно, недопустимо.

Недалеко от дома Бердов сохранились облицованные гранитом устои чугунного арочного моста, переброшенного в начале XIX в. через Сальнобуянский канал (современное русло реки Пряжки) при выходе его к Неве. Мост назывался Сальнобуян-

ским, он соединял Матисов остров и Сальный буян по бывшей Корабельной набережной, имел пролет 25,6 м (по другому источнику более 30 м²⁴) и ширину около 4,4 м. Выполненный заводом К. Н. Берда мост был перекрыт ажурной ребристой (в 4 ребра) аркой, отлитой из чугуна²⁵, и имел художественные чугунные перила.

Металлические мосты впервые появились в 1780-х гг. в парках Царского Села, а в столице — в начале следующего десятилетия в Таврическом саду. «Пионерами металлического (чугунного) мостостроения стали замечательный архитектор-градостроитель В. И. Гесте и талантливый инженер К. Н. Берд, — писал Ю. В. Новиков. — Первый в Санкт-Петербурге мост на чугунных ребристых арках по проекту К. Н. Берда был перекинут в 1806 году через Сальнобуянский канал»²⁶.

Известный мостостроитель и педагог Л. Ф. Николаи в 1898 г. сообщал: «Чугунный арочный мост на Сальном Буяне, состоящий из отдельных сквозных косяков... был, вероятно, первый чугунный мост в Петербурге, составленный не из полых ящиков, а из отдельных ребер; вторым мостом, где применен этот тип, следует считать Николаевский мост»²⁷.

В 1983 г. историк мостостроения А. Л. Пунин утверждал: «Автор проекта не установлен, но не исключено, что в проектировании принимал участие и владелец завода инженер Чарльз Берд, под руководством которого отливались арки моста»²⁸, а в 2002 г. Б. И. Антонов уже подытожил: «Мост построен по проекту инженера Чарльза Берда в 1805–1806 годах»²⁹.

Проектные чертежи Сальнобуянского моста хранятся в РГИА. На четырех листах изображены пять вариантов фасадов моста на каменных столбах пролетом 84 фута (25,6 м) при устье вновь предположенного канала, соединяющего реку Пряжку с Невой³⁰.

Первые два листа подписные, были выполнены надворным советником Павлом Боттомом. На одном листе представлены два варианта фасада моста на каменных опорах, облицованных гранитом, отличающихся друг от друга рисунками перильных решеток и ребер арки. В варианте № 2 ребро арки имеет более сложный рисунок. На другом листе вариант № 3 представлен фасадом моста с каменными опорами, выдвинутыми в русло

канала, более пологой аркой и со значительно усложненным рисунком непрерывной решетки перил и ребер арки.

Третий и четвертый листы — это варианты № 4 и № 5. Они, по всей вероятности, стали итогом обсуждения архитектором предыдущих трех вариантов с заводом-изготовителем в лице К. Н. Берда. Здесь мы можем предположить влияние заводчика, инженера-литейщика К. Н. Берда на процесс проектирования моста. В этих вариантах мы видим, как П. Боттом под влиянием заказчика ищет художественное решение, соответствующее строгой заводской обстановке.

В варианте № 4 Боттом уменьшает вынос каменных опор, облицовывая их гранитом рваной фактуры, упрощает рисунки решеток перил и ребер арки, проектируя перила моста, состоящие из пяти протяженных секций, разделенных чугунными столбиками, и завершая их каменными. Рисунок ребер арки состоит уже из простых геометрических элементов.

Наконец, в варианте № 5 Боттом находит окончательное художественное решение металлической архитектуре моста. Он проектирует восьмисекционные перила с менее плотным рисунком, разделенные и оканчивающиеся чугунными столбиками. Рисунок ребер арки предельно прост — это набор уменьшающихся колец, стремящихся друг к другу, низ арки заполнен двумя рядами прямоугольников в одиннадцать секций по шесть в каждом. Всё просто, строго и красиво. Каменные устои моста, несколько вдающиеся в русло канала, Боттом предлагает облицевать гранитом.

Отсутствие на последних двух чертежах авторской подписи свидетельствует, по всей видимости, о том, что Боттом, руководствуясь советами инженера-литейщика и исполнителя его проекта — заводчика К. Н. Берда, не мог поставить на чертежах только свой автограф, ибо эти решения были плодом их совместного творчества. Поэтому эти варианты моста под № 4 и № 5 можно атрибутировать так: П. Боттом (при участии К. Н. Берда).

К сожалению, среди рассмотренных проектов Сальнобуянского моста нет отчетного, показывающего, каким был мост на самом деле, но здесь на помощь приходят гравюры и литографии с изображением этого моста и сохранившаяся до наших дней модель моста.

На литографии П. А. Александрова «Поездка в Кронштадт на пироскафе» 1823 г. и гравюре «Le Port Pyroscaphes pour Cronstadt» из альбома А. А. Плюшара 1826 г. мы видим арочный четырехреберный мост на каменных устоях, облицованных гранитом с 15-секционными перилами, охватывающими арку и устои моста и имеющими рисунок, очень близкий к варианту № 5, однако устои выполнены близкими к варианту № 3.

Модель Сальнобуянского моста была включена под № 74 в каталог музея Института корпуса инженеров путей сообщения как «Модель чугунного моста на Сальном буяне в Санкт-Петербурге». Масштаб модели — «в 1/16 долю настоящей величины», длина 7 футов, ширина 2 фута, высота 2 фута³¹.

Сегодня эта модель экспонируется на постоянно действующей выставке филиала Центрального музея железнодорожного транспорта Российской Федерации «Музей мостов»³².

Чудом сохранившиеся, обросшие деревьями береговые устои Сальнобуянского моста, несомненно, являются памятниками отечественного мостостроения и требуют незамедлительного принятия на учет КГИОП и последующей заботы. Их хорошее состояние вселяет надежду на воссоздание и всего уникального сооружения — первого в Санкт-Петербурге чугунного моста на ребристых арках, в проектировании и изготовлении конструкций которого К. Н. Берд принимал непосредственное участие.

В 1997 г. на фасаде административного здания по улице А. Блока, 5, была установлена мемориальная доска К. Н. Берду (автор проекта В. А. Черненко, художник В. Н. Васильев, скульптор Г. В. Змитрович)³³.

В предисловии научного редактора в книге «Первый пароход в России — пароход Берда», доктор технических наук В. Е. Павлов писал: «...еще раз по материалам автора убеждаемся в необходимости сохранять память о выдающихся российских деятелях, распространять среди жителей России сведения о тех, кто, заботясь о славе нашего государства, заслужил добрую и вечную память»³⁴.

Поэтому нужно сохранить для потомков чудом дошедший до нас удивительный уголок России с домиком Бердов и бердовским мостиком через р. Пряжку (бывший Сальнобуянский канал). Здесь в недалеком будущем может появиться

мемориальный дом-музей династии этих замечательных людей, памятник ее основателю или памятник первому пароходу, ушедшему 204 года тому назад от этого домика в Кронштадт, открыв эру российского пароходства.

Представленные в статье архивные чертежи позволят реставраторам будущего воссоздать то, что может быть утрачено...

Примечания

¹ Металлурги с Матисова острова. Краткий очерк истории Ленинградского завода по обработке цветных металлов. Л., 1967. С. 7.

² Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Пг., 1917. Т. 3. С. 108.

³ Горбагевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? СПб., 1998. С. 308.

⁴ Антонов Б. И. Мосты Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 148.

⁵ Богданов Г. И. Мосты и Петербург. СПб., 2007. С. 226.

⁶ Мосты и набережные Ленинграда / авт. Ю. В. Новиков, сост. П. П. Степнов. Л., 1991. С. 309–310.

⁷ Черненко В. А. Первый пароход в России — пароход Берда. СПб., 2015. С. 165–167.

⁸ Черненко В. А. Благовещенский мост — первый постоянный мост через Неву: история проектирования, строительства и реконструкций. СПб., 2013.

⁹ Черненко В. А. Первый пароход в России — пароход Берда. С. 201–212.

¹⁰ Там же. С. 214–224.

¹¹ Памятники промышленной архитектуры Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 28.

¹² В этом предположении меня поддержали сотрудники Государственного Русского музея. Они же сообщили, что скульптурный портрет К. Н. Берда им неизвестен.

¹³ ЦГАКФФД СПб. Ж 767. Сотрудники «Общества Франко-Русский завод (бывший Берда)» в конторе дома Бердов. Фотография начала XX века. — На заднем плане на пилонах, примыкающих к стене, расположены бюсты (предположительно К. Н. и Ф. К. Бердов).

¹⁴ АООТ «Фольгопрокатный завод» — правопреемник бывшего завода Берда.

¹⁵ Личный архив автора.

¹⁶ Черненко В. А. Первый пароход в России — пароход Берда. С. 227.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3682. Л. 562, 563.

¹⁸ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: справочник / под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 262.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 3682. Л. 566, 567.

²⁰ Там же. Л. 572; 184, 185; 186, 187.

²¹ Там же. Л. 180, 181, 182.

²² Там же. Л. 188, 189.

²³ Там же. Л. 571.

²⁴ Антонов Б. И. Мосты Санкт-Петербурга. С. 179.

²⁵ Пунин А. Л. Архитектура отечественных мостов. Л., 1982. С. 10.

²⁶ Мосты и набережные Ленинграда. С. 15.

²⁷ Николаи Л. Ф. Краткие исторические данные о развитии мостового дела в России. СПб., 1898. С. 78.

²⁸ Пунин А. Л. Архитектура отечественных мостов. С. 10.

²⁹ Антонов Б. И. Мосты Санкт-Петербурга. С. 180.

³⁰ РГИА. Ф. 1487. Оп. 44. Д. 446 (Фасад моста на каменных столбах с чугунной аркой при устье проектируемого канала, соединяющего р. Пряжку с Невой. [Б/г]). Л. 1–4.

³¹ Соколов Н. [М]. Описание моделей музеума института Корпуса инженеров путей сообщения. СПб., 1862. С. 66.

³² «Музей мостов» в Санкт-Петербурге открылся осенью 2019 г. по адресу: Мучной пер., 2.

³³ Черненко В. А. Первый пароход в России — пароход Берда. С. 258–281.

³⁴ Там же. С. 4.

ГЕРБЫ НА ИСТОРИЧЕСКИХ ЗДАНИЯХ ПЕТЕРБУРГА

ГЕРБЫ получили широкое распространение в России благодаря реформам Петра I. Дворянские гербы появляются в XVII в. и активно составляются в XVIII в.¹

Развитием геральдического искусства занимался один из сподвижников царя Яков Вилимович Брюс, который рекомендовал на должность составителя гербов Ф. Санти².

22 октября 1722 г. была создана Герольдмейстерская контора. Первым герольдмейстером назначили Степана Андреевича Кольчева, Франциск Санти стал его помощником. Последний же был автором гербов некоторых дворянских родов и многих городов России, в том числе Санкт-Петербурга³.

Герботворчество, начатое при Петре I, продолжалось до начала XX в. Наряду с гербами древних родов создавались и новые, иногда совсем неожиданные. Так, например, в 1768 г. Екатерина II привила себе оспу от больного младенца Александра Маркова. После благополучного исхода прививки последнему пожаловали потомственное дворянство с гербом и новой фамилией — Оспенный⁴.

Герб — символ происхождения рода, его доблести, трудов, знатности, успеха. Гербы утвердились не только в указах, грамотах, книгах, их стали активно использовать в архитектурном декоре.

Над парадным входом дворца Шереметевых, перестроенного архитектором С. И. Чевакинским в середине XVIII в. (наб. р. Фонтанки, 34), эффектно выделяется герб владельцев. В первой половине XIX в. по проекту И. Д. Корсини сооружена чугунная ограда. Над ее воротами также помещен герб. Третий герб находится над воротами кухонного флигеля, построенного Н. Л. Бенуа в 1867 г.⁵

В середине XVIII в. появляются дворцы Строгановых, М. И. Воронцова, К. Г. Разумовского, особняк П. Н. Трубецкого. Фронтоны этих зданий украшаются гербами владельцев⁶.

Со времени вступления Екатерины II на престол барокко уступает место классицизму, характеризующемуся введением строгих ордерных форм. В этот период творили выдающиеся зодчие А. Ф. Кокоринов, Ж. Б. Валлен-Деламот, Д. Кваренги, В. Бренна, А. Н. Воронихин, А. А. Михайлов 2-й, К. И. Росси, О. Монферран и др.

Особняк Салтыковых (Дворцовая наб., 4), возведенный в конце 1780-х гг. по проекту Д. Кваренги, является образцом стиля строгого классицизма. Герб владельцев помещен в полуциркулярной нише на втором этаже здания над балконной дверью⁷.

Особый интерес представляет оформление церкви во имя Святой Екатерины в особняке В. П. Кочубея (наб. р. Фонтанки, 16), перестроенного О. Монферраном в начале XIX столетия. При реставрации здания под слоями старой краски было обнаружено большое овальное панно с изображением герба Российской империи. В России, в отличие от Европы, гербы в храмах не размещались. Объяснить такое оформление можно тем, что здание в то время принадлежало III отделению⁸.

Еще один герб можно увидеть на доме Я. А. Потемкина (Английская наб., 52), перестроенном в начале XIX в. К 1842 г. здание принадлежало полковнику П. А. Струкову, поэтому во фронтоне — лепной герб владельца⁹.

В 1822–1823 гг. по проекту М. А. Овсянникова был перестроен дом Петрово-Соловово, ныне Дом актера (Невский пр., 86). Здание имело несколько владельцев, в том числе князей Юсуповых. Их герб сохранился в десюдепортах входных дверей Банкетного зала, а также на парадной лестнице¹⁰.

Усадебный дом Орловых-Денисовых (Коломяги, Главная ул., 32) сооружен архитектором А. М. Горностаевым в 1839–1841 гг. Лепной герб помещен на одной стене Танцевального зала, а на противоположной — уже видоизмененный¹¹.

К числу сохранившихся гербов в интерьере относится и дом О. Монферрана (наб. р. Мойки, 86), перестроенный в первой половине XIX в. в стиле позднего классицизма. При новом владельце, В. И. Мятлеве, на стене парадной лестницы помещен его герб, который с двух сторон поддерживают путти¹².

В 1830–1890-е гг. наступает эпоха историзма, или эклектики. Зодчие этого периода свободны в выборе или соединении

приемов и мотивов любых исторических стилей. К этому периоду относится особняк Бяратинских (ул. Чайковского, 46–48), построенный в 1837 г. по проекту Е. И. Диммерта. В 1901 г. здание принадлежало великой княгине Ольге Александровне, супруге герцога П. А. Ольденбургского. Поэтому в тимпане фронтона изображен фамильный герб принца¹³.

В этот же период архитектор Л. Бонштедт возвел дворец для княгини З. И. Юсуповой, урожденной Нарышкиной (Литейный пр., 42) в стиле необарокко. Центральную часть главного фасада венчает скульптурная композиция: две полулежащие женские фигуры поддерживают сдвоенный герб Юсуповых и Нарышкиных¹⁴.

Особняк А. Д. Шереметева (Шпалерная ул., 18), перестроенный в конце 1880-х гг. А. И. фон Гогеном и Д. Д. Зайцевым, интересен отделкой интерьеров. Напротив входа — встроенное в мраморной раме зеркало украшает навершие с гербом Шереметевых. В мраморном ограждении парадной лестницы в лапах грифонов помещен картуш с монограммой владельца особняка¹⁵.

Необычен по архитектурному оформлению Дом Санкт-Петербургского ремесленного общества (Большая Московская ул., 1; Загородный пр., 2), построенный в 1858–1859 гг. по проекту архитектора А. И. Ланге в стиле эклектика. Центральная часть здания, выходящая на Владимирскую площадь, выделена небольшим ризалитом и увенчана аттиком с гербом Санкт-Петербурга. На замковых камнях здания размещены цеховые знаки различных ремесел: тележных, каменных, печных, кузнечных, портняжных и других¹⁶.

Дом А. А. Закревского (Исаакиевская пл., 5), возведенный в 1843–1847 гг. по проекту Г. А. Боссе, через 23 года приобрел граф П. А. Зубов. По его заказу архитектор К. К. Шульц перестроил фасад здания. На центральном аттике был помещен герб Зубовых, утраченный в советские годы. При реставрации памятника герб воссоздали¹⁷.

В 1886 г. бывший особняк А. Задлера (наб. Кутузова, 18) приобрел С. В. Орлов-Давыдов. На центральной оси ризалита над окном третьего этажа — фигуры путти, опирающиеся на картуш с гербовым полем, на котором изображена монограмма

в виде букв «О» и «Д». Центр ризалита увенчан скульптурным гербом Орловых-Давыдовых в окружении грифонов¹⁸.

Бывший особняк Б. Б. Гейденрейха (ул. Чайковского, 32), возведенный в 1862 г. в стиле неоренессанс по проекту Б. Б. Гейденрейха и А. В. Петцольда, приобрел генерал-майор М. Н. Раевский. Тогда над окнами боковых ризалитов появились гербы владельца¹⁹.

Особый интерес представляют интерьеры дома Ф. И. Паскевич-Эриванского (Английская наб., 8). В 1856–1857 гг. существовавший ранее дом перестроили А. Х. Пель и Р. А. Гедике. Родовой герб можно увидеть на потолке Дубовой столовой и в Готическом зале²⁰.

В 1836 г. М. Маркевич приобретает дом на Английской набережной, 12. С 1990 г. здесь проживает генконсул Нидерландов, поэтому в аттике установлен герб этой страны²¹.

Здание женской гимназии кн. Оболенской (Басков пер., 8) построено в 1899–1900 гг. по проекту гражданского инженера Г. В. Барановского. После смерти первой создательницы гимназии наследницей становится ее дочь Мария Андреевна, в замужестве Мещерская, поэтому над окном третьего этажа помещен лепной декор с княжеским гербом²².

В 1858–1860 гг. А. К. Кольман возвел особняк А. Ф. Кельха (ул. Чайковского, 28). В начале XIX в. К. К. Шмидт пристраивает здесь флигель, в котором Готическую столовую украшает грандиозный камин с изображением герба Кельхов²³.

Нетипичным для храмового зодчества является собор Воскресения Христова (Спас на Крови; наб. кан. Грибоедова, 2а), возведенный в 1883–1907 гг. по проекту А. А. Парланда в неорусском стиле. На колокольне храма помещены мозаичные гербы (всего их 128) городов и губерний Российской империи, выполненных мозаичистами Фроловыми²⁴.

В начале XX в. начинается непродолжительный период господства неоклассицизма, одним из представителей которого является дом Тенишевых (Английская наб., 14). В 1898 г. он был перестроен по проекту архитекторов Е. А. Сабанеева и А. Р. Гавемана. Последним владельцем здания была Мария Чаплиц. В треугольном фронте помещен родовой герб, а над парадным крыльцом — вплетенный в овал вензель с буквами «М» и «Ч»²⁵.

Эпоха модерна сосредоточила внимание на изысканном и оригинальном декоре.

В оформлении дачи М. Э. Клейнмихель (наб. реки Крестовки, 12), построенной в 1911–1912 гг. по проекту гражданского инженера К. К. Мейбома, модерн сочетается с элементами неоготики. Главный вход восточного крыла здания завершает треугольный фронтон с лепным картушем, на котором изображен видоизмененный герб владельца. Дачу окружает ажурная кованая решетка с саламандрами, в звенья которой вплетены монограммы «МК» — Мария Клейнмихель²⁶.

Доходный дом И. В. фон Бессера (Владимирский пр., 19) возведен в 1904 г. Автором проекта предположительно считается К. А. Шульман. Боковые щипцы украшены гербом С.-Петербурга. Над аркой входа размещен герб домовладельца²⁷.

В 1913 г. особняк купца П. Бетлинга (Английская наб., 64) приобретает шведское правительство, и архитектор Ф. Лилльбеквист перестраивает дом в стиле северного модерна. На аттике картуша появляется шведский герб²⁸.

Перестройкам подверглось и трехэтажное здание, в котором находилась аптека Вильгельма (Василия) Пеля (7-я линия В. О., 16–18). В 1907–1910 гг. гражданский инженер К. И. Ниман надстроил существующее здание, а архитектор З. Я. Леви доработал фасад в стилистике модерна. В треугольном щипце лицевого фасада по сторонам балкона размещены гербы Российской империи и поставщика двора его императорского величества. Над балконом герб семьи Пель. Мозаичные гербы выполнены в мастерской художника-мозаичиста В. А. Фролова²⁹.

В 1898 г. в связи со столетием со дня смерти А. В. Суворова было решено устроить мемориальный музей. Здание построено в 1901–1904 гг. по проекту А. И. фон Гогена и Г. Д. Гримма (Кирочная ул., 43). Фронтон центральной башни украшает герб фельдмаршала, изготовленный из смальты мозаичистами М. И. Зоценко и Н. Е. Масленниковым по проекту скульптора А. Е. Громова³⁰.

Дом ювелирной фирмы К. Г. Фаберже (Большая Морская ул., 24) интересен тем, что для хранения ценностей был устроен блиндированный сейф-лифт берлинской фирмы «Арнхайм». На ночь лифт поднимали на уровень второго этажа и оставляли

под током. На двери сейфа нарисован герб, под которым помещен картуш — в белом поле геральдического щита идущий медведь с ключом от сейфа. Можно предположить, что это знак фирмы «Арнхайм», поскольку в символике этой фирмы нередко был изображен медведь³¹.

В конце XIX в. получает распространение так называемый кирпичный стиль. Ярким представителем этого направления был архитектор В. А. Шретер, который в 1891 г. построил особняк по собственному проекту (наб р. Мойки, 114). Под балконом высокого остроконечного фронтона помещен знак Общества архитекторов, свидетельствующий о профессии владельца дома³².

Еще один знак можно увидеть на здании пожарной команды (Большой пр. В. О., 73), возведенном в 1882–1884 гг. по проекту гражданского инженера В. Г. Шаламова. Доминантой постройки стала высокая каланча. Над окном первого яруса башни помещен год строительства, а в основании каланчи над окном второго этажа — эмблема пожарных³³.

Украшали здания не только дворянские гербы. На фасадах государственных и учебных учреждений размещался герб Российской империи. Его можно увидеть в треугольном фронтоне Школы народного искусства, построенной по проекту И. Ф. Беспалова и Н. Е. Лансере. Герб выполнен по рисунку Е. Е. Лансере³⁴. Лепной герб украшал фронтон Горного института, Монетного двора. Большое количество гербов присутствует в декоре фасадов зданий Сената и Синода. Российским гербом выделялись и здания воинских учреждений. Его изображение помещено на колеснице Победы Триумфальной арки Главного штаба.

Фасады зданий общественного назначения также акцентировались гербами Российской империи. Аттик здания Главного казначейства (наб. р. Фонтанки, 70–72) украшал лепной двуглавый орел, который в 1925 г. был сбит, а на его месте установлен рельефный герб СССР (скульптор А. А. Улитин). В начале 1990-х гг. воссоздано историческое оформление аттика³⁵.

Гербами были отмечены многие фасады и интерьеры зданий города. В основном это происходило на протяжении конца XVIII и всего XIX в.

Примечания

- ¹ Дразук В. С. Рассказывает геральдика. М., 1977. С. 39–40.
- ² Соболева Н. А. Российская и областная геральдика. М., 1984.
- ³ Соболева Н. А. Старинные гербы Российских городов. М., 1985. С. 44–57.
- ⁴ Кашаверская Ю. И. Геральдические символы Петербурга // Художественный вестник. 2007. № 2. С. 14–25.
- ⁵ Там же. С. 14–15.
- ⁶ Там же. С. 15.
- ⁷ Там же. С. 16–17.
- ⁸ Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной: справочник. СПб., 2000. П. 3362; Кашаверская Ю. И. Геральдические символы Петербурга. С. 17–18.
- ⁹ Яковлева Е. Б. Дом Я. А. Потемкина (П. А. Струкова) // Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. Адмиралтейский район. СПб., 2012. С. 244–246.
- ¹⁰ Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. П. 3307.
- ¹¹ КГИОП. П. 587, Н-8595.
- ¹² КГИОП. П. 601, Инв. № 606 п.
- ¹³ Кашаверская Ю. И. Геральдические символы Петербурга. С. 18–19.
- ¹⁴ КГИОП. п. 544, Инв. № 877п.
- ¹⁵ КГИОП. п. 515, Инв. № 996п.
- ¹⁶ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: справочник / под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 190.
- ¹⁷ Андреева В. И. Гарольд Боссе. СПб., 2002. С. 154–164.
- ¹⁸ КГИОП. П. 293, Инв. № 1624п.
- ¹⁹ Жерихина Е. И. Литейная часть от Невы до Кирочной. СПб., 2004. С. 181.
- ²⁰ Хайкина Л. В. Без эпилога. Исследования по архитектуре Петербурга. СПб., 2008. С. 154.
- ²¹ Весь Ленинград. 1924. С. 79.
- ²² Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века. С. 32, 168; Перечень вновь выявленных объектов: справочник. СПб., 2001.
- ²³ Жерихина Е. И. Литейная часть от Невы до Кирочной. СПб., 2004. С. 170–173.

²⁴ Бутиков Г. П. Музей-памятник «Спас на крови». СПб., 1996.

²⁵ Кириков Б. М. Петербургская неоклассика начала XX века // Невский архив: историко-краеведческий сборник. III. СПб., 1997. С. 346.

²⁶ Яковлева Е. Б. Дача М. Э. Клейнмихель // Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. Петроградский район. СПб., 2004. С. 297–300.

²⁷ Курбатов В. Я. Петербург. СПб., 1913. С. 410; КГИОП. п. 149, Н-8593.

²⁸ КГИОП. п. 1237, Н-6670.

²⁹ КГИОП. п. 306, Н-11707.

³⁰ Охотников И. В. Музей А. В. Суворова. Л. 1969; Кириков Б. М. Александр фон Гоген // Зодчие Санкт-Петербурга. XIX — начало XX века. СПб., 1998. С. 572.

³¹ КГИОП. п. 848, Инв. № 1276п.

³² Николаева Т. И. Виктор Шретер // Зодчие Санкт-Петербурга. XIX — начало XX века. СПб., 1998. С. 456–470.

³³ Глухова Е. Е. Здание полицейского управления и пожарной команды Васильевской части // Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. Василеостровский район. С. 350.

³⁴ Исагенко В. Г. Иннокентий Безпалов // Зодчие Санкт-Петербурга. XIX — начало XX века. С. 931; Чеснокова А. Школа народного искусства // Санкт-Петербургская панорама. 1992. № 10. С. 26–27.

³⁵ КГИОП. п. 540, Инв. № 1073п.

КЛАДБИЩА КАК ГОРОДСКИЕ ПАРКИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

МНЕ хотелось бы привлечь внимание к особому аспекту изучения динамичной городской среды Санкт-Петербурга рубежа XIX–XX вв.—некрополям. Сегодня краеведческие исследования уделяют больше внимания истории формирования кладбищ, поиску и описанию захоронений знаменитых людей. Вместе с тем культурологи, историки и социологи активно развивают Death Studies, исследования восприятия смерти как феномена культуры.

По-прежнему наиболее авторитетным в этой области остается фундаментальное исследование французского историка Филиппа Арьеса «Человек перед лицом смерти», в котором отдельная глава посвящена теме «визита на кладбище»¹. Ф. Арьес отмечает, что кладбище входит в топографию европейского города как органичный элемент с XVII в. и особенно с начала XIX в., играет в нем строго очерченную роль, становится «знаком культуры». Исследователь на обширном материале показывает, что новые городские кладбища принципиально отличались от кладбищ Средневековья, занимая теперь громадные площади — до 25–30 га. Активно развивается процесс индивидуализации кладбищенского пространства, возникает практика посещения кладбища с целью увидеть ту или иную могилу². «Для смерти... эстетизируемой как визуально, так и вербально, парковое пространство оказывается идеальным местом для размещения покойных»³.

Столь же фундаментального труда на русском материале пока нет, однако имеющиеся сегодня исследования подтверждают тезис о том, что Россия, возможно, с некоторым опозданием следовала в общем контексте европейского процесса увеличения площади городских кладбищ, индивидуализации и эстетизации кладбищенского пространства⁴.

На организацию пространства городских некрополей Европы в XIX в. оказали ключевое влияние медицина и ее учение

о миазмах, которые становятся источником заражения. Считалось, что именно кладбища, где сосредоточены «гнилостные соки», являются рассадником заразных болезней⁵. Со второй половины XVIII в. в большинстве государств Европы начинается перенос кладбищ за городскую черту, а сами они переходят от сферы ответственности церкви к городским службам⁶.

В России в XIX в. по-прежнему господствовала традиционная система управления кладбищами по конфессиональному признаку, и в Петербурге их большая часть управлялась православной церковью. Однако в период реформ Александра II изменения коснулись и этой сферы. Тема городских некрополей как источника заразы, их переполненности все больше привлекает внимание общественности. В 1865 г. создается межведомственная комиссия по обустройству столичных кладбищ⁷. По итогам начального этапа ее работы 20 октября 1871 г. было получено высочайшее соизволение на устройство за счет средств городской кассы двух загородных кладбищ по Николаевской и Старо-Парголовской железным дорогам, получивших в дальнейшем названия Преображенское (ныне Памяти жертв 9 января) и Успенское (ныне Северное). Туда должны были в обязательном порядке направлять покойников из больниц и других богоугодных заведений. Но главное, указ предписывал проработать вопрос о плате за места для погребения в пользу городской кассы⁸, что создавало в будущем возможность для размывания монополии церкви.

Хорошо известно, что Преображенское кладбище начало работу уже в 1872 г. на следующий год после объявления указа, а Успенское — с 1875 г. Однако результаты их работы были далеки от желаемых, несмотря на дешевизну и организацию транспортировки «траурных грузов» по железной дороге. Определенную роль сыграла и позиция Синода, который видел в новых кладбищах угрозу для своего влияния и зачастую тормозил работу комиссии, отказываясь под разными предлогами давать запрашиваемые заключения.

В рамках работы этой комиссии, скорее всего, был подготовлен один документ, хранящийся в фонде Синодальной канцелярии Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге⁹, который, несмотря на небольшой объем,

дает важный материал для понимания роли кладбищ. Это докладная записка, отпечатанная типографским способом, без даты, подписи, каких-либо резолюций и рукописных пометок, вероятно, копия исходящего документа, сохраненная делопроизводителями. По косвенным данным (например, приводимой статистике), время его составления можно отнести к периоду 1896–1899 гг.

Естественно, что для формирования позиции церкви решающую роль играли взгляды обер-прокурора Св. синода, выдающегося деятеля русского консерватизма К. С. Победоносцева. Содержание записки вполне соответствует общему контексту проводимой им охранительной политики управления церковью и взаимоотношений со светской властью. Автор записки неизвестен, но в силу важности затронутой темы она не могла пройти мимо внимания Сергея Васильевича Керского (1831–1903), который в тот период являлся управляющим Синодальной канцелярии и был «опытным аппаратчиком», ранее долгое время исполнявшим надзорные функции над учебными заведениями и не раз готовившим по долгу службы материалы для докладов по разнообразным церковным вопросам¹⁰.

В подтверждение своего основного тезиса о важности сохранения сложившейся системы управления документ сообщает интересные статистические данные. Так, приводится среднее ежегодное количество погребенных на городских кладбищах — более 18,5 тыс. (ок. 50 погребений ежедневно). Синод не отрицает наличие проблем в управлении кладбищами, но стремится доказать, что нет причин для их закрытия, если же открытие новых необходимо, то лучше поручить это церкви.

Несмотря на коммерциализацию («печать торговли»), новоучрежденные кладбища убыточны для казны, необустроены и поэтому непрестижны. Там мало деревьев, они опасны для посетителей из-за обширной площади и отсутствия сторожей, а зимой совсем недоступны. Члены городского управления сами гнушаются загородными кладбищами и не отпевают там своих родственников.

По мнению Синода, городские кладбища, издавна управляемые церковью, напротив, безвредны для города, а заражение почвы, воды и воздуха им приписывается незаслуженно (что

к тому времени уже подтверждали исследования, в т. ч. парижских кладбищ), ведь источниками заразы являются зачастую сопутствующие кладбищам свалки. Более того, кладбища приносят обществу большую пользу: способствуют нравственному развитию народа и дают доходы для содержания учебных заведений, вдов и сирот.

Особенно интересным показался один аргумент в поддержку городских кладбищ — их можно рассматривать как замену общедоступных парков. «Воздух на кладбищах сравнительно с городом настолько чист, что делает совершенно излишним переезд на дачи в летние месяцы живущих близ кладбища». «По причине большей свежести воздуха на кладбищах, чем в городе, в каждый праздничный день летом приходят на кладбища тысячи народа для прогулки. Народ этот проводит на кладбищах весь день, сидит на самых могилах, лежит около них, ест и пьет тут, причем никогда никто не вынес с кладбища никакой заразы».

Причина популярности городских кладбищ — их благоустроенность, обусловленная ответственным отношением к управлению ими православного духовенства. «Здесь растут тенистые деревья. Дорожки посыпают песком, настланы деревянные мостки, убирают снег и грязь».

В записке делается вывод, что «стремление Думы взять кладбища в ведение города есть посягательство Городской управы на права духовенства». Если же все-таки ставится задача часть кладбищ перенести за город, духовенство много лучше справится с этой задачей за 25–30 лет.

Конечно, синодальная записка является документом, подготовленным в межведомственной полемике, и нельзя отрицать ее определенную тенденциозность. Вместе с тем в источниках встречается подтверждение взгляда на кладбища как городские парки. Приведу несколько таких свидетельств.

Так, Всеволод Гаршин пишет о кладбищах как о месте уединенных прогулок, где в будни можно скрыться от шума города, и которое в праздники становится местом массового паломничества горожан: «Летом и зимою на кладбище хорошо. Оно представляет собою сплошной сад: ольха, береза, бузина отлично растут на жирной почве, кладбища — самые тенистые сады

в городе. <...> Однажды я попал на кладбище в „родительскую“ субботу. Несмотря на строгое запрещение, поминающие все-таки ухитряются пронести водку в самоварах и чайниках... Поминание кончается пьянством и скандалом. Городовые, дворники, участок, протокол...»¹¹.

Леонид Андреев описывает кладбище как парк для философских раздумий, место гармонии и примирения природы и человеческих страстей. «Особенный в них воздух, особенная тишина, и другой там и лепет деревьев — элегический, задумчивый, нежный. <...> И надписи на памятниках читаете вы, и встают в вашем воображении все эти исчезнувшие из мира люди»¹².

Великий князь Константин Константинович Романов часто упоминает в дневниках прогулки по пригородным кладбищам — в Стрельне, Павловске — в одиночестве или в сопровождении друзей. «Пошел гулять на кладбище — для меня настоящее удовольствие читать надгробные надписи. <...> Были на нашем прелестном кладбище. Теперь всюду цветет пахучий, душистый горошек — я так люблю эти цветы, хотел бы, чтобы моя могила была ими убрана. <...> Но мы пошли другой дорогой, не городом, а через кладбище, которым я тоже люблю похвастать перед приезжими. <...> Пошел с ними (офицерами. — В. М.) гулять на кладбище; потом сели обедать...»¹³.

Есть и обратный, как бы зеркальный взгляд: парк воспринимается как кладбище в рассказе Марка Кринецкого (псевдоним Михаила Самыгина). «Деревья это — зеленые, фантастичные драконы, которые питаются от могил. Каждая пядь земли есть чья-нибудь могила. Вся природа — кладбище»¹⁴.

Таким образом, в свете приведенных свидетельств петербургские некрополи предстают в качестве объектов городской среды, имеющих собственные функции в рамках формирующейся урбанистической культуры, и их дальнейшее исследование петербургскими краеведами представляется актуальным и перспективным.

Примечания

¹ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: пер. с фр. М., 1992. В отечественной науке это направление также начинает активно развиваться.

В частности, хотелось бы упомянуть публикации альманаха: Археология русской смерти / под ред. С. В. Мохова. Т. 1–5. М., 2015–2017.

² Арьес Ф. Указ. соч. С. 387–388.

³ Мохов С. В. Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М., 2018. С. 89.

⁴ Ермонская В. В., Попова Т. Ф., Нетунахина Г. Д. Русская мемориальная скульптура: К истории художественного надгробия в России XI — начала XX в. М., 1978; Постнов О. Г. Смерть в России X–XX вв.: историко-этнографический и социокультурный аспекты. Новосибирск, 2001; Царькова Т. С. Русская стихотворная эпитафия XIX–XX вв.: Источники. Эволюция. Поэтика. СПб., 1999.

⁵ Арьес Ф. Указ. соч. С. 393.

⁶ Мохов С. В. Указ соч. С. 85.

⁷ Зодчий. СПб., 1873. № 3–4. С. 42.

⁸ ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 46. Отд. 2. СПб., 1874. С. 410–411.

⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 154.

¹⁰ Раскин Д. И. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг.: в 4 т. / Б. М. Витенберг, Н. М. Корнева, Т. Г. Любарская [и др.]. СПб., 1998. Т. 1. С. 136; Православная богословская энциклопедия // Бесплатное приложение к духовному журналу «Странник». СПб., 1908. Т. IX. С. 532–534.

¹¹ Гаршин В. М. Петербургские письма // Проект «Собрание классики» (Lib.ru/Классика). URL: http://az.lib.ru/g/garshin_w_m/text_o32o.shtml (дата обращения: 21.05.2019).

¹² Андреев Л. Н. Прекрасна жизнь для воскресших // Проект «Собрание классики» (Lib.ru/Классика). URL: http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_o085.shtml (дата обращения: 21.05.2019).

¹³ Романов К. К. Дневники. Возвышение души // Проект «Собрание классики» (Lib.ru/Классика). URL: http://az.lib.ru/k/kr_k_k/text_1915_iz_dnevnikov.shtml (дата обращения: 21.05.2019).

¹⁴ Криницкий М. Материя // Проект «Собрание классики» (Lib.ru/Классика). URL: http://az.lib.ru/k/krinickij_mark/text_1906_materia.shtml (дата обращения: 21.05.2019).

«ТАЙНЫЕ ПАМЯТНИКИ»
ПЕТЕРБУРГА — ЛЕНИНГРАДА

В УСЛОВИЯХ, когда многие имена и события исключались из официальной памяти, складывалась практика неофициального поминовения, часто возникавшая вокруг объектов городской среды, становившихся «тайными памятниками». В статье приведены сведения о некоторых таких памятниках и связанных с ними «тайных культах» Ленинграда — Петербурга. Такого рода феномены выполняли важную роль в жизни города, придавая городской повседневности некое дополнительное измерение. Память об иных ушедших долгое время была в нашей стране делом в значительной степени рискованным. Репрессии предполагали не просто физическое уничтожение, но и искоренение следов пребывания человека на земле. Право на поминовение становилось привилегией, которая требовала особого разрешения. Разумеется, такая практика поминовения тайного сформировалась.

В настоящей статье рассматривается одна из таких практик, связанная с семиотическим освоением городской среды. Я назвал это феноменом «тайного памятника». В тех случаях, когда нельзя открыто отдать дань памяти ушедшим, возникают своего рода символические замещения отсутствующих памятников. Вполне естественно, что важную роль играли при этом религиозные верования.

В атеистическом советском Ленинграде существовало несколько «тайных культов» вокруг десакрализованных религиозных святынь. В пропагандистской брошюре Н. И. Юдина говорится о культе, сложившемся вокруг храма Спаса на Крови на канале Грибоедова, конкретнее — около изображения распятого Христа на западной стене церкви. Еще в первые годы советской власти ходили слухи, что «по ночам в церкви слышны стоны убиенного царя», потом, видимо, заброшенный храм долгие годы не привлекал особого внимания. «Но в послевоенные годы у подножия „распятого Христа“, изображенного

на стене церкви, всё чаще можно было видеть согбенные и коленапреклоненные фигуры. Возле образа появились горшочки с живыми цветами, на гвоздиках и выступах — расшитые полотенца и яркие ленты. Дошло даже до того, что в одну из пасхальных заутрень церковные „активисты“, собрав группу из 10–15 старушек и присоединив к ним несколько проходящих женщин, устроили вокруг здания настоящий крестный ход с зажженными свечами и пением пасхальных тропарей. <...> Верующие посетители новой „святыни“ не только истово молятся перед образом Христа, не только становятся на колени, но и „прикладываются“ к пыльным стенам бывшей церкви, наивно полагая, что это раболепное поклонение принесет им радость и счастье. В последнее время по совету тех же вездесущих „активисток“ мозаика образа Христа стала применяться в качестве универсального средства от всех болезней. Постепенно верующие выколупали часть ступней Христа для „исцелений“»¹. Культ сохранился надолго — есть свидетельства о поклонении этому изображению Христа и в 1970-е гг.

О другом «тайном памятнике» рассказывает Нонна Слепакова в своей автобиографической повести «Лиловые люпины». В начале пятидесятых героиня вместе со старшими посещает Смоленское кладбище. «Предстоял еще один, самый приятный, кладбищенский ритуал — кормление голубей в нарочно выстроенной здесь для этого кормушке... Кормушка, собственно, была большой, вытянутой в длину против церковного крыльца, помпезной беседкой. <...> По полу, приподнятому на солидном каменном фундаменте, бродили... самодовольные толстые голуби. Странно было, что для них, таких обыкновенных, обильно расплодившихся по городу с тех пор, как выяснилось, что они — символ мира, возвели некогда столь роскошную беседку. Еще страннее выглядели зачем-то нацепленные кое-где на железные шишки решетки знакомые венки-вязанки, разноцветные ленточки, одинокие парафиновые розы... ведь кормушка, не могила!»². Загадку странной кормушки раскрыла старуха, вступившая в разговор с кормившей голубей девочкой: «Попитай, поитай их, деточка, может быть, это тех, убиенных, душеньки смертное место помнят, — пробормотала она что-то непонятное, достала из-за пазухи розовую ленточку и привязала к ограде.—

Посчитаем-ка, сколько тут голубков. Двадцать должно быть... нет, всего четырнадцать. Не все, наверно, слетелися.

— А почему должно быть двадцать?

— Потому что расстрелянных батюшек, детка, было ровно двадцать. <...> Их тогда осенью, в ноябре, двадцать со всего города собрали, сюда вот привезли и в ночь расстреляли. <...> Так вот, казнили их здесь, здесь же и зарыли. <...> Да народ все одно развели где, и потом эту часовню им народ и отгрохали. Всё памятное место, почитаемое, хоть и с фальшью, что кормушка для голубей. Видишь, народ вешают здесь венки, цветочки воскладывают»³.

Н. Слепакова прибавляет, что «спустя шестнадцать лет, когда я приведу сюда кого-то из приятелей, чтобы показать кормушку и рассказать ее историю, я с изумлением обнаружу, что „почитаемое место с фальшью, что кормушка“, как некогда могила Куинджи, бесследно исчезла со всеми своими столбами, голубями, кафелем и венками»⁴. Однако, судя по книге Юдина, писавшейся немного раньше, чем «спустя шестнадцать лет» после 1952 г., несмотря на все усилия властей, «мракобесы» восстановили «почитаемое место», правда уже без атрибутов часовни.

В автобиографическом романе Нонны Слепаковой есть следы и еще одного мотива, связанного с тайными «почитаемыми местами» Ленинграда. Речь идет о печальной традиции советского времени разрушать и утилизировать дореволюционные кладбища. Мотив этот возникает сначала исподволь, при описании ночной прогулки по Петроградской стороне. «Мы свернули на Ораниенбаумскую. <...> Сама бы я тут ни за что не пошла, тем более ночью. Я слишком много знала про эту улицу. Знала, например, какие плиты старого тротуара лежат там под новым, всего два-три года назад накатанным асфальтом». Позднее объясняется, что плиты — с разрушенного, оскверненного кладбища. «Кладбище было маленькое возле церкви забитой, что на Карповке, ну и разобрали его после революции. Многих петроградских сгоняли разбирать... <...> Выковыривали плиты, на подводы грузили, а потом теми плитами несколько переулков на Петроградской вымостили, чтоб хоть какая польза с них была»⁵.

И здесь мы сталкиваемся с еще одной мрачной страницей «тайного Ленинграда» — «тайными кладбищами». Легенду

об одном малоизвестном петербургском «тайном некрополе» упоминает В. Г. Адмони в своем автобиографическом романе. В детстве он с няней ходил гулять в Таврический сад чаще всего по Парадной улице. «Но идти по Парадной было страшновато. Она была не похожа на все улицы, которые я знал. Слева шли ровные, крашенные унылой краской казармы Преображенского полка, обычно совершенно безмолвные и словно пустые — солдаты, наверное, были на учениях. Справа тянулась невысокая железная решетка, за которой виднелось двухэтажное здание. Это была больница — клиника великой княгини Елены Павловны. Больница была большая, она простиралась вдоль Кирочной улицы, против Таврического сада, а несколько окон клиники глядели и на Парадную улицу. А часовенка посередине Парадной <...> была не часовенка, а морг. Здесь лежали до похорон трупы тех, кто умер в больнице. И от кого-то мы узнали (хотя, наверное, это было на самом деле не так), будто под квадратными каменными плитами в овальном отступе ограды возле часовенки погребены мертвецы — умершие в клинике нищие больные, у которых не было никого, кто взял бы на себя расходы по похоронам»⁶.

Иногда поминовение становится совсем уж тайным, «зашифрованным». Писатель Михаил Кураев увидел «тайный памятник» в здании НИИ травматологии и ортопедии имени Вредена, расположенном в Александровском парке недалеко от станции метро «Горьковская». «Издравле в память о пролитой крови, в память о подвиге человеческого духа, презревшего деспотизм частной жизни, ставил народ кресты, часовни, храмы... Вот и здесь, между бывшим Кронверкским плацем и площадью Революции, тогда еще Троицкой, в 1906 году, надо думать, по недосмотру лиц, призванных сберегать душевный покой самодержавных правителей, поднялся храм, храм милосердия, госпиталь, геометрическим рисунком повторивший расположение выстроенных в два кара гвардейских и армейских офицеров, приговоренных к ссылке и каторге. Притупилось недреманное око и духовных пастырей, если с высокой стены госпиталя смотрит на нас Владимирская Богоматерь, смотрит карими глазами княгини Волконской по прихоти юного Кузьмы из Хвалынска, отринувшего тысячелетний византийский

канон, предписывавший изображать заступницу за род человеческий светлоокой»⁷. Признаться, не очень верится, что архитектор Р. Ф. Мельцер и художник К. С. Петров-Водкин замыслили почтить память казненных декабристов, однако городская архитектура неизбежно порождает разнообразие толкований и «домыслов».

Особая тема — «тайные памятники» в строгом смысле слова, т. е. скульптурные изображения лиц, не входящих в официально признанный пантеон героев. Характерный пример такого рода — настойчивые слухи, что в памятнике Н. В. Гоголю на Малой Конюшенной улице якобы запечатлен на самом деле лидер Тамбовской ОПГ Барсуков (Кумарин).

В Интернете помещен очерк Марины Черкашиной под интригующим заглавием «Пифия русской смуты. Тайна петербургского барельефа». Цитируем: «На углу улицы Чайковского и Потемкинской стоит дом № 62 окнами на бывший Таврический сад. На всех трех его фигурных портиках белые гипсовые лики, запечатлевшие трех замечательных сестер: Зинаиду, Татьяну и Наталью Гиппиус. Ни в Париже, ни в Таллинне, ни в Новгороде нет ни одной мемориальной доски в их честь. Лишь Петербург тихо хранит о них потаенную память. <...> А автор же этих скульптурных фигур — Наталья Гиппиус. Тысячи людей проходят мимо барельефов, даже не подозревая, что на них тайно увековечены три сестры, три замечательные личности».

В Интернете можно найти и легенду, связанную со зданием на углу Гангутской улицы и Соляного переулка. Согласно этой легенде, архитектор, восстанавливавший это здание после войны, зашифровал напоминание о погибших здесь людях. На фасаде здания шесть колонн, и их продолжают шесть столбов на крыше здания, это сделано якобы в память о шестистах погибших в находившемся на этом месте бомбоубежище. «Каждая колонна — в память о сотне погибших»⁸.

Разумеется, вокруг «тайных памятников» много путаницы, игры воображения и просто «пленной мысли раздраженья». Но в любом случае это важный элемент городской жизни, придающий городу некое дополнительное измерение. «Городские призраки», как назвал их М. де Серто, населяют город, соединяя ушедших и живущих.

Примечания

- ¹ Юдин Н. И. Правда о петербургских «святынях». Л., 1962. С. 118–119.
- ² Слепакова Н. М. Лиловые люпины. СПб., 1999. С. 67.
- ³ Там же. С. 70.
- ⁴ Там же. С. 72.
- ⁵ Там же. С. 250.
- ⁶ Адмони В. Г., Сильман Т. И. Мы вспоминаем. СПб., 1993. С. 54.
- ⁷ Кураев М. М. Питерская Атлантида. СПб., 1999. С. 455.
- ⁸ См.: Новиков А. Гангутская, 14. Легенда или правда? URL: https://vk.com/topic-657310_22638886 (дата обращения 27.01.2020).

НОВООБРЕТЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ГОРОДА ПУШКИНА

ТО, что город Пушкин, он же Царское Село, сам по себе является чудесным памятником российской истории и культуры, дивным яхонтом в драгоценном ожерелье пригородных районов Санкт-Петербурга, общеизвестно. Менее известно, что представляет собой город в настоящем его виде: насколько современная его застройка и новообретенные памятники соответствуют архитектурному, историческому и культурному царскосельскому ландшафту. Город давно уже значительно перерос по территории и населению свои исторические границы, стал Пушкинским районом, включая не только Павловск, но теперь уже и Шушары. Историческое и поэтическое название Царское Село применимо теперь лишь к Государственному музею-заповеднику, носящему это имя, и названию первой в России железнодорожной станции.

Тема данной статьи — памятники, появившиеся в Пушкине за последние 20 лет, фактически уже в постсоветскую эпоху, в XXI в. Их не так много, но они привлекают внимание жителей и гостей города. Внимание это связано даже не столько с художественной, эстетической их оценкой, которая может быть делом вкуса, сколько с местом их установки, архитектурной привязки к истории.

К 300-летию Царского Села в центре города был воссоздан Екатерининский собор, взорванный в 1939 г. Собор построен был в 1835–1840 гг. по проекту и под руководством архитектора К. А. Тона. Храм выстроили заново в 2007–2010 гг., т. е. за три года, в отличие от пяти лет в XIX в. К архитектурным новообретениям собор причислить нельзя, как и воссозданную вокруг него Соборную площадь. Весь этот ансамбль очень оживил и украсил городской центр. Казалось, ничего более не требуется.

Тем не менее в 2013 г. буквально напротив собора была установлена скульптура Екатерины II, долгое время укрытая ящи-

Воссозданный
Екатерининский
собор

ком. Автор памятника, известный скульптор В. Э. Горевой, буквально навязал его городу вопреки желанию администрации, судившейся с ним, не говоря уже о ничего не ведавших о таком «подарке» жителях. После того как памятник наконец открыли, выявилась его полная ненужность, даже ущербность на этом месте. Совершенно не соотносились масштабы собора и этой «декоративно-статуэточной» фигуры. Екатерина Великая, заслуженно носившая это звание, увековеченная величественными памятниками в ряде городов России, превратилась здесь в «Екатерину Малую», кокетливую, непонятно для чего здесь поставленную. В Интернете связывают это с Екатерининским собором и основанием города. Но основательницей его была все-таки Екатерина I, а не II, и ее вензель значится на гербе города. Екатерина II была основательницей уездного города Софии, куда хотела переселить всю дворцовую слободу. Вот в том историческом месте и нынешнем районе Пушкина — Софии и пристроить бы эту сиротскую скульптуру, хотя вряд ли она

украсила бы там какую-либо улицу, тем более площадь, разве что сквер. А то, что установленная в центре Пушкина фигура является лишь копией памятника г. Новоржева Псковской области, вряд ли свидетельствует об уважении к нашему городу скульптора Горевского.

Вместе с тем особый интерес этого ваятеля к городу Пушкину очевиден. Это подтвердилось последней установкой его памятника уже непосредственно рядом с Екатерининским собором. Он позиционирован как памятник русским воинам, приурочен к 100-летию завершения Первой мировой войны и изображает священника с оружием и молитвенником, благословляющего воинство, отправляющееся на войну. Не оспаривая самой его идеи и каких-то художественных достоинств, нельзя всё же согласиться опять с выбором места установки. Воссозданная территория Соборной площади вряд ли предназначена для других объектов, кроме самого собора, и должна иметь определенный охранный статус исторического и культурного наследия. Если и надо было как-то отметить эту не слишком радостную для России войну, то для такого памятника можно было найти более подходящее место. Например, рядом с восстановленной Ратной палатой, ставшей музеем Первой мировой войны. Наконец, на Казанском кладбище, где также создан мемориал воинам, жертвам той роковой для Российской империи войны.

Надо отметить, что установка памятника на этом месте вызвала серьезные возражения ряда жителей и экспертов. В администрации Пушкинского района был проведен круглый стол — специальное обсуждение этого проекта. Это не возымело влияния на окончательное решение вопроса. Каким образом решаются такие вопросы без предварительных конкурсов и мнения общественности, непонятно.

Если уж так необходимо было поставить тут памятник, скульптуру священника, то почему бы тогда не посвятить его Иоанну Кочурову, причисленному к святым священномученикам, служившему в этом соборе и ставшему первой в городе жертвой Октябрьского переворота 1917 г. Не меньшая заслуга для увековечения на этом месте у лучшего градоначальника Царского Села, первого почетного его гражданина Я. В. Захаржевского, почти 50 лет управлявшего городом. В 1865 г. он был погребен

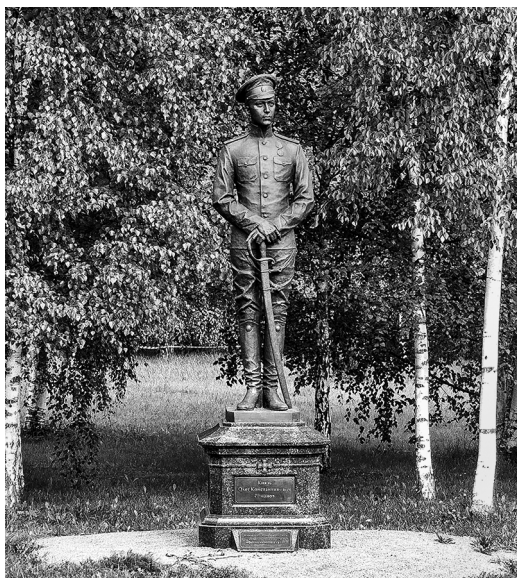
под Екатерининским собором. Интересно, что памятник в городе ему есть и автор его всё тот же Горевой. Памятник установлен не в лучшем месте — на софийских задворках и мало кем узнаваем, тем более что не удосужились выбить даже надпись, кого он изображает. В таком изображении ему, конечно, на Соборной площади не место, однако можно было ограничиться скромным бюстом, тем более что таковой имеется в ГМЗ «Царское Село».

В Пушкине есть примеры и вполне оптимального, разумного решения с установкой новых памятников. Из них нельзя не отметить памятник преподобному Сергию Радонежскому, открытому в год его 700-летия (2014). Памятник, поставленный по проекту В. В. Зайко, стоит на единственно положенном ему месте у восстановленной церкви бывшего лейб-гвардии 2-го стрелкового полка в Фуражном переулке, 4/8. Церковь носит имя святого старца. В ее восстановлении в качестве попечителя принимал активное участие министр иностранных дел С. В. Лавров. Памятник при открытии был освящен патриархом Кириллом.

Не вызывают каких-либо вопросов также новообретенные памятники, которые не отягощают своим видом Софийский собор, воздвигнутый И. Е. Старовым по проекту Ч. Камерона в 1782–1788 гг. в центре Софии. Один из приделов храма посвящен св. Александру Невскому. 12 сентября 1990 г. у стен собора открыт ему памятник в честь 750-летия Невской битвы и победы над шведами. Автор — скульптор В. Г. Козенюк, посвятивший образу князя, святому покровителю Санкт-Петербурга, ряд работ, венцом которых стал памятник перед Александро-Невской лаврой. Памятник перед Софийским собором — один из первых и представляет собой памятник-бюст с металлической аркой и крестом. Он довольно гармонично вписался в окружающее собор пространство. С 1817 г. собор стал полковой церковью лейб-гвардии Гусарского полка. В память этого в 2003 г. в сквере вокруг собора установлен мемориальный знак. В 2015 г. в том же сквере поставлен памятник князю императорской крови Олегу Константиновичу Романову, поскольку он служил в Гусарском полку и погиб 100 лет назад на фронте Первой мировой войны. Автор памятника — художник Ярослав Бородин, создавший его

по модели памятника 1915 г. скульптора В. В. Лишева. Рядом со зданием администрации города был поставлен памятный знак Героям Советского Союза, пушкинцам и принимавшим участие в освобождении Пушкина. Из воинских памятников последнего времени надо также отметить памятник воинам-интернационалистам, открытый 15 февраля 2014 г. на пересечении Гусарской и Саперной улиц и приуроченный к 25-летию вывода советских войск из Афганистана.

Наряду с новыми скульптурными памятниками в городе были открыты несколько мемориальных досок. Одна из них прикреплена 22 июня 2012 г. к памятнику 76-му и 77-му истребительным батальонам, поставленному в Александровском парке еще в 1969 г. (архитекторы Н. Н. Карасев и В. А. Трыкин). На доске указаны восемь фамилий тех, кто погиб при защите Пушкина с 13 по 17 сентября 1941 г. Из других надо отметить доску, посвященную И. Ф. Анненскому, на здании бывшей Николаевской гимназии, где он был директором, проживал в 1896–1906 гг. Под этой доской поставлено было потом причудливое изваяние в виде лебедя, очевидно, своего рода реминисценция

Памятник князю императорской крови Олегу Константиновичу Романову

Мемориальная
доска
С. А. Есенину

на строки Н. С. Гумилева: «Был Иннокентий Анненский последним из царскосельских лебедей». Хорошо, что его вскоре убрали после общественного недоумения, вызванного этим странным новоделом. На том же здании висит доска памяти Гумилева, учившегося в этой гимназии. Доску необходимо перевесить и обновить. К сожалению, исчезла памятная доска перед самим зданием. На ней были имена всех знаменитых выпускников этого учебного заведения. Доска была разбита и до сих пор не восстановлена. Зато перед Институтом правоведения и предпринимательства (Малая ул., 8) поставлена доска, посвященная Ф. И. Тютчеву. Она ограждена и защищена решеткой забора. Место установки условное, и предположительно на месте дома, где когда-то жил и умер поэт в Царском Селе. Из других мемориальных досок надо отметить доску С. А. Есенину, вывешенную на стенной ограде Федоровского городка, где тот служил санитаром в Первую мировую войну. Из последних — доску, повешенную к 150-летнему юбилею архитектора Царского Села Сильвио Данини на доме, где он проживал (Оранжерейная ул., 6/17). Доска вывешена неудачно — на боковом, а не на переднем фасаде здания.

Говоря о новообретенных памятниках города Пушкина, нельзя не сказать об утраченных уже в наше время. Это прежде всего два памятника Ленину, уничтоженные один за другим. Можно по-разному относиться к вождю мирового пролетариата и создателю СССР, но памятники — это свидетельства истории и произведения искусства, порой высокого художественного

мастерства. Уничтожение их — признак варварства. Первый памятник Ленину (автор З. И. Азгур) был установлен в 1960 г. в центре города, на месте взорванного собора, и сброшен в 2004 г. В 2006 г. в сквере на углу Малой и Конюшенной улиц был установлен другой памятник Ленину (автор В. Б. Пинчук), перенесенный сюда из Таврического сада. В 2010 г. он был взорван. С тех пор никаких признаков его восстановления нет, хотя пьедестал сохранился, накрыт ящиком, на который по праздникам, иногда в будни возлагают цветы, что свидетельствует о сохранении приверженности части людей коммунистическим идеалам, но никак не памятникам.

В городе стоит уникальный памятник Эрнсту Тельману, подаренный жителями ГДР в обмен на спасенный немецкими антифашистами памятник Ленину, вывезенный в Германию на переплавку и установленный после войны в городе Айслебен. Памятник Тельману был открыт в 1960 г., стоит на Софийском бульваре и стал ныне историко-культурным раритетом. Судьба ленинского памятника в Германии неизвестна; если он ныне демонтирован, неплохо бы вернуть его в Пушкин, где он когда-то стоял. Известно, что автором его был известный скульптор М. Г. Манизер.

К сожалению, в городе есть и другие примеры утраты художественных ценностей. Например, уничтожены палехские росписи по мотивам сказок А. С. Пушкина в кинотеатре «Руслан» при его реконструкции в молодежный центр «Царскосельский». Вопиющий пример вандализма. Из самых последних потерь надо назвать мозаичное панно на здании спортивной школы, которую снесли ради строительства нового спортивного комплекса. Автором панно был заслуженный художник Российской Федерации В. А. Машенкин, воссоздавший также мозаики на Феодоровском государевом соборе Царского Села. Почему новые архитектурные проекты не предусматривают сохранение прежних ценных произведений искусства, непонятно. Таков, видимо, вкус и курс, тренд, как теперь говорят, современного градостроительства. Город Пушкин — город муз, город музеев, город-музей, и не здесь ли наиболее трепетно сохранять памятники истории и культуры, произведения искусства, возводить новое, достойное того, чем славен был и есть этот город?..

НОВЫЕ РАЗЫСКАНИЯ О ЦЕРКВИ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ В ПАВЛОВСКЕ

НЕДОЛГОЙ истории церкви Св. Троицы в Павловске уже посвящен ряд публикаций¹, однако, несмотря на значительные лакуны, в них нередко присутствуют и легенды.

Весной 1912 г. отставной полковник лейб-гвардии Павловского полка И. Н. Смирнов создал комитет для построения приходской церкви в Дубовом садике, образованном пересечением четырех улиц — Конюшенной, Правленской (ныне Васенко), Воробьиного (ныне ул. 1-го Мая) и Песчаного переулков. В апреле 1912 г. члены комитета встретились со старшим сыном владельца Павловска, великого князя Константина Константиновича, князем императорской крови Иоанном Константиновичем, взявшим на себя почетное председательство².

22 июня 1912 г. Смирнов подал прошение великому князю о выделении места и в тот же день получил одобрительную резолюцию³. Однако вопреки сложившейся практике землеотвод не был оформлен как полагается (вместо чертежа участка с контуром намечаемого сооружения место описано словами), отсутствовали обычное в таких случаях упоминание об одновременном утверждении планов и фасадов здания, а также и необходимая подписка строителя, который должен наблюдать за работами.

Только 16 октября 1912 г. Константин Константинович утвердил эскиз облика храма, после чего 24 октября управляющий Павловском Э. Э. Геринг и архитектор Павловского городского правления Д. Д. Зайцев обязали И. Н. Смирнова предоставить «расчет устойчивости церкви и подписку техника, который берет на себя ответственность за прочность работ»⁴. В ответ Смирнов потребовал утвержденный эскизный чертеж архитектора храма Л. А. Ильина, который и был предоставлен ему 6 ноября 1912 г.⁵ В сопроводительном письме Геринг просил вернуть чертежи в правление как можно быстрее⁶, однако

12 ноября Смирнов ответил, что «возвращение чертежей, вместе с копиями, и представление расчета и подписки несколько задержится в виду серьезной болезни архитектора...»⁷. Завязалась долгая переписка. И хотя подписка и расчет в конечном счете были предоставлены, чертежи Смирнов так и не возвратил.

Для сравнения приведем пример с храмом Спаса Преображения в Тярлеве. Прошение было представлено Константину Константиновичу также 22 июня 1912 г. и утверждено в тот же день, причем вместе с полным комплектом чертежей, расчетов и подписок. Закладка этого храма состоялась уже 8 августа, тогда как храм Св. Троицы начали строить только 24 июня 1913 г. Возникает вопрос: почему?

Стоит отметить: в прошении от 22 июня не говорится о том, что планируемый к постройке храм должен быть двухэтажным и что в нем должна разместиться усыпальница. Впервые об этом было сообщено в журнале «Зодчий»: «Павловск. 24 июня [1913 года] на месте, называемом „Дубки“, дарованном владельцем города вел. кн. Константином Константиновичем, совершена закладка храма во имя Св. Троицы и в память 300-летия царствования Дома Романовых. Храм сооружается на пожертвования павловских жителей, комитетом под почетным председательством В. К. Иоанна Константиновича, по проекту и под наблюдением арх. Л. А. Ильина. Храм будет иметь верхнюю церковь на 600 чел. и нижнюю, с усыпальницей великих князей. Характер храма — московский»⁸.

Представляется, что в промежутке с 22 июня по 16 октября первоначальный проект существенно изменился: в него добавилась нижняя, пещерная церковь с усыпальницей «великих князей» (точнее — князей императорской крови)⁹. По-видимому, согласившись стать председателем строительного комитета, Иоанн Константинович предложил устроить пещерный храм. Именно поэтому землеотвод был утвержден 22 июня, а чертежи — только 16 октября, так как понадобилась их существенная переработка.

Демонстративное игнорирование городской власти продолжалось и при закладке храма. Ссылаясь на волю Иоанна Константиновича, И. Н. Смирнов отдавал распоряжения

Л. А. Ильин. Утвержденный проект храма в память 300-летия дома Романовых в Павловске. Фотография с рисунка, выставленного в шатре в Дубовом садике в день закладки храма 24 июня 1913 г. Из журнала Русский паломник. 1913. № 29 (слева), из ЦГАКФФД СПб. Фотодокумент Е 13561 (справа)

Э. Э. Герингу. Это объясняется тем, что Константин Константинович еще 27 октября 1912 г. уехал на лечение и возвратился в Павловск 20 июня 1913 г., а в промежутке «на хозяйстве» де-факто оставался его старший сын.

Большой проблемой в изучении храма являлось отсутствие его изображений. До настоящего времени была известна только нечеткая фотография в журнале «Русский паломник»¹⁰ с эскиза Л. А. Ильина, утвержденного Константином Константиновичем¹¹ и ее более четкий, но обрезанный дубликат в фотосессии ателье Буллы, сделанной на церемонии закладки храма¹². В апреле 2019 г. в архиве Музея архитектуры имени А. В. Щусева среди чертежей Л. А. Ильина были обнаружены и опознаны¹³ два проработанных варианта западного (северо-западного) фасада храма, один из которых совпадает с западным фасадом

эскиза храма на вышеуказанных фотографиях. Теперь мы имеем детальное представление о трех фасадах храма.

В большинстве публикаций без ссылки на источники указывается, что к 1917 г. храм возвели до барабана купола.

Л. А. Ильин. Проект церкви Святой Живоначальной Троицы в Павловске. Фасад. Вариант. Картон, тушь, акварель, белила, бронзовая краска. МА им. А. В. Щусева. Р I 6617

В неопубликованных воспоминаниях Л. А. Симонова утверждается, что в Павловске на торговой площади «начинали строить храм в стиле храма Христа в Москве, но так и не достроили»¹⁴. Л. А. Симонов родился в Павловске в 1911 г. и жил здесь до 1941 г. О храме Христа Спасителя в Москве он мог узнать только из кинохроники, запечатлевшей взрыв 5 декабря 1931 г. Тогда же у него и могло возникнуть сравнение, что храм Св. Троицы в Павловске похож на знаменитый московский храм¹⁵. При этом сходство определяют элементы белокаменной внешней отделки и — структурно — закомары и возвышающийся над ними барабан.

То, что храм был почти завершен, подтверждает акт¹⁶ от 30 сентября 1919 г. о том, что из «новостроющего храма в „Дубовом саду“ взяты для нужд Управления милиции, уголовного розыска и подотдела местного управления г. Слуцка шесть книг (6 изд.) в переплетах с тисненым золотом надписями»¹⁷. Наличие этих книг свидетельствует о том, что в храме не было сырости, он находился под крышей, окна были застеклены и что в помещениях, где хранились книги, уже не велись грязные или пыльные строительные работы. В другом протоколе Горисполкома от 23 августа 1923 г. значится: «Ходатайство Д[етско-]с[ельского] Откомхоза¹⁸... о снятии крыши и внутренних лесов с недостроенной церкви, находящейся в г. Слуцке по Песчаному пер. для использования материала для строительных целей и топлива». Было принято решение: «Произвести технический осмотр комиссионным порядком... на предмет определения возможности слома всего здания»¹⁹. Опять-таки очевидно, что работы остановились на завершающей стадии внутренней отделки.

О судьбе храма в большинстве публикаций, также без ссылок на источники, утверждается, что он был взорван и что на фундаментах была выстроена существующая ныне пожарная часть.

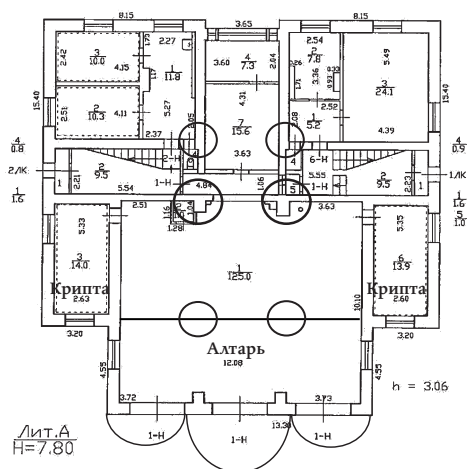
Нам удалось выявить ряд противоречащих этому свидетельств. Прежде всего, Л. А. Симонов не упоминает, что павловский храм постигла та же участь, что и московский. Отсутствует упоминание о взрыве и в воспоминаниях Б. В. Януша, где утверждается, что стены храма, «как говорили взрослые, сложенные очень прочно, в 1934–35 годах разобрали и на

освободившейся площади построили новое здание пожарной части города»²⁰.

Однако в исторической справке 1958 г. научная сотрудница Павловского дворца-музея К. И. Куровская утверждает: «В 1913 году в г. Павловске „в дубовом саду“, т. е. на быв. Правленской площади был заложен храм в честь 300-летия царствования дома Романовых... До 1917 года церковь строительством не была закончена и после революции была переделана в пожарное депо, которое существует и поныне...»²¹.

Ссылки на источник о «переделке» скрупулезная К. И. Куровская, к сожалению, не дает, но о нем легко догадаться. Куровская начала работать в Павловском дворце-музее еще в 1938 г.²² и писала о недавней истории, вероятно, со слов коллег-очевидцев — старшей сотрудницы научного отдела М. Н. Индушиной (бывшей школьной учительницы, преподававшей в Павловске еще до революции) и Н. В. Вейса, работавшего во дворце-музее с 1932—1933 гг.²³, а в 1958 г. занимавшего должность главного хранителя, а также жителей Павловска, хорошо помнивших довоенные события.

В 1959 г. в другой исторической справке К. И. Куровская, перечисляя исторические постройки на Конюшенной улице, называет и «здание Пожарного депо, перестроенное из незаконченного перед революцией Собора...»²⁴. Эту же информацию

Реконструкция
утраченных
(перестроенных)
деталей организации
внутреннего
пространства храма
на основе плана
современного здания
пожарного депо
○ — столбы

повторяет в своих исторических справках, создававшихся в 1960–1970-е гг., главный хранитель Павловского дворца-музея Н. И. Громова.

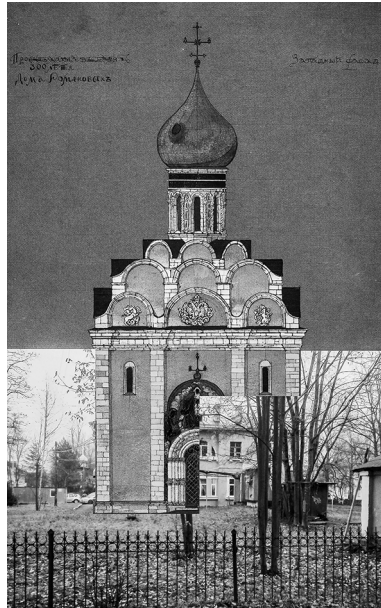
Хронология перестройки храма фиксируется документами ЛОГАВ²⁵. В протоколе заседания Президиума Детскосельского горсовета от 17 сентября 1930 г. постановлено: «Поручить Отделу местн. хоз. приступить к проектированию нового здания для пожарной команды в гор. Слуцке»²⁶. Вскоре, по-видимому, было решено не строить новое здание, а использовать недостроенный храм.

Выявленные документы опровергают дату постройки, зафиксированную в техническом паспорте, — 1932 год. Из постановления пленума Слуцкого горсовета от 27 марта 1934 г. мы узнаем о выделении средств на строительство Пожарного депо на 1933 и 1934 гг., при этом назначенный срок окончания строительства — 1 июля 1934 г.²⁷ 13 мая 1934 г. этот срок перенесли на 1/X-34 г.²⁸, при этом готовность объекта составляла 53%²⁹ (список оставшихся работ не свидетельствует о капитальном строительстве). Однако и этот срок оказался не соблюден. Пожарное депо было открыто 1 сентября 1935 г.³⁰

Еще одно подтверждение перестройки здания депо из храма дает его архитектурный и натурный анализ.

Наложение контуров храма на плане Павловска 1935 г.³¹ на современный план депо показывает их точное совпадение.

На тыльном фасаде, обращенном к ул. Васенко, выделяется по центру прямоугольный проем (отступ) на всю высоту здания,

Совмещение проектного чертежа с фотографией фасада современного здания. Совпадение портала и окон на двух этажах практически полное

на первом этаже в отступ врезано трехчастное прямоугольное окно, на втором — как бы продолжающее и венчающее его окно полуциркульное. Объяснение дает чертеж Л. А. Ильина, на котором по центру западного фасада находился заглубленный высокий портал, это же подтверждает наложение чертежа на современную фотографию.

На боковых фасадах на втором этаже находятся непропорционально вытянутые окна. Объяснение этому мы находим на эскизе Л. А. Ильина, где примерно на этом уровне находятся единичные вытянутые окна³².

При визуальном осмотре чердачного помещения видно, что кладка стен наружного периметра неоднородна: нижние доступные для обозрения слои кирпичей положены прочно и аккуратно, тогда как верхние, на которых лежат балки стропильной системы, — неровно, как будто после частичной разборки здания оставшиеся стены выравнивались кладкой более низкого качества с использованием надколотых кирпичей. Кроме того, на наружных стенах в местах сколов штукатурки и обнажений кирпичной кладки заметно, что кладка сделана качественно, на прочном известковом растворе, так же как в нижних слоях кладки стен периметра на чердаке.

При осмотре наружного периметра здания заметно, что цокольная лента из известняка почти на всем протяжении гладко отполирована, что позволяет сделать вывод о полном сохранении внешних стен храма за исключением апсид дверных проемов по боковым фасадам: видно, что они грубо прорублены в цокольной ленте после ее завершения, скорее всего, на месте квадратных окон, освещавших пещерный храм.

Естественный вывод: наружные стены пожарной части — это сохранившиеся стены храма Св. Троицы. Если судить по пропорциям храма в соответствии с чертежом Л. А. Ильина, то в настоящее время первоначальные стены сохраняются примерно на $\frac{1}{2}$ высоты, однако с учетом «пещерной» засыпанной части доля подлинных конструкций может оказаться еще больше.

Единственным неизвестным остается восточный фасад, обращенный к Конюшенной улице. При этом три полуциркульных окна на втором этаже, как и расположенные под ними трое

въездных ворот, позволяют предположить, что апсида была тройной и закрывала эти проемы.

Закономерно поставить вопрос о прототипе³⁵. В газете «Царскосельское дело» стиль храма назван «древнерусским времен Алексея Михайловича», в журнале «Зодчий» — «московским», Л. А. Симонов сравнивает Троицкий храм с храмом Христа Спасителя в Москве.

На мой взгляд, среди московских храмов, вдохновивших Ильина, следует назвать Успенский собор в Кремле, имеющий схожее оформление стен и окон, квадратных внизу и вытянутых вверху, живописную вставку над порталом, и кроме того пятерную абсиду, а также собор Казанской иконы Божией Матери на Красной площади, откуда заимствованы многоярусные закомары.

Примечания

¹ Церковь Святой Троицы см. в кн.: Мещанинов М. Ю. Храмы Царского Села, Павловска и их ближайших окрестностей. Краткий исторический справочник. СПб., 2000 (1-е изд.), 2007 (2-е изд.); Смирнов А. Краткая история Павловска. «Земля отчичи и дедови» // Павловск. Альманах. Павловск, 1994. Вып. 1. С. 45; Несин В., Сауткина Г. Павловск императорский и великокняжеский. 1777–1917. СПб., 1996. С. 205; Януш Б. В. Неизвестный Павловск. Последние владельцы. 1892–1917 гг. Историко-краеведческий очерк. СПб., 2006. С. 75–77; Раздобурдина Е. П. К истории строительства Храма Святой Троицы в Павловске // Константиновские чтения — 2013. С. 25–37.

² РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 200 (Дело о постройке в г. Павловске храма в память 300-летия царствования Дома Романовых. 1913). Л. 11.

³ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 18938 (О ходатайстве гвард. полковника Смирнова об отводе места в Дубовом саду под постройку храма в память 300-летия царствования Дома Романовых). Л. 1–3.

⁴ РГИА. Ф. 493. Оп. 3. Д. 18938. Л. 4, 5.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ Зодчий. 1913. № 27. С. 98.

⁹ В соответствии с изменениями, внесенными в закон об императорской фамилии Александром III, Иоанн Константинович и его братья были князьями императорской крови, а не великими князьями. А значит,

их не могли хоронить в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора Петропавловской крепости.

¹⁰ Русский паломник. 1913. № 29.

¹¹ На основе этой фотографии было выполнено современным художником цветное изображение, опубликованное в книге М. Ю. Мещанинова.

¹² ЦГАКФФД СПб. Е 13561. Серия полностью: Е 13560 — Е 13566.

¹³ В состав группы исследователей входили Д. О. Бохонский, С. В. Выжевский и М. Н. Зубрицкий.

¹⁴ Симонов Л. А. Воспоминания о Павловске. Машинопись из архива павловского краеведа К. Е. Иванова. Ныне хранится в фондах МИП.

¹⁵ Это важное наблюдение Л. А. Симонова позволяет возводить генезис идеи храма в Павловске не только к образцам «древнерусской» архитектуры, но и к работам К. Тона.

¹⁶ Обнаруженный исследователями Д. О. Бохонским и М. Н. Зубрицким.

¹⁷ ЦГА. Ф. Р-33. Оп. 4. Д. 192 (Переписка с милицией города Слуцка...). Л. 411.

¹⁸ Отдела коммунального хозяйства.

¹⁹ ЦГА. Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 1 (Протоколы заседаний Президиума Горисполкома). Л. 67.

²⁰ Януш Б. В. Воспоминания о старом Павловске // Воспоминания о старом Павловске / [под ред. С. Выжевского]. СПб., 2012. С. 49.

²¹ Куровская К. И. Историческая справка по возникновению и развитию левобережной стороны гор. Павловска. 1777–1916. 1958. С. 147. Архив МИП.

²² Машинописная справка о К. И. Куровской, составленная Н. И. Громоной. Архив МИП.

²³ Менгикова Л. Живая легенда // Царскосельская газета. 1995. 23 мая; собственноручная рукописная справка за подписью Н. В. Вейса о своей работе в Павловске от 10.10.1983 года. Архив МИП.

²⁴ Куровская К. И. Историческая справка по истории планирования и развитию г. Павловска в послереволюционный период 1917–1959 гг. 1959. Архив МИП.

²⁵ Выявлены исследователями С. В. Выжевским и М. Н. Зубрицким.

²⁶ ЛОГАВ. Ф. Р-3173. Оп. 1. Д. 127 (Протоколы заседаний Детскосельского городского совета. Сентябрь 1930 — декабрь 1931 г.). Л. 366.

²⁷ ЛОГАВ. Ф. Р-3173. Оп. 1. Д. 678 (Протоколы заседаний Слуцкого городского совета. Сентябрь 1933 — октябрь 1934 г.). Л. 111, 116.

²⁸ Там же. Л. 101 об.

²⁹ Там же. Л. 104–106.

³⁰ ЛОГАВ. Ф. Р-3173. Оп. 1. Д. 1044 (Протоколы заседаний Слуцкого горсовета (в копиях). Январь-декабрь 1935 г.). Л. 86–88.

³¹ План г. Павловска. Составлен по 1:5000 съемке АПО Ленсовета 1935 г.

³² Возможное назначение этих окон — освещать лестницы, ведущие в верхний придел храма.

³³ Все авторы, начиная с 1996 г. — В. Н. Несин, Г. Н. Сауткина, М. Ю. Мещанинов, Б. В. Януш — сравнивали Троицкий храм в Павловске с известным храмом Покрова на Нерли, что говорит о том, что им было известно лишь нечеткое изображение храма из журнала «Русский паломник».

МАГАЗИН ГВАРДЕЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

В ЦАРСКОМ Селе сохранилось много зданий, мимо которых трудно пройти не залюбовавшись. Одно из них находится по адресу: Павловское шоссе, дом 4.

В начале XX в. в Санкт-Петербурге было образовано Гвардейское экономическое общество, вступить в которое могли гвардейские и флотские офицеры. Жалованье в русской гвардии было невелико. Офицеры петербургского (столичного) гарнизона, не имевшие иных доходов, нуждались в отдельных магазинах особенно. Задачей учрежденного общества было доставлять своим потребителям необходимое для них обмундирование, снаряжение, обувь и белье вполне хорошего качества по возможно низким ценам.

В 1908–1909 гг. в Петербурге на углу Большой Конюшенной улицы и Мошкова переулка для магазина Гвардейского экономического общества было построено здание, при сооружении которого был впервые применен железобетонный каркас. Но не все гвардейские офицеры пользовались магазином. «У гвардейских щеголей хорошим тоном считалось сшить себе мундир у знаменитых петербургских „военных портных“. Особенно большое внимание уделялось такой, казалось бы, безделице, как шпоры»¹. Конечно, в этом магазине был большой выбор шпор — никелевых и серебряных, гусарских и кирасирских, прямых и загнутых кверху, шпор «бульдогов», шпор на ремнях. «Но ни одни шпоры в мире не могли сравниться с настоящими „савельевскими“ по „благородству“ своего звона, а звук шпор в то далекое время был очень красноречив»². Петр Савельевич Савельев нашел секрет изготовления шпор, имевших сильный и мелодичный звон. «Савельевские» шпоры служили у гвардейских офицеров знаком изысканного вкуса.

Вскоре филиалы гвардейского универмага открылись в Гатчине, Петергофе, Красном Селе и Царском Селе, где размещались лагеря и казармы частей петербургского гарнизона.

здания для нужд отделения общества на означенном участке. При сем прилагается 9 формат-чертежей. Председатель правления: генерал-майор (подпись). Заведующий делопроизводства: полковник Муромцев. 15 марта 1911 года»⁴.

В дальнейшем Дворцовое правление отправляет документы под «...контроль [Министерства императорского двора] для рассмотрения в техническом отношении и дальнейшего направления на утверждение представлений Правления Гвардейского экономического общества проект постройки каменного двухэтажного с подвальным помещением здания на предоставленном обществом с Высочайшего соизволения, последовавшие 27 день сентября 1910 года, военное пользование на 36-летний срок под возведение зданий для надобностей Царскосельского отделения названного общества на участке дворцовой земли из состава Императорского отдельного парка в городе Царском Селе по Павловскому шоссе. Приложение: отношение правления Гвардейского экономического общества от 15 марта 1911 года за номером 48. Полковник (подпись) князь Путятин. Делопроизводитель (верно) Курбатов»⁵.

Постройкой домов, их расположением вдоль дороги занимается и дорожный отдел Санкт-Петербургской губернской управы, куда 31 марта 1911 г. поступают соответствующие документы. Дорожный отдел, в свою очередь, посылает их архитектору Сильвио Данини в Дворцовое управление: «По имеющимся в управе сведениям, на полосе земли, прилегающей к Большому Павловскому шоссе (третья верста 1 сотка) предположена постройка магазина экономического общества гвардейских офицеров, с каковой целью в настоящее время на площади шоссе обреза выстроена временная постройка. Напоминаю, что ширина придорожной полосы Большого Павловского шоссе имеет 30 сажень, и что в пределах этой полосы застройка обреза воспрещена законом (ст. 564 Устава путей сообщения и последовавшим в 1903 году разъяснением этой статьи правительствующем Сенатом). Губернская управа считает необходимым довести о сем до сведения Дворцового управления и со своей стороны указать, что предложенная постройка магазина может быть возведена за пределы шоссе обреза и не ближе как по линии последнего»⁶.

Архитектор Данини указывал, что при этом не было никаких ограничений в праве застройки придорожной полосы в районе от Волхонской улицы до оврага у большого столба. 13 апреля 1911 г. документы проходят и через Ведомство путей сообщения. Судя по датам, все документы согласовываются быстро. «Дворцовое управление не препятствует возведению дома при следующих условиях: 1) чтобы сточные воды из дома под литер А не были выпущены в старую городскую канализацию Царского Села и чтобы одновременно с его возведением дом этот был присоединен правлением для отвода стоков к вновь устроенной в городе канализационной сети для удаления нечистот; 2) чтобы до приступа к работам по возведению дома под литер А правлением были представлены подробные расчеты перекрытия помещения этого дома»⁷.

Все эти требования были учтены: «Архитектору Дворцового управления Баху. Правлению Гвардейского экономического общества разрешено построить по представленному проекту каменный двухэтажный, с подвальным помещением дом с выполнением требования по стоку воды. 25 августа 1911 года»⁸.

Затем Дворцовое управление сообщает полиции, что Гвардейскому экономическому обществу разрешено произвести

Почтовая открытка. До 1917 г.

и установить для ограждения участка решетки по утвержденным чертежам. К концу октября 1911 г. полностью утверждается проект хозяйственных построек: 1) одноэтажного, частично каменного (для конюшни и конюхов), частично деревянного (сарай и навес) здания; 2) каменного, осыпанного землею ледника.

Много листов занимают расчеты перекрытий помещения дома. Рассчитаны каждый слой перекрытия в пудах, вес 1 кв. м бетонного перекрытия с балконом, кирпичного, пробкового, плиточного пола, паркета или дощатого пола, нагрузка на кв. м — 400 кг для 1–2 этажей, для 3 этажа — 152 кг на кв. м, учтены чердачные перекрытия и колонны в торговом зале.

Известно мнение императрицы о проекте здания, высказанное ею в письме к А. И. фон Гогену в мае 1911 г.: «Государь и я находим рисунок очень некрасивым и недостаточно простым»⁹.

В связи с этим здание в Царском Селе предложили возвести в едином стиле с недавно сооруженными постройками, а именно: Школой нянь, Домом призрения увечных воинов, Императорским гаражом и дворцом его императорского высочества великого князя Бориса Владимировича. Действительно, в конце XIX — начале XX в. в Царском Селе было построено много красивых зданий. Только по проектам С. Данини было сооружено или перестроено более десятка зданий.

Проект всё дорабатывается (появляются и красивая крыша, и украшение внешних стенок верхних этажей фахверком), а здание строится. За работами наблюдал военный инженер, полковник И. Л. Балбашевский. «Фасады частью облицованы красно-коричневой керамической плиткой, частью оштукатурены. Второй этаж и мансарды декорированы под фахверк. Ввиду значительного перепада рельефа со стороны парка устроен высокий полуподвал. На северную сторону к Новопавловской дороге обращено широкое крыльцо-терраса, которое украшала кованая ограда. Территория была обнесена оградой с двумя воротами, ведущими внутрь двора»¹⁰. Здание магазина Гвардейского экономического общества вытянуто в глубину парка, а на Павловское шоссе оно выходит своим узким торцом.

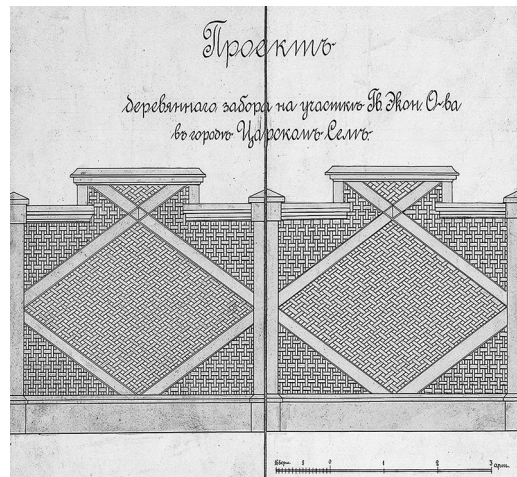
В саду, спускающемся к Отдельному парку, был построен ледник. За ним — одноэтажный служебный флигель, в левой половине которого размещались лошади, а в правой жили ям-

щики. Есть отдельное решение по печной трубе в жилой части флигеля.

Предполагалась и установка забора — решетки перед конюшней, чтобы эта постройка не просматривалась с Новопавловской дороги, по которой ездили на музыкальные вечера в Павловск. Строительство зданий было закончено к 1914 г. Здание было электрифицировано¹¹.

Управляющим Царскосельского отделения Гвардейского экономического общества был Карл Карлович Чапин (Чаппин, Чаппе)¹², который вместе с семьей жил в здании магазина. На южной стороне дома есть вход (черный) и лестница, идущая до третьего этажа. Там располагались комнаты правления и помещения для проживания некоторых сотрудников.

В октябре 1918 г. история Гвардейского экономического общества завершилась национализацией и разграблением. Попытки организовать военный потребительский кооператив не имели успеха. Здание использовалось сначала как магазин «Фронтвик»¹³, некий вариант Военторга для 16-й Волжской дивизии имени товарища Киквидзе. Затем был магазин Военно-потребительского общества военнослужащих Ленинградского военного округа. К. К. Чапин от работы был отстранен, он заведовал кузницей 56-го дорожно-строительного участка. 5 декабря 1937 г.

Проект деревянного
забора вдоль
Новопавловской
дороги. РГИА. Ф. 485.
Оп. 3. Д. 953. Л. 2

Заведующий магазином
К. К. Чапин

был арестован и 3 января 1938 г. расстрелян в Ленинграде¹⁴.

В тридцатые годы в этом здании находилась контрольно-семенная станция. Известно, что в России первую станцию для испытания семян основали в 1877 г. в Петербурге при Главном ботаническом саде. Позднее контрольно-семенные станции создаются в разных районах России, и к 1917 г. их становится около 50.

Во время войны и оккупации в доме Гвардейского экономического общества была расквартирована испанская дивизия, которая в 1943 г. была переведена в другое место.

В конце января 1944 г. город освободили.

В 1945 г. здание было передано ВИЗРу (Всесоюзному институту защиты растений) для восстановления после оккупации и дальнейшего использования его в качестве научной базы. Первым директором базы и человеком, возродившим здание, был Пантелеймон Федорович Менде.

Директор ВИЗР
П. Ф. Менде

Как известно, после войны средств на восстановление явно не хватало, строительных материалов не было. Очень многое — трубы, отопительные батареи, рамы для окон и парников, доски — собирали в еще более разрушенных домах. Из «механизованного парка» были старенькая полуторка и лошадь. И уже через год в доме можно было хоть как-то жить и работать. Рабочие и служащие, в основном вдовы с детьми, очень плотно заселили все помещения, в том числе и подвал. Еще через год наладили паровое отопление.

Внешне здание было восстановлено в полном соответствии с проектом. Также были приведены в порядок флигель, ледник, решетка парадного крыльца, ограда и все ворота.

Успешно проводилась научная работа и по мере восстановления лабораторий расширялась. Ученые внесли существенный вклад в развитие науки и практики защиты растений от вредителей в нашей стране. На основе разработок института и при его непосредственном участии были взяты под надежный контроль особо опасные виды вредителей и возбудителей заболеваний растений.

Фотография 1947 г.

В 1960-е гг. для научных работ были построены две оранжереи, своим обликом напоминающие неоклассические садовые павильоны. Оранжереи, в одной из которых был сохранен ледник, использовались для выращивания опытных образцов.

Для научной работы по защите растений требовалось расширение помещений. В 1970-е гг. для ВИЗРа построили здания на шоссе Подбельского вблизи платформы «21 км».

Для дома по Павловскому шоссе, памятника архитектуры, после 1974 г. наступили тяжелые времена. Здание передали Всесоюзному институту растениеводства им. Н. И. Вавилова, у которого был целый комплекс лабораторий в зданиях усадьбы великого князя Бориса Владимировича около Колонистского пруда. Видимо, средств на еще один памятник у ВИРА не хватало, и здание начало разрушаться. Требовавшие ремонта ворота и ограда сада были заменены на примитивные решетки. Превратились в руины ненужные ВИРу оранжереи вблизи дома и флигель.

Еще более тяжелые времена начались с 1990-х гг. Лаборатории постепенно пустели, так как сокращалась научная работа, ВИР начал сдавать помещения в аренду: сначала подсобные помещения, потом и лабораторные. Некоторое время в тех самых помещениях гвардейского магазина работал магазин строительных материалов. Внутри здания со стороны парадного крыльца (с Павловского шоссе) сохранился вестибюль высотой в два этажа, который украшает широкая лестница, ведущая на второй этаж. Кое-где в доме сохранились медные ручки и изящные задвижки на окнах. Недолго работала гончарная мастерская, затем пивной бар (вход с Новопавловской дороги), и он, вероятно, «виноват» в ухудшении состояния ограды крыльца: она мешала установить дополнительные столики для посетителей и поэтому была почти вся снята и... вскоре бесследно исчезла.

В 2010 г. очередным арендаторам удалось восстановить внешний облик оранжерей, чтобы использовать их под летнее кафе, но проработало оно недолго. Оранжереи снова были заброшены, полуоткрыты. Шпиль, украшавший одну из башен, рухнул.

К 300-летию Царского Села город обязал ВИР сделать косметический ремонт дома. Были покрашены две с половиной стены, видимые с Павловского шоссе. При покраске (без ремонта!) с крыши исчез бронзовый шар с лежащего на ней шпиля.

После войны, тяжелейшей войны, нашлись и люди, и силы, обеспеченные поддержкой властей, на полное восстановление здания в первоизданном виде. А нынче здание разрушается...

Уже десятки лет жители четырех квартир этого дома привлекают внимание к проблемам здания, постоянно ведут борьбу за него, но никаких положительных сдвигов нет.

Дом № 4 по Павловскому шоссе в Пушкине является памятником архитектуры регионального значения и состоит на учете ВООПИиК Санкт-Петербурга.

Несмотря на все пока что незначительные разрушения, это здание по-прежнему привлекает внимание и украшает наш город.

Примечания

¹ Вареник О. Савельевские шпоры // Санкт-Петербургские ведомости. 2013. 1 февраля. С. 5.

² Там же. С. 5.

³ Семенова Г. Царское Село: знакомое и незнакомое. М., 2009. С. 165.

⁴ РГИА. Ф. 487. Оп. 4. Д. 710 (О разрешении Гвардейскому экономическому обществу возведения построек на сданном ему в аренду участке земли. 1911–1914). Л. 1.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ РГИА. Ф. 487. Оп. 4. Д. 710. Л. 7.

⁸ Там же. Л. 8.

⁹ Семенова Г. Царское Село. С. 166.

¹⁰ Семенова Г. В. Отдельный парк // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга. СПб., 1997. Вып. 4. С. 123.

¹¹ РГИА. Ф. 487. Оп. 5. Д. 1664 (О разрешении царскосельским домовладельцам устройства электрического освещения в их домах. 1912 г.). Л. 124.

¹² Штенгель М. П. Здание магазина Гвардейского экономического общества // Царскосельский краеведческий сборник. СПб., 2012. С. 154–157.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 132. Оп. 11. Д. 20 (Лицевые счета абонентов г. Детского Села на 1923–1924 гг.). Л. 163.

¹⁴ Штенгель М. П. Здание магазина Гвардейского экономического общества. С. 154–157.

ЗАБЫТЫЙ КУПЕЧЕСКИЙ ОСОБНЯК В ЦАРСКОМ СЕЛЕ. ИЗ ИСТОРИИ РОДА КОКОРЕВЫХ

ЕГО жизнь и судьба необыкновенны, о таких людях говорят, что они прожили три жизни в одной. Простое перечисление его инициатив, дел и достижений поражает воображение: Волжско-Каспийское пароходство, первый в России нефтеперерабатывающий завод, железные дороги, банки, помощь голодающим, поддержка отечественной науки. Василий Александрович Кокорев не только много делал для России, но и много размышлял о своей стране и ее будущей судьбе. В публицистических работах выдвигал свои проекты реформ. В самой известной из них — «Миллиард в тумане» — он сформулировал план выкупа крестьян с помощью капитала специально созданного частного банка. Слава Кокорева была настолько велика в народе, что после отмены крепостного права в 1861 г. многие крестьяне утверждали, что их «не царь освободил, а сам Кокорев выкупил»¹.

В. А. Кокорев был большим ценителем и собирателем живописи — в его собрании было свыше 500 картин: Брюллов, Айвазовский, Левицкий и многие другие выдающиеся русские художники XIX в. Неудивительно, что именно Василий Кокорев 26 января 1862 г. открыл в Москве первую публичную художественную картинную галерею. Однако в середине 1860-х гг. финансовые трудности заставили владельца продать коллекцию. Основная часть собрания — 166 произведений русских мастеров — была приобретена Министерством императорского двора для размещения их в Александровском дворце Царского Села. Так впервые возникла связь между коллекцией А. В. Кокорева и Царским Селом.

В 1897 г. около 70 произведений живописи были переданы во вновь учрежденный Русский музей Императора Александра III. Остальные произведения остались в Царском Селе и вошли в коллекцию Екатерининского дворца-музея².

У Василия Александровича Кокорева была большая семья: жена — Вера Ивановна Кокорева, четверо сыновей и три дочери. Гигантское состояние В. А. Кокорева перешло по наследству к старшему сыну Александру, который после смерти отца обосновался в Царском Селе. Именно для него в 1902 г. придворным архитектором С. А. Данини был построен особняк на Московской улице, 55. По архивным документам можно проследить всю историю создания знаменитой усадьбы.

История участка на Московской улице

Московская улица была проложена в 1808 г. в соответствии с градостроительным планом, разработанным архитектором В. И. Гесте. До этого времени территория исследуемого участка не была освоена. Согласно плану Гесте земля вдоль прокладываемых улиц была разделена на участки, получившие сквозную нумерацию. Рассматриваемая территория получила номера 152, 153 и 154.

Участки 153 и 154 с самого начала были единым владением. Первые постройки на этих участках были деревянные и одноэтажные, выполненные по образцовым проектам архитектора Вильяма Гесте. В РГИА сохранились фиксационные чертежи домов 153 и 154. С 1809 по 1814 г. участки принадлежали генерал-лейтенанту графу Ивану Александровичу Апраксину. В августе 1814 г. он продал владение надворному советнику Ниротморцеву, который впоследствии передал дома коллежской асессорше Зиновьевой³.

С 1830-х до 1901 г. участок с домами принадлежал семье Дурасовых. В 1832 г. оба дома, 153 и 154, были собственностью действительной статской советницы Александры Дурасовой. Те же деревянные жилые дома с воротами и калитками между ними находились на участке в 1852 г. На плане участка того времени показана планировка двора и сада с извилистыми дорожками вокруг пруда, цветником в правой части и мостиком. Согласно атласу Н. И. Цылова, в 1857 г. владельцем этого участка был Федор Алексеевич Дурасов⁴. Через два года новым собственником стал его сын — Петр Федорович Дурасов, камер-юнкер двора его императорского величества, надворный советник. На участке 153 на месте деревянного здания для него был построен каменный дом

по проекту А. Ф. Балашова. О его наружном облике мы можем судить по сохранившимся авторским проектным чертежам.

В начале XX в. владельцами дома были сыновья и дочь П. Ф. Дурасова — штаб-ротмистр Сергей Петрович, корнет Николай Петрович и Александра Петровна Дурасовы⁵.

Участок с домом 152 со времени постройки здания занимал сам архитектор В. И. Гесте с семьей. Дом был передан ему в собственность в 1816 г. за службу в должности архитектора и находился во владении семьи Гесте до 1857 г., после чего был продан родной сестрой архитектора Изабеллой Пендри статскому советнику Владимиру Васильевичу Купферу. В 1871 г. для последнего был построен деревянный двухэтажный дом (к сожалению, не сохранился).

История этого дома была связана также с именем замечательного русского поэта Николая Степановича Гумилёва. Его семья приобрела двухэтажный деревянный дом на Московской улице с садом и флигелями в 1887 г. Здесь прошло детство братьев Коли и Мити. Осенью 1895 г. Гумилевы переехали из Царского Села в Петербург⁶.

В 1901 г. участок Дурасовых 153 и 154 приобрел купец 1-й гильдии Александр Васильевич Кокорев. В 1902 г. им же был приобретен и соседний участок 152. Сразу после покупки владения А. В. Кокорев поручает перестройку каменного дома придворному архитектору С. А. Данини.

«Обитель прокаженного» в Царском Селе

В 2018 г. исполнилось 170 лет со дня рождения и 110 со дня смерти А. В. Кокорева. К сожалению, его портретов, фотографий, иных изображений найти не удалось. Ни один исторический документ не сохранил информации о точной дате его рождения. Однако, согласно надписи на надгробной плите, умер он в 1908 г., в возрасте 60 лет. «Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Твое. Александр Васильевич Кокорев скончался 25 августа 1908 года в 4 часа о полудни 60 лет от роду», — гласит надпись на надгробии семейного захоронения Кокоревых на Малоохтинском старообрядческом кладбище в Петербурге.

Александр Васильевич, как и его отец, был старообрядцем и купцом 1-й гильдии. А. В. Кокорев унаследовал огромное бо-

гатство и страсть к коллекционированию. Главное отличие его собрания от собрания отца — оригиналы висели вперемежку с копиями. Александр Васильевич сам покупал произведения искусства. Но в отличие от отца, приобретавшего первоклассные работы, сын выбирал вещи салонные, прежде всего эффектные, нередко большого размера, но не самого высокого художественного уровня⁷.

В 1901–1904 гг. архитектор С. А. Данини перестраивает для Кокорева существующий дом под роскошную городскую усадьбу с оградой и отдельно стоящим флигелем. В течение 1901 г. был сделан ремонт помещений, выполнена отделка интерьеров, о чем свидетельствуют фотографии, датированные 1901 годом. В том же году был перестроен одноэтажный флигель-пристройка на границе участка, в котором была устроена столовая со световым фонарем⁸. В 1902 г. строительные работы продолжались: были возведены одноэтажная пристройка с подвалами к лицезовому корпусу со стороны двора и одноэтажная пристройка для зимнего сада вдоль восточной границы участка. Перестройка и отделка интерьеров были выполнены в том же году, о чем свидетельствуют надписи рукой С. Данини на фотографиях

Фотография начала XX в.

интерьеров этой части здания: «Построено в 1902 г.»⁹. К 1904 г. все основные пристройки были завершены.

«Нарядные фасады облицованы полихромным кирпичом с преобладанием белого тона. Детали архитектурного декора — сандрики, оконные проемы, карнизные тяги, орнаментальные фризы, выемки на углах ризалитов и откосах оконных проемов, филёнки на садовом фасаде — выполненные из фигурного кирпича. Вход, находящийся в боковом одноярусном выступе на лицевом фасаде, оформлен фигурным козырьком, конструкции которого выполнены в форме сложной орнаментально-декоративной композиции из кованого металла. На втором этаже над входом имеется балкон с кованой решеткой. Со стороны сада к дому пристроен одноэтажный корпус зимнего сада, перекрытый световым фонарем в виде полуциркульного свода, декорированного орнаментальным поясом из кованого металла. К лицевому фасаду примыкает высокая каменная ограда с кованой решеткой ажурного рисунка наверху (она полуразрушена, решетка частично утрачена). Кованой невысокой оградой обнесен уступ фасада рядом с входной дверью. В таком же стиле была воздвигнута и высокая ограда из специально заказанного фигурного кирпича. Она отделяла усадьбу от улицы. По длине ограды через каждые шесть метров в ту пору были установлены пилястры, завершающиеся островерхими башенками, соединенными коваными металлическими решетками»¹⁰.

В архитектурном облике здания были использованы приемы, характерные для модерна начала XX в. Одновременно с перестройкой дома был оформлен сад сложной планировки. В центре сада была разбита клумба со скульптурами в центре и вазами по углам. Центральная аллея была ориентирована на одну из осей дворового фасада здания — на крыльцо входа в оранжерею. На ней были высажены лиственницы. Аллея и дорожка вокруг клумбы были оформлены живой изгородью из вьющихся растений. В северной части сада располагался стеклянный павильон, в котором находилось чучело слона. Возможно, что это было чучело настоящего слона, жившего в Александровском парке и умершего 23 сентября 1902 г. «от паралича сердца». Сад был насыщен декоративными предметами, здесь находилась бронзовая скульптура Гермеса, покрови-

теля торговли, гипсовые гномы и фигуры сидящих африканцев в натуральную величину. Сегодня от старого сада сохранились лишь несколько деревьев, к сожалению, его планировка полностью утрачена.

Согласно сохранившимся фотографиям, интерьеры особняка отличались богатым убранством, повсюду царил эклектика. Когда дом был завершен и полностью обставлен, Данини заказал подробную фотофиксацию всего здания. Особняк был запечатлен на 46 фотографиях большого размера, выполненных на высоком профессиональном уровне. Все фотографии хранились в семье потомков Данини.

Выстроив дом и роскошно обставив его, владелец прожил здесь всего семь лет. Ко времени переезда в Царское Село он был болен лепрой (проказой), и это вынуждало его жить в полном уединении. По всей видимости, страшная болезнь владельца стала причиной того, что после смерти А. В. Кокорева в 1909 г. усадьбу — «обитель прокаженного» — оказалось практически невозможно продать. Она долго пустовала. Во время Первой мировой войны в усадебном доме был открыт госпиталь. Этот период отражен только на двух фотографиях, хранящихся в личном архиве А. В. Козлова.

По данным материалов ПИБ (Проектно-инвентаризационное бюро), в 1929 г. здание занимал интернат отдела народного

Современная фотография

образования, затем, в 1930 г., — детский сад учебного комбината и школа № 5, а позже — дом партпросвещения. Богатые интерьеры, созданные к 1904 г., были утрачены постепенно. К 1929 г. сохранились фрагменты внутренней отделки: в акте ПИБ от января 1929 г. отмечается наличие полотняных обоев в хорошем состоянии, мраморных деталей отделки, сводчатых потолков¹¹.

В 1940 г. в здании разместилась Ленинградская областная школа повышения квалификации колхозных работников. Во время Великой Отечественной войны подвалы дома использовались местным населением в качестве бомбоубежища. Здание сильно пострадало, перекрытия обрушились. Согласно акту обследования состояния зданий на участке от 25.09.1945 г., здание под литерой «А» представляло собой каменную коробку¹².

В 1958 г. главный усадебный дом был передан Сельскохозяйственному институту, позднее — восьмому корпусу Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. При ремонте здания были сделаны новые перекрытия и заново выполнена отделка интерьеров¹³.

В 1986 г. в доме находилось общежитие № 5 Ленинградского сельскохозяйственного института (ЛСХИ). В 2000-е гг. у здания было много арендаторов. В разное время здесь размещались и российско-итальянский центр культурного сотрудничества, и местное отделение партии «Справедливая Россия». Несколько лет на втором этаже располагался интересный музей быта коллекционера Ивана Фоминых¹⁴.

С 2002 г. в усадьбе разместился гуманитарно-педагогический факультет Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (СПбГАУ). В 2003 г. здание было отремонтировано. Администрация, преподаватели и студенты аграрного университета торжественно отпраздновали 100-летие постройки здания, приняв решение об устройстве в здании музея архитектора Сильвио Данини. На официальной части мероприятия присутствовал правнук архитектора А. В. Козлов. Он отметил, что это будет первый в стране музей С. Данини, и подарил фотографию прихожей особняка, такой, какой она была при А. В. Кокореве¹⁵.

Горько читать теперь эти строки, ибо идея так и осталась без воплощения. К 300-летию Царского Села особняк выста-

вили на продажу. В 2011 г. здание с участком общей площадью 0,5775 гектара было приобретено на аукционе ЗАО «Корпорация Петрострой». В настоящее время в здании располагается столовая для иностранных туристов.

Примечания

¹ Предпринимательство и предприниматели России: от истоков до начала XX века. М., 1997.

² Козлов А. В., Столбова Е. И. Кокоревская галерея и Царское Село // Судьбы музейных коллекций: Материалы VII Царскосел. науч. конф. СПб., 2001. С. 52–60.

³ РГИА. Ф. 487. Оп. 4. Д. 635 (О разрешении царскосельским домовладельцам возведения построек на принадлежащих им дворовых местах, а также и на производство ремонтов. 1903 г.).

⁴ РГИА. Ф. 485. Оп. 3. Д. 785 (Проект постройки и последующей перестройки дома А. Дурасовой на Московской улице в Царском Селе. Фасад дома, план двора. Архитектор Н. С. Никитин. 1830 г.).

⁵ РГИА. Ф. 487. Оп. 4. Д. 635.

⁶ Барановский А. Дом Кокорева // Царскосельская газета. 1996. 23 января. № 20.

⁷ Козлов А. В., Столбова Е. И. Кокоревская галерея и Царское Село. С. 52–60.

⁸ Козлов А. В. Сильвио Данини: материалы к творческой биографии. СПб., 2010.

⁹ Там же.

¹⁰ Семенова Г. В. Царское Село: знакомое и незнакомое. М., 2009. С. 336.

¹¹ Архив ПИБ. Акт технического состояния строения литера А от 14.01.1929 г.

¹² Архив ПИБ. Акт обследования состояния зданий на участке от 25.09.1945 г.

¹³ Барановский А. Дом Кокорева.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Д. В. Козлов

ЖИЗНЬ — ГОРЕНИЕ: СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ
РЕВОЛЮЦИОНЕРА В. О. ЛИХТЕНШТАДТА
(МАЗИНА) (1882–1919)

Дрова горят, животные горят,
человек горит, всё горит, а между
тем не сгорает.

Сжигают леса, а растительность
не уничтожается; исчезают поколе-
ния, а человечество живёт.

К. А. Тимирязев. Жизнь растения

ЕСЛИ захоронения главного советского некрополя — кладбища у Кремлёвской стены описаны подробно¹, то информации, рассказывающей о людях, упокоившихся на первом в стране коммунистическом пантеоне на ставшем тогда площадью Жертв Революции Марсовом поле, меньше. Отчасти это объясняется участием отдельных из них в оппозициях, близостью ко впоследствии репрессированным лидерам. Отчасти наследием недавнего прошлого: перестройки и 1990-х, когда на место сталинистских и ревизионистских амальгам и наслоений развенчатели культа личности и поборники правды истории тут же нагромодили конгломерат своих фальсификаций. Печальная судьба получить подлый удар в спину, погибнув не за други своя, а став жертвой внутренней реакции, была уготована авторам некрологов Мазина: ещё одному шлиссельбургскому узнику совести Илье Ионову (1887–1942) и командиру его 6-й стрелковой дивизии Иосифу Флиору (1892–1938).

Владимир Лихтенштадт родился в 1882 г. в образованной еврейской семье. Отцом его был статский советник Иосиф Моисеевич Лихтенштадт (1842–1896) — судебный деятель и литератор. В некрологе члена Новгородского окружного суда говорилось: «Не чужд он был и литературной деятельности, которой отдавал свои небольшие досуги, участвуя с половины 70-х годов своими статьями в специальных юридических изданиях, а в последние годы и в общей периодической печати...»². Мать его

Марина Львовна Лихтенштадт (урожд. Гроссман) была достаточно известным переводчиком. Участница «Народной воли», она намного пережила супруга. Скончавшаяся в 1937-м, пережила она и своего сына, погибшего на фронте Гражданской войны. Друг Мазина писатель Виктор Серж (В. Л. Кибальчич) писал: «в её бедном доме царил доверительная атмосфера культуры, работы и честности, в которой ребёнок вырос и сделался силен духом»³. Владимир смог получить хорошее образование в С.-Петербургском университете, продолжив затем обучение в Лейпцигском.

9 января 1905-го он становится свидетелем трагических событий на улицах столицы. Вздурораженный произошедшим, помогает литератору и деятельнице женского движения Любови Яковлевне Гуревич в составлении и распространении бюллетеня с описанием событий дня; «под впечатлением 9 января всецело отдался революционной деятельности», как напишет она сама⁴. Лихтенштадт примкнул к радикальному крылу эсеров, эсерам-максималистам. С марта 1906-го официальной издательницей Владимира становится Мария Михайловна Звягина, также переводчица, близко знавшая М. А. Волошина и Н. С. Гумилёва. Познакомились будущие супруги ещё осенью 1904-го.

Он участвовал во взрыве столыпинской дачи 12 августа 1906 г. Акцию осуществила образовавшаяся весной т. г. петербургская организация «Союза социалистов-революционеров максималистов». Покушение на Столыпина имело большой общественный резонанс, стало одним из самых известных террористических актов, совершённых в России. Илья Ионов назвал эту акцию «Первым крупным протестом против реакции того времени...»⁵. В результате мощного взрыва на даче П. А. Столыпина погибли и пострадали более шестидесяти человек. Тем самым эсеры пытались поднять уже спадающую волну революции⁶.

После 12 августа в ведении Лихтенштадта находились все технические средства организации максималистов, и он распределял их по требованию организации, в частности доставил снаряды и револьверы для дела 14 октября⁷. Экспроприация 14 октября 1906 г. в Фонарном переулке, где эсерами-максималистами была похищена большая сумма денег, также получила отклик в обществе. Несмотря на то что вооружённое нападение

было относительно удачным, последовавшие аресты петербургской организации фактически привели к её разгрому. Уже через несколько часов был арестован Владимир.

Взрыв на Аптекарском был использован как формальный повод к введению военно-полевых судов, судов скорых и неправых. К моменту суда над Лихтенштадтом в августе следующего года деятельность их уже была свёрнута. Одним из обстоятельств, спасших ему жизнь, было то, что предполагали: заранее предreshённый смертный приговор по делу о взрыве столыпинской дачи перекроет дело об ограблении инкассаторов, и роль Лихтенштадта во втором следствии детально не была исследована⁸. Кроме того, ему, по-видимому, удалось запутывать следствие и тянуть время. 21 августа 1907-го уже в С.-Петербургском военно-окружном суде слушалось дело Владимира Лихтенштадта, обвинявшегося в пособничестве производству взрыва на Аптекарском острове. Суд вынес приговор: смертная казнь через повешение. Приговор военно-окружного суда должен был утверждаться командующим войсками гвардии и Петроградского военного округа вел. кн. Николаем Николаевичем-мл. Временно исполнял должность его заместитель, знакомый семье генерал М. А. Газенкампф, который смягчил приговор, заменив на вечную каторгу. Большую роль в этом сыграли арестованные вместе с ним мать и жена; через полгода после ареста 15 марта 1907 г. они были освобождены «за недостаточностью улик». Марина Львовна становится создателем группы помощи политическим заключённым Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, ставшей частью так наз. политического Красного Креста.

В марте 1908 г. Владимира переводят в Шлиссельбургскую тюрьму. Ионов напишет: «Лучшую часть своей жизни он провёл вне жизни»⁹. В заключении пользовался авторитетом среди политических и уголовных. Именно в неволе Лихтенштадт ознакомился с работами теоретиков марксизма, перейдя на позиции социал-демократии, переводил книги с французского и немецкого языков, среди которых «Искания рая» Бодлера, «Пол и характер» Вейнингера, «Единственный и его достояние» Штирнера. Эти переводы были изданы до 1917 г. Неоднократно переиздававшийся перевод Гёте вышел уже после трагической

гибели, в 1921 г.¹⁰ Его ждёт ещё одно испытание: в 1915-м от него ушла жена. Однако они сумели сохранить хорошие отношения. В 1996 г. в альманахе «Минувшее» были опубликованы фрагменты писем Лихтенштадта к Марии Михайловне¹¹.

Свободу Лихтенштадт обрёл благодаря Февральской революции. Вышел из тюрьмы он уже марксистом и после освобождения примкнул к меньшевикам. Поначалу вместе с И. П. Жуком входил в состав ревкома Шлиссельбургского уезда. Хотя в день вооружённого восстания в Петрограде 25 октября 1917 г. Лихтенштадт был в Смольном, Октябрьский переворот на первых порах не принял, считая его авантюрой¹². В дальнейшем эволюционировал в своих взглядах влево.

В апреле 1918-го происходит национализация имений Ульянка и Александрина, принадлежавших А. Д. Шереметеву. В июне они передаются Всероссийскому союзу городов помощи больным и раненым воинам, где работал Лихтенштадт. Он назначается заведующим имениями и управляющим артелью огородников «Новь». В бывшем имении Ульянка открывается детская колония для сирот и детей из бедных семей, получившая название Детский городок, в ноябре при ней была организована Трудовая школа в соседнем Александрине, после того как трудовая артель «Новь» Союза городов прекращает там своё существование. Наконец, в начале 1919-го детгородок стал называться Школьным посёлком «Новь» им. Розы Люксембург.

В конце 1918 — начале 1919 г. в жизни Владимира Осиповича происходят два события. После Ноябрьской революции в Германии его отношение к большевикам меняется. «В жизни я слепо прошёл мимо жизни»¹³. Переосмыслив жизнь, он задумывается о вступлении в партию, куда был вскоре принят, и о действующей армии, решив стать «солдатом большевизма»¹⁴. И второе событие: меняет фамилию. Что до товарища Лихтенштадта по шлиссельбургской тюрьме Антона Мазина, имя которого после гибели он взял в качестве псевдонима, то сведений о нём очень мало. «За памятью о Владимире Осиповиче Мазине, — писал Виктор Серж, — скрывается великий силуэт предшественника, это Антон Мазин, о котором мы знаем немногим больше, чем я только что сказал: он был простым героем»¹⁵. Известно, что это был погибший в Гражданскую

войну в конце 1918 г. рабочий-литейщик, осуждённый в своё время по делу восстания на крейсере «Очаков»¹⁶.

В марте 1919-го проходит I Конгресс Коммунистического Интернационала. Вековой юбилей Коминтерна был проигнорирован органами государственной власти Российской Федерации. Тогда же, в марте, Мазин назначается секретарём Петроградского отделения бюро III Интернационала и заведующим коминтерновским издательством. Виктор Серж вспоминает, что познакомил их Г. Е. Зиновьев. Они встречаются в Смольном около 15 апреля 1919-го. Серж пишет: «В течение восьми дней Владимир Осипович спал всего несколько часов за ночь, часто не давая себе труда раздеться, лёжа на диване в кабинетах типографии. Было несколько ночей, когда он вообще не спал, несколько дней, когда он даже не успел побриться. Но журнал „Коммунистический Интернационал“ появился 1 мая»¹⁷. «Не работал, а горел», — охарактеризовал его подход к делу Ионов¹⁸.

Мазин получает военную подготовку с дней первого наступления Юденича на Петроград. В начале августа он назначается комиссаром штаба 6-й стрелковой дивизии 7-й армии. 10 октября началось второе наступление, вскоре белыми был занят Ямбург. Боеспособность дивизии в те дни охарактеризовал Виктор Серж: «Дивизия таяла под огнём, распадалась на части; её остатки в беспорядке разбегались по размокшим дорогам»¹⁹. Части дивизии откатились к Кипени к 5 часам утра 15 октября, где через несколько часов у немецкой Кипенской колонии Мазин и примет свой последний бой. Когда катастрофическое положение дел под Петроградом стало очевидно, тогда же, 15-го, выходит постановление Политбюро ЦК о Петроградском фронте: «Петрограда не сдавать». Осадное положение в Петрограде и губернии было усилено. Ямбургский фронт стал Петроградским. 16 октября красные оставили Красное Село, 17-го — Гатчину. В отражении наступления, продолжавшегося до 21 числа, в том, что город удалось отстоять, есть заслуга и этого человека. 26 октября красным удалось вернуть Красное Село, а вскоре и Кипень.

Комиссар Мазин собрал маленькую группу, прикрывавшую отход. Наблюдаются расхождения в описании обстоятельств гибели. В некрологе об этом сказано довольно обтекаемо:

«погиб от пули, мужественно выдерживая натиск неприятеля с небольшой горсточкой солдат»²⁰. Надпись на могильной плите отличается от формулировки, относящейся к лежащему под ней же Гагрину: если у Никандра Семёновича «убит в бою», то у Лихтенштадта-Мазина, попавшего в плен,— «погиб в бою». Впрочем, надписи на могильных плитах Марсова поля не могут служить достоверным источником. Достаточно известен факт, что группа финских коммунистов, значащихся там убитыми финнами-белогвардейцами, стали жертвами внутреннего конфликта. Л. Д. Троцкий словно о нём сказал: «Комиссар и вообще коммунист, который притерпелся к расшатанности своей части и терпеливо отступает вместе с нею — куда не годен. Нам нужны стальные комиссары, олицетворяющие революционную волю рабочего класса»²¹.

Где увековечена память этого политического деятеля кроме Марсова поля? Именем его была названа библиотека в Ульяновке. Известный советский гравёр Алексей Ильич Кравченко создал его портрет. В книгах «Среди политкаторжан»²² и «По тюрьмам и этапам»²³ участником восстания на броненосце «Потёмкин» и ещё одним шлиссельбургским политкаторжанином Иосифом Генкиным, также впоследствии репрессированным, он выведен под фамилией Светловский, производной от перевода его немецкой фамилии. Помимо «Воспоминаний революционера» Серж в своем романе «Завоёванный город» также упоминает о Мазине, не называя его по имени²⁴. Он выводит его и как Карла в стихотворении 1935 г. «Созвездие мёртвых братьев», посвящённом памяти погибших товарищей²⁵.

Остаётся сказать о личном счастье, когда эта личность нашла себя в водовороте той великой и страшной эпохи. Длилось оно весьма недолго, всего лишь два с половиной года: «Я вижу его снова смеющимся, счастливым, гребущим в течение долгой прогулки по прудам Петергофа»²⁶. Был прекрасный летний вечер, когда в сумерках голоса имели чёткий и льющий резонанс. На мгновение Владимир Осипович не согласился сбросить весла; и он, казалось, получал особое удовольствие, когда проход среди водных трав становился затруднительным. Его мягкие движения были чёткими, точными, терпеливыми, нежными и сильными: они выражали всего человека»²⁷.

Примечания

¹ Абрамов А. С. У Кремлёвской стены. 7-е изд. М., 1987 (1988).

² Новое время. 21.05.1896 (№ 7266).

³ *Serge V. Vladimir Ossipovitch Lichtenstadt (Mazine)* [Серж В. Владимир Осипович Лихтенштадт (Мазин)] // *Bulletin Communiste*. 6.10.1921. № 42. С. 702. URL: http://www.bibnumcermtri.fr/IMG/pdf/2e_annee_no42_6_octobre_1921.pdf (на франц. яз.); *Serge V. Vladimir Ossipovitch Lichtenstadt (Mazine)* [Серж В. Владимир Осипович Лихтенштадт (Мазин)] // *Bulletin Communiste*. 13.10.1921. № 43. С. 714–719. URL: http://www.bibnumcermtri.fr/IMG/pdf/2e_annee_no43_13_octobre_1921.pdf (на франц. яз.); URL: <https://www.marxists.org/francais/serge/works/1921/10/mazine.htm#topp> (на франц. яз.).

⁴ [Гуревич Л. Я.] Девятое января. Харьков, 1926. С. 68.

⁵ [Ионов И. И.] Владимир Осипович Лихтенштадт (Мазин). СПб., 1921. С. 6.

⁶ Цит. по: Павлов Д. Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. С. 173.

⁷ Полянский Н. Н. Эпопея военно-полевых судов 1906–1907 гг. М., 1934. С. 96–97.

⁸ Там же. С. 97.

⁹ Ионов И. И. Указ. соч. С. 16.

¹⁰ Лихтенштадт В. О. Гёте: борьба за реалистическое мировоззрение, искания и достижения в области изучения природы и теории познания. СПб., 1920.

¹¹ Письма В. О. Лихтенштадта к М. М. Тушинской / публ. Н. К. Герасимовой, А. Д. Марголиса // *Минувшее*. 1996. Вып. 20. С. 129–165.

¹² Там же. С. 148.

¹³ Там же. С. 158.

¹⁴ Там же. С. 160.

¹⁵ *Serge V.* Op. cit.

¹⁶ О нём: Генкин [И. И.]. По тюрьмам и этапам. Петербург, 1922. С. 19–20, 46, 303; Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. 3-е изд. М., 1963. Т. 5. С. 81, 202.

¹⁷ *Serge V. Vladimir Ossipovitch Lichtenstadt (Mazine)* // *Bulletin Communiste*. 13.10.1921. № 43. С. 716.

¹⁸ Ионов И. И. Указ. соч. С. 11.

¹⁹ Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. М., Оренбург, 2001. С. 111.

²⁰ В. О. Лихтенштадт-Мазин [некролог] // Коммунистический Интернационал. 1919. № 7–8 (XI–XII). Стб. 1134; Борьба за Петроград 15 октября — 6 ноября 1919 года: сб. ст., воспом., мат-лов. Пг., 1920. С. 307.

²¹ Троцкий Л. Д. Перед переломом // Как вооружалась революция (на военной работе): мат-лы и док-ты по истории Красной армии: в 3 т. М., 1924. Т. 2, кн. 1. С. 404.

²² Генкин И. И. Среди политкаторжан. М., 1930.

²³ Генкин [И. И.]. По тюрьмам и этапам. Петербург, 1922.

²⁴ Серж В. Завоёванный город. М., 2002. С. 145.

²⁵ Серж В. Сопротивление. М., 2015. С. 56–57.

²⁶ Возможно, в Ульяновке.

²⁷ Serge V. Там же.

О ГРАЖДАНСКОМ ИНЖЕНЕРЕ АЛЕКСЕЕ
ПЕТРОВИЧЕ ГОГОЛИЦЫНЕ (1879–1930)

В 1996 ГОДУ вышел в свет фундаментальный справочник «Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века», под обложкой которого были собраны списки построек петербургских архитекторов указанного периода; каждая статья сопровождалась краткой биографической справкой. Это событие было несомненным прорывом в изучении истории архитектуры Санкт-Петербурга: у исследователей появились основательные данные для работы над биографией того или иного петербургского зодчего. Один из составителей и редактор сборника, известный историк архитектуры Б. М. Кириков в предисловии отметил: «Составители сознают, что справочник неизбежно будет дополняться и корректироваться. Это естественно: ведь, начиная работу, мы шли почти по целине»¹.

В настоящей статье предпринимается попытка последовать этому посылу и представить некоторые новые сведения о гражданском инженеру Алексее Петровиче Гоголицыне, о котором в справочнике можно найти лишь небольшую статью². Биографические данные об архитекторе мы приводим по материалам петербургских архивов³.

А. П. Гоголицын родился в Санкт-Петербурге в 1879 г., в 1908 г. окончил Институт гражданских инженеров. Во время обучения он в качестве помощника архитектора Санкт-Петербургского лесного института А. И. Дитриха принимал участие в работах по «постройке, капитальной перестройке и ремонтах» зданий и сооружений Ботанического сада этого учебного заведения. Однако только Петербургом деятельность студента Гоголицына не ограничивалась. Работал он и в Москве помощником гражданского инженера В. В. Воейкова, принимая «самое близкое участие в его постройках», главным образом — в перестройке трапезной церкви Успения Пресвятой Богородицы в Кожевниках. Работы по строительству трапезной, на которых

А. П. Гоголицын находился «с момента закладки фундаментов», начались в 1903 г.; в 1933 г. храм был снесен, на его месте построили жилой дом (Дербенёвская наб., 1/2).

В 1908 г., едва окончив Институт гражданских инженеров, А. П. Гоголицын переехал в Москву «на жительство» и был причислен к Московскому губернскому правлению сверхштатным техником Строительного отделения. В его обязанности входило «освидетельствование» зданий, их архитектурно-техническая экспертиза.

Одновременно А. П. Гоголицын заведовал техническим бюро отдела постройки Управления городских железных дорог Москвы — московского трамвая. В этой должности он занимался составлением и разработкой проектов и рабочих чертежей «сараяв для электрических вагонов и прочих связанных с оборудованием парков электрического трамвая служебных и жилых сооружений», наблюдая также за выполнением работ в соответствии с составленными проектами.

Одновременно с работами по проектированию и постройке зданий и сооружений московского трамвая весь учебный сезон 1908—1909 гг. А. П. Гоголицын преподавал на вечерних курсах при Московском среднем строительном-техническом училище Товарищества инженеров и педагогов — «читал курс гражданской архитектуры и архитектурные формы и руководил занятиями по конструктивной разработке зданий».

Весной 1909 г. А. П. Гоголицын оставил службу в управлении и по приглашению гражданского инженера П. П. Малиновского, также участвовавшего в создании зданий и сооружений московского трамвая, перешел к нему помощником по постройке доходного дома Удельного ведомства с подвалами для склада вин (Трубников пер., 19), однако в июле того же года «по семейным обстоятельствам был принужден оставить Москву» и вернуться в Санкт-Петербург.

В столице Российской империи А. П. Гоголицын стал работать помощником знакомого ему по студенческой практике гражданского инженера А. И. Дитриха, а вскоре поступил в Строительную часть Главного управления землеустройства и земледелия, где занимался «рассмотрением и составлением эскизов и проектов гражданских сооружений». С 1909 г.

А. П. Гоголицын продолжил работать, как и в студенческие годы, в качестве помощника А. И. Дитриха в Ботаническом саду Санкт-Петербургского лесотехнического института, а также в Новгородской губернии занимался строительством Ловатских деревообделочных заводов Товарищества лесопильных заводов и мануфактур «Д. Н. Лебедев» (сейчас это Парфинский фанерный комбинат).

В 1910 г. А. П. Гоголицын был принят на должность архитектора Петропавловской больницы (сейчас Первый медицинский институт имени И. П. Павлова, ул. Льва Толстого, 4). Вакансия образовалась в связи с избранием архитектора этого лечебного учреждения Д. А. Крыжановского гласным Санкт-Петербургской городской думы⁴. Здесь А. П. Гоголицын (совместно с Д. А. Крыжановским, не оставившим архитектурную практику и на посту депутата столичного органа самоуправления) построил Терапевтический корпус (Петропавловская ул., 1) и часовню (наб. реки Карповки, 4). Эти здания решены в стилистике неоклассицизма.

Работы по больнице было много, и 3 ноября 1912 г. попечитель Петропавловской больницы обратился к А. П. Гоголицыну: «Прошу Вас ускорить пересоставление смет и чертежей на надстройку трех этажей на кухонном здании и постройку каменного сарая и предоставление их в контору больницы, дабы я имел возможность возбудить свое ходатайство в Больничной комиссии в ближайшем заседании, в противном случае я буду вынужден довести о неисполнении Вами моего распоряжения до сведения Городской управы»⁵. Нетерпение попечителя понятно: больница управлялась и финансировалась городом, поэтому важно было своевременно получить разрешение на строительные работы, необходимые для обеспечения лечебного процесса.

Вероятно, в этот раз требование попечителя было исполнено, но уже 20 мая 1913 г. он всё-таки доложил в Санкт-Петербургскую городскую управу об очередной «выходке» больничного архитектора: «В виду отъезда архитектора Гоголицына без моего не только разрешения, но и ведома, имею честь просить Городскую управу о назначении теперь же другого архитектора для наблюдения за работами, производящимися в настоящее

время по сооружению нового дома в больнице на 300 кроватей для терапевтических больных». Однако за архитектора вступились члены больничного Строительного комитета: «Ввиду грозящего архитектору Гоголицыну увольнения за самовольную отлучку из Санкт-Петербурга, мы, члены Строительного комитета больницы, находя поступок архитектора по существу неправильным, тем не менее, принимая во внимание трехлетнюю службу Гоголицына в больнице, за каковой период все произведенные им работы как по обыкновенному ремонту зданий больницы, так и по новым сооружениям (постройка забора, ледника, отделка бараков, достройка сифилитической клиники и т. п.) были исполнены тщательно и с полным знанием дела, просим оставить его в должности, тем более что устранение в настоящее время Гоголицына поставит больницу в крайне затруднительное положение по выполнению текущего ремонта и вызовет значительную задержку в постройке нового здания»⁶. Это прошение было принято к сведению, и А. П. Гоголицын был оставлен в должности с требованием в будущем не отлучаться без разрешения попечителя.

Когда летом 1916 г. А. П. Гоголицыну вновь потребовалось отлучиться из города, он подал прошение, но оно осталось без удовлетворения. Тогда 20 августа 1916 г. он письменно заявил попечителю: «Вследствие несогласия дать мне разрешение на выезд из Петрограда, что я должен был сделать, будучи командирован Министерством земледелия, где служу, прошу освободить меня от обязанностей архитектора и назначить лицо, которому я могу передать дела». Попечитель ходатайствовал в Больничной комиссии об удовлетворении этой просьбы и излагал суть дела следующим образом: «Гоголицын обратился ко мне с просьбой о двухнедельном отпуске, я не нашел возможным разрешить своей властью в виду спешности производимых в данное время в больнице строительных работ: устройство полов в главной кухне, сооружение бани и прачечной для раненых и др. Я предложил отправить рапорт в Больничную комиссию. На мои слова Гоголицын всё время возражал в повышенном тоне и подал рапорт об увольнении»⁷. 6 сентября 1916 г. А. П. Гоголицын был уволен «по прошению», на его место определили архитектора Алфузовской больницы П. Г. Головкина, однако

вскоре должность стала вакантной, и 19 сентября 1917 г. А. П. Гоголицын вновь вернулся в больницу.

С момента возвращения в 1909 г. в Петербург А. П. Гоголицын жил сначала на Николаевской (сейчас Марата) ул., 61, затем в 1911–1913 гг. на Большом пр. П. С., 98, а в 1914–1916 гг. жил по месту работы — на территории Петропавловской больницы: Петропавловская (ныне ул. Льва Толстого) ул., 4.

С 1911 г. А. П. Гоголицын работал также в Санкт-Петербургском лесотехническом институте, с 1914 г. занимая там должность ассистента. Дальнейшая его жизнь оказалась плотно связана с этим учебным заведением. В советское время он работал там архитектором и преподавателем, 30 августа 1919 г. с семьей поселился на территории Лесотехнического института (Институтский пер., 5) и прожил там до конца своих дней.

А. П. Гоголицын участвовал в Гражданской войне на стороне новой власти: 20 мая 1919 г. он был призван на действительную военную службу, вероятно, для строительства сооружений для защиты Петрограда от войск Н. Н. Юденича.

А. П. Гоголицын был женат (имя жены выяснить пока не удалось), у него было по меньшей мере трое детей: Татьяна (1907 г. р.), Владимир (1912 г. р.), и неизвестный по имени сын, родившийся в 1920 г. Его дочь Татьяна в 1930-е гг. работала в тресте «Ленпромстрой» и по крайней мере до 1935 г. жила по прежнему адресу их семьи: Институтский пер., д. 5, кв. 50.

27 июня 1930 г. А. П. Гоголицын скончался, о чем сообщалось в некрологе, помещенном на следующий день в «Ленинградской правде»: «Лесотехническая академия с прискорбием извещает об утрате своего научного работника, гражданского инженера, доцента Алексея Петровича Гоголицына, последовавшей 27 июня с. г., в 7 ч. 30 м. утра»⁸.

Таким образом, в ходе настоящего исследования были выяснены даты жизни гражданского инженера А. П. Гоголицына, некоторые факты из его биографии и творческого пути, хотя автор не считает свою задачу выполненной окончательно и надеется в дальнейшем дополнить их новыми сведениями.

Примечания

¹ Кириков Б. М. Предисловие // Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века: справочник / авт.-сост.: А. М. Гинзбург, Б. М. Кириков; под общ. ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 10.

² Гоголицын Алексей Петрович (ок. 1880 — после 1938) // Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века. С. 101.

³ ЦГИА СПб. Ф. 20. Оп. 1. Д. 694 (Гоголицын Алексей Петрович); ЦГА СПб. Ф. 1584. Оп. 1. Д. 625 (Гоголицын А. П.).

⁴ Чепель А. И. Об общественной деятельности художника-архитектора Дмитрия Андреевича Крыжановского // Открытые слушания «Института Петербурга»: ежегодные конференции по проблемам петербурговедения, 2014–2016 / отв. ред. А. И. Чепель. СПб., 2017. С. 87.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 20. Оп. 1. Д. 694 (Гоголицын Алексей Петрович). Л. 5.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 12–12 об.

⁸ А. П. Гоголицын: некролог // Ленинградская правда. 1930. № 176. 28 июня. С. 4.

ПРЕРВАННЫЙ ДЕБЮТ (О ДОВОЕННОМ ПРОЕКТЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО МЕТРОПОЛИТЕНА)

О ДОВОЕННОМ проекте устройства метрополитена в Ленинграде известно было немного. В сжатом виде всю информацию о нем можно уместить в несколько строк, однако обращение к архивным источникам с целью более детального изучения темы открыло много нового. Прежде всего, обнаружился один факт, на который ранее мало обращали внимание. Все работы в области проектирования, а позже и строительства метро в нашем городе в довоенные годы были засекречены. Это объяснялось тем, что уже с конца 1930-х гг. в представлении властей сооружение метрополитена в Ленинграде преследовало прежде всего оборонные цели. Или, во всяком случае, метро рассматривалось ими не только в качестве нового, крайне необходимого городу элемента транспортной инфраструктуры, но и как система надежных первоклассных бомбоубежищ, способных защитить значительную часть горожан от вражеских авианалетов в случае возможного военного конфликта. Поэтому и строительство велось незаметно, не привлекая внимания «врага».

Строительные работы не афишировались. То, что невозможно было скрыть под землей, официально объявлялось масштабными работами по реконструкции города. Основная часть ленинградцев оставалась в полном неведении, что буквально на их глазах в несколько последних предвоенных месяцев в городе началась и стремительно набирала обороты одна из самых грандиозных строек в истории города. Ни по радио, ни в печатных изданиях того времени не допускалось даже намека на это строительство. У этой стройки практически нет никакой иконографии.

Работы по возведению метро в Ленинграде начались на основе совместного Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 января 1941 г., вышедшего под грифом «СС» (совершенно секретно)¹, однако первый шаг к практической реализации

этой давней мечты горожан был сделан за несколько лет до этого. Считается, что инициатором начала строительства метрополитена в Ленинграде является председатель Исполкома Ленсовета А. Н. Косыгин. Именно его распоряжением в 1938 г.² была создана специальная комиссия для выработки решения по этой проблеме. К рассмотрению принимались как ранее подготовленные предложения, так и высказываемые по ходу работы комиссии. Результаты работы комиссии весной 1939 г. были изучены и проанализированы руководством города, а затем в очень сжатой форме изложены в письме, направленном в ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР за подписью первого секретаря горкома партии А. А. Жданова и председателя Исполкома Ленсовета П. С. Попкова (он сменил Косыгина на этом посту в январе 1939 г.)³. В документе подчеркивается, что расположение Ленинграда «в непосредственной близости от границы особо остро ставит вопрос об обеспечении населения надежными и массовыми укрытиями во время возможных налетов на город». В этих условиях руководство города считает, что «наиболее целесообразным с общегосударственной, экономической точки зрения будет сооружение метрополитена в городе Ленинграде как наиболее надежного массового укрытия населения». Впрочем, не упускалась из виду и очевидная польза метро для города в мирное время: «Такое решение одновременно создает удобные и быстрые средства массового внутригородского транспорта». Далее в письме констатируется, что руководство города одобрило перспективную схему линий метро общим протяжением 50,4 км в составе трех направлений — Кировско-Выборгского, Московско-Петроградского и Василеостровско-Володарского, что во время войны обеспечит надежным укрытием около 800 тыс. жителей в густонаселенных районах. Первая очередь линий метрополитена — Кировско-Выборгское направление (Автово — Бабурин переулок) протяжением 15,4 км сможет укрыть около 250 тыс. горожан.

Предусматривалось не только приспособление подземных вестибулей метрополитена под бомбоубежища, но и устройство на всех станциях специальных «дополнительных тоннелей (карманов)» по емкости в 2–4 раза превышающих емкость самих станций. Метро предлагалось строить в зоне кембрийских глин,

т. е. на глубине 30–50 м. Стоимость строительства определялась в пределах 900 млн рублей. Первую линию из 12 станций предлагалось сдать в эксплуатацию в декабре 1942 г. Предполагалось, что по вопросу строительства метро в Ленинграде будет принято специальное решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Однако решения этого пришлось ждать почти два года.

Партийно-правительственное постановление «О строительстве метрополитена в г. Ленинграде» не только формально санкционировало начало строительных работ. Документ представлял из себя достаточно детально проработанную программу реализации огромного проекта. Шестьдесят семь пунктов постановления касались вопросов обеспечения строительства финансами, рабочей силой и специалистами, строительными материалами и оборудованием (как для проведения строительных работ, так и для эксплуатации метрополитена). Несколько пунктов постановления касались непосредственно вопроса разработки проекта ленинградского метро. В частности, документом предлагалось:

1. В качестве первоочередной утвердить линию по Кировско-Выборгскому направлению от Автова до Бабурина переулка, протяженностью 17,4 км.
2. Сооружения метрополитена вести глубоким заложением на 30–50 м.
3. При проектировании и строительстве ленинградского метрополитена предусмотреть устройство специальных сооружений ПВО для использования тоннелей и станций в качестве массовых бомбо- и газобезопасных убежищ для населения. При сооружении станций метрополитена также предусмотреть дополнительно на каждой станции устройство убежищ специального типа для укрытия 5–10 тыс. человек.
4. Установить объемы капитальных работ по ленинградскому метрополитену на 1941 г. в сумме 350 млн рублей, в том числе на выселение жильцов — 25 млн рублей.
5. Разрешить до утверждения технического проекта и сметы производить работу по строительству метрополитена в Ленинграде без проектов и смет.
6. Представить на утверждение Совнаркома СССР проектное задание первой очереди ленинградского метрополитена

к 1 апреля 1941 г. и технический проект и сметы к 1 сентября 1941 г.

Последний пункт постановления (№67) обязывал Жданова и Маленкова⁴ в пятидневный срок подобрать начальника строительства метро. Будущий руководитель строительства И. Г. Зубков с 1 января уже находился в Ленинграде⁵. 21 января 1941 г. приказом наркома путей сообщения Л. М. Кагановича Ленинградский филиал «Метростроя» был переименован в Управление строительства № 5 НКПС, а Зубков стал его руководителем⁶. Для размещения сотрудников управления было выделено недостроенное здание Пищевой выставки НК пищевой промышленности СССР (Думская ул., 1/3) и здание на наб. Красного флота, 54⁷. При Управлении строительства была создана специальная проектная организация Стройпроект № 5, начальником которой стал московский архитектор П. Г. Капланский⁸. Главным архитектором Стройпроекта № 5, основные специалисты которого приехали из Москвы, был назначен ленинградский архитектор Б. Р. Рубаненко (1910–1985)⁹. Стройпроект разместили в указанном нами здании на наб. Красного флота, предварительно в трехдневный срок выселив оттуда клуб и школу глухонемых¹⁰.

На городские власти свалился колоссальный объем организационной работы. Отметим лишь некоторые решения городского правительства, имеющие отношение непосредственно к проектным работам. Так, целая серия решений Исполкома Ленгорсовета касалась вопроса расположения станций метрополитена на территории города. Городские власти были крайне заинтересованы, чтобы пользование метрополитеном стало максимально удобным для горожан. Именно поэтому в решениях Исполкома, определяющих общую схему расположения надземных вестибюлей на карте города, помимо «первоочередных» вестибюлей, которые предполагалось построить к концу 1942 г., заранее оговаривалось и местоположение так называемых «второочередных вестибюлей», строительство которых намечалось за пределами указанного срока. В послевоенном проекте первой очереди метро от этого принципа решили отказаться. Исключения составили лишь две станции, расположенные у Финляндского и Московского вокзалов. Значительная

часть строительных работ по сооружению надземных сооружений метрополитена, особенно в центральных районах города, предполагала довольно серьезное внедрение в существующую городскую застройку. Многие здания подлежали реконструкции или полному сносу. Среди последних оказались три культовых сооружения, причем два из них находились под охраной государства: Знаменская и Владимирская церкви¹¹.

Впрочем, это ничуть не смущало городские власти, их отношение к выдающимся памятникам городской архитектуры оказалось достаточно равнодушным. 1 апреля 1941 г. здания церквей по просьбе Исполкома были исключены из списка охраняемых. Однако вскоре решение о сносе Владимирской церкви было неожиданно отменено. Архивные документы позволяют предположить, что в попытках сохранить этот архитектурный памятник одной из весомых причин была достаточно твердая позиция Отдела охраны памятников при Управлении по делам искусств Ленгорисполкома. Сохранилось два письма, характеризующих решительный настрой руководителей отдела (его начальника А. В. Победоносцева и главного архитектора Н. Н. Белехова) в защите своей позиции. Первое из них направлено руководству города — секретарю горкома ВКП(б) А. А. Кузнецову¹² и председателю Исполкома Ленгорсовета П. С. Попкову с просьбой приостановить подготовку к взрыву здания церкви, во всяком случае, до проведения требуемых законом обмеров¹³. А второе было направлено помимо вышеуказанных адресатов в Москву — начальнику Управления по делам искусств СНК РСФСР Н. Н. Беспалову¹⁴. Письмо вместе с руководителями отдела подписал их непосредственный начальник Б. И. Загурский¹⁵. В нем указывалось, что «церковь на Нахимсона можно сохранить». В качестве главного аргумента в пользу сохранения памятника авторы письма выдвигали даже не его несомненную историческую и художественную ценность, а возможность без ущерба для церкви подобрать в ее окрестностях вполне подходящее место для размещения наземного вестибюля. В качестве такой альтернативы предлагался дом № 21 по проспекту Нахимсона — «малоценное 3-этажное здание»¹⁶. Письма датированы 7 апреля 1941 г, а уже 19 апреля 1941 г. главный инженер Управления строительства № 5 Барышников получил от главного архитек-

тора Ленинграда Н. В. Баранова срочную «депешу» следующего содержания: «По указанию секретаря Горкома ВКП(б) т. Кузнецова сообщаю, что снос бывшего Владимирского собора и колокольни запрещается»¹⁷. Было предложено и новое местоположение наземного вестибюля, которое, впрочем, вряд ли особенно обрадовало защитников церкви: «Вход на станцию „Площадь Нахимсона“ следует располагать между собором и колокольней». 23 апреля 1941 г. появилось и официальное решение горисполкома, закрепляющее устное указание Кузнецова¹⁸: «Отделу памятников совместно со Строительством № 5 предлагалось определить новое место строительства наземного вестибюля»¹⁹. За Знаменскую церковь никто не вступился.

К концу апреля 1941 г. Стройпроект завершил разработку проектного задания первой очереди Ленинградского метрополитена, а 13 мая 1941 г. с его основными положениями было ознакомлено руководство города. Справка на шести страницах машинописного текста, подписанная начальником строительства № 5 И. Г. Зубковым, была направлена в городской комитет партии и в Ленгорисполком²⁰. Отметим здесь лишь два основных изменения, которые были внесены проектировщиками в первоначальную концепцию метрополитена:

1. В проектом задании не нашла отражения идея увеличить «человекоемкость» (если можно так выразиться) метрополитена в период его функционирования в режиме бомбоубежища за счет устройства на каждой станции дополнительных помещений (карманов) для укрытия в них от 5 до 10 тыс. человек. Число людей, укрывающихся в тоннелях и станциях, определялось в 432 тыс. человек.

2. Всю линию метро поделили на два радиуса. Первый, начинавшийся на станции «Автово» и заканчивавшийся на станции «Площадь Восстания», строился в точном соответствии с московским метро, с диаметром тоннелей 6,0 м. Другой радиус шел от станции «Площадь Восстания» до «Бабурина переулка» и имел увеличенный диаметр тоннелей (8,0 м) способных пропускать железнодорожные составы. В случае военной угрозы он мог использоваться для бесперебойного и безопасного соединения Московского и Финляндского вокзалов. Причем вход в тоннели со стороны Московского вокзала планировалось

устроить на станции «Навалочная». Поэтому значительно возросла протяженность линии: с 17,4 до 24,13 км.

В мае приступили ко второму этапу строительства метро — горизонтальной проходке (строительству тоннелей). Именно тогда в обиходе ленинградских метростроителей впервые появился термин «плывун». При проходке под путями Финляндской линии Октябрьской железной дороги они столкнулись с серией плывунов, которые вызвали «необходимость специальных методов проходки, сноса ряда жилых и подсобных зданий»²¹. Работы приостановили. Проанализировали ситуацию и пришли к решению, повлекшему самую серьезную корректировку первоначальных проектных предложений, — перенести депо метрополитена на другой конец трассы, за станцию «Автово». Зубков срочно выехал в Москву и в течение двух недель вопрос переноса депо на новое место был согласован. Такое решение, помимо упрощения строительных работ, могло сэкономить «около 30 млн рублей»²².

Разрешительные документы о переносе депо на новое место поступили в Ленинград 21 июня 1941 г. А на следующий день началась война, прервавшая успешный дебют одной из важнейших в истории города строек. Но именно война, как это ни парадоксально звучит, оказала положительное влияние на последующую историю городской подземки. Послевоенное строительство первой очереди ленинградского метрополитена, в которую были включены только 8 из 12 станций предвоенного проекта, растянулось на 9 лет вместо отпущенных согласно довоенным замыслам неполных двух лет. И если об архитектуре станций довоенного метро в условиях острейшего дефицита времени говорить было просто бессмысленно, то над образным решением станций послевоенного времени ленинградские архитекторы могли работать тщательно и не спеша. На многочисленных конкурсах отбирали лучшее из лучшего.

Строительство получило известность. Завеса секретности была снята, и бывшая стройка-невидимка превратилась в широко освещаемую средствами массовой информации строительную эпопею, к которой было приковано внимание всех ленинградцев. Если бы не было войны или она началась бы на несколько лет позже, ленинградское метро по своим эстетиче-

ским качествам было бы несопоставимо с тем, что открылось в 1955 г. Вряд ли мы смогли бы называть станции довоенного метро, если бы они были построены, подземными дворцами. В лучшем случае — подземными казармами.

Примечания

¹ ЦГА СПб. Ф. 9644. Оп. 4. Ед. хр. 1. Л. 2–18 («О строительстве метрополитена в г. Ленинграде» № 126–54 от 17 января 1941 г.).

² Метрополитен северной столицы. СПб., 1995. С. 40. А. Н. Косыгин занимал должность председателя Исполкома Ленгорсовета с октября 1938 по 2 января 1939 г. К сожалению, кроме этого упоминания в указанном издании, мы пока не обнаружили документального подтверждения факта выдвинутой Косыгиным инициативы.

³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 4с. Ед. хр. 63. Л. 186–189, 190–193.

⁴ Георгий Максимилианович Маленков (1902–1988) — партийный и государственный деятель, соратник И. В. Сталина. С 22 марта 1939 до весны 1945 г. — начальник Управления кадров ЦК и секретарь ЦК. С марта 1939 по октябрь 1952 г. — член Оргбюро ЦК.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 9644. Оп. 4. Ед. хр. 11. Л. 15. Зубков получил неплохую квартиру в центре города (ул. Чайковского, 10, кв. 40), где и проживал с женой и маленьким сыном Георгием (1926 г. р.).

⁶ Там же. Л. 1, 4.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Ед. хр. 44. Л. 8 («О помещении для Управления строительства Ленинградского метрополитена». Решение Ленгорисполкома № 6 от 21 января 1941 г.). Но здание Пищевой выставки требовало достройки (отделочных работ), и Управлению было выделено здание на пл. Островского, 7 (бывшее здание Откомхоза). Никаких официальных решений по этому вопросу нами не обнаружено. Здание использовалось метростроителями до 1993 г.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 9644. Оп. 4. Ед. хр. 11. Л. 11.

⁹ Там же. Л. 304.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Ед. хр. 44. Л. 8.

¹¹ Третья церковь (Свв. Космы и Дамиана при Лейб-гвардии саперном батальоне, 1876–1879 гг., архитектор М. Е. Месмахер), которую предполагалось снести, памятником архитектуры не считалась. Была уничтожена после войны при строительстве наземного павильона станции «Чернышевская» («Кирочная» по довоенному проекту).

¹² Алексей Александрович Кузнецов (1905–1950) в 1938–1945 гг. — второй секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б).

¹³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 4с. Ед. хр. 63. Л. 74–74 об.

¹⁴ Там же. Л. 75–75 об. Николай Николаевич Беспалов (1906–1980) — советский государственный деятель. В 1938–1948 гг. — начальник Управления (с 1941 г. — Комитета) по делам искусств при СНК (с марта 1946 г. — при Совете министров) РСФСР.

¹⁵ Борис Иванович Загурский (1901–1968) — музыковед, общественный деятель. В 1938–1941 гг. начальник Управления по делам искусств Исполкома Ленгорсовета.

¹⁶ Случайно или нет, но примерно на этом месте позже был построен наземный вестибюль станции «Достоевская».

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 9644. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 8. Вопрос, было ли в компетенции Кузнецова принять единоличное решение, идущее вразрез с решением вышестоящего органа, остается открытым. Возможно, его решительность подкреплялась предварительной консультацией в Москве, где в целях экономии времени и средств постепенно приходили к осознанию, что необходимо хотя бы временно пожертвовать одной или несколькими станциями первой очереди ленинградской подземки. В послевоенной версии проекта первой линии метро полностью отказались от возведения станции «Сад 9-го января», а «Владимирскую» («Проспект Нахимсона») долго оставляли в качестве «второочередной», и только в 1950 г. приступили к ее проектированию.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 9644. Оп. 4. Ед. хр. 3. Л. 19.

¹⁹ Там же.

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 9644. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 11–16.

²¹ Там же. Л. 26 (Из письма Зубкова Кагановичу от 3 июня 1941 г., 1202 с.).

²² ЦГА СПб. Ф. 9644. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 35 (Из отзыва Техничко-экспертного отдела НКПС, 18 июня 1941 г.).

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ *

Авдеев Владимир Григорьевич — старший научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Аксельрод Владимир Ильич — кандидат педагогических наук, методист Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных, заместитель председателя Санкт-Петербургского союза краеведов

Аристов Виктор Петрович — член Клуба знатоков СПбГО ВООПИиК

Белковская Валентина Михайловна — историк искусства, заведующая сектором изучения истории Мраморного дворца Государственного Русского музея

Власникова Мария Александровна — аспирант Санкт-Петербургского государственного института культуры

Выжевский Сергей Викторович — сотрудник Музея истории города Павловска

Глушкова Людмила Викторовна — директор социального проекта по бесплатному обучению Французского университета, член Клуба знатоков ВООПИиК

Груздева Ангелина Григорьевна — учитель физики, краевед, историк Царского Села

Груздева Галина Фёдоровна — главный редактор издательства «Серебряный век»

Журавская Алла Николаевна — методист научно-просветительского отдела Государственного комплекса «Дворец конгрессов»

Залманзон Анна Михайловна — историк, директор ООО «Реставрация Балтия»

Золотинкина Ирина Анатольевна — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Государственного Русского музея

* Данные приводятся на время проведения конференции.

Краткие сведения об авторах

- Измайлова Ирина Александровна* — член Союза писателей России, историк архитектуры
- Исаев Иван Денисович* — учащийся 10б класса ГБОУ СОШ № 530 Пушкинского района Санкт-Петербурга
- Кашаверская (Чуруксаева) Юлия Ивановна* — исследователь Санкт-Петербурга
- Кириков Борис Михайлович* — кандидат искусствоведения, почетный член РААСН, член Совета по сохранению культурного наследия при правительстве СПб
- Козлов Дмитрий Викторович* — экскурсовод СПб ГБУ «Краеведческий музей г. Ломоносова»
- Коренцвит Виктор Абрамович* — член ревизионной комиссии СПбГО ВООПИиК, старший научный сотрудник ООО «Паллада»
- Кузьмина Нина Георгиевна* — методист Российского творческого Союза работников культуры
- Марголис Александр Давидович* — кандидат исторических наук, председатель СПбГО ВООПИиК, член Совета по сохранению культурного наследия при правительстве СПб
- Маркевич Варвара Александровна* — менеджер Государственного Эрмитажа
- Мощеникова Марина Александровна* — историк Царского Села
- Николаева Тамара Ивановна* — заслуженный работник культуры РФ
- Потравнов Александр Леонидович* — редактор Интернет-проекта «Регионавтика Северо-Запад»
- Равинский Дмитрий Константинович* — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки
- Руднева Ирина Владимировна* — аттестованный эксперт Министерства культуры РФ по культурным ценностям
- Семькина Людмила Васильевна* — кандидат биологических наук, исполнительный директор благотворительного фонда «Дети города», член президиума СПбГО ВООПИиК
- Столбова Наталья Павловна* — краевед-исследователь, историк
- Тихонов Игорь Львович* — доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, заведующий Музеем истории СПбГУ, член президиума СПбГО ВООПИиК

Краткие сведения об авторах

- Трускинов Эрнст Валентинович* — доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник ВИР имени Н. И. Вавилова
- Ухналёв Андрей Евгеньевич* — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ
- Фурманова Ирина Борисовна* — педагог дополнительного образования ГБУ ДО ДДЮТ
- Хмельник Татьяна Юрьевна* — автор Интернет-проекта «Регионавтика Северо-Запад»
- Чепель Александр Иванович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии, директор МИКиКО СПбГМТУ, член Совета СПбГО ВООПИиК, член Совета РОО «Институт Петербурга»
- Черненко Валентин Андреевич* — внештатный научный сотрудник ГМИ СПб
- Шипунов Артём Николаевич* — студент Санкт-Петербургского государственного института культуры
- Штиглиц Маргарита Сергеевна* — доктор архитектуры, профессор СПГХПА имени А. Л. Штиглица, член президиума СПбГО ВООПИиК
- Юркова Зоя Владимировна* — кандидат архитектуры

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИПС — Автоматизированная информационно-поисковая система
- АПН — Академия педагогических наук
- ВЖБК — Высшие женские Бестужевские курсы
- ВИЗР — Всесоюзный институт защиты растений
- ВИР — Всероссийский институт растениеводства
- ВООПИиК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
- ГБОУ — Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение
- ГБУ ДО ДДЮТ — государственное бюджетное учреждение дополнительного образования Дворец детского (юношеского) творчества
- ГДР — Германская Демократическая Республика
- ГДТЮ — Городской Дворец творчества юных
- ГИОП — Государственная инспекция по охране памятников
- ГМИ — Государственный музей истории
- ГМП — государственный музей-памятник
- ГРМ — Государственный Русский музей
- ЗАО — закрытое акционерное общество
- ЗЦДЮТ — загородный центр детско-юношеского творчества
- ИАК — Императорская Археологическая комиссия
- ИГИ — Институт гражданских инженеров
- ИИМК — Институт истории материальной культуры
- ИКОМОС (ICOMOS: International Council of Monuments and Sites) — Международный совет по охране памятников и достопримечательных мест
- ИЛМП — Историко-литературный музей города Пушкина
- КПХИ — Комитет популяризации художественных изданий
- ЛИСИ — Ленинградский инженерно-строительный институт
- ЛОГАВ — Ленинградский областной государственный архив в городе Выборге

- ЛТА — Лесотехническая академия
МА им. А. В. Щусева — Музей архитектуры им. А. В. Щусева
МИКиКО — Музей истории кораблестроения и кораблестроительного образования
НА ИИМК РАН — Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук
НА ИИМК РАН РО — Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук, Рукописный отдел
НИИТИАГ — Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства
НИМ РАХ — Научно-исследовательский музей Российской академии художеств
ОКН — объект культурного наследия
ОР ГРМ — Отдел рукописей Государственного Русского музея
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
РАН — Российская академия наук
РАО — Российское археологическое общество
РАХ — Российская академия художеств
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГПУ — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СА — Современная архитектура
СНК — Совет Народных Комиссаров
СОШ — средняя общеобразовательная школа
СПбГМТУ — Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
СПГХПА — Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия
ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГАКФФД СПб — Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга

Список сокращений

ЦГАНТД СПб — Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ЦК РСДРП(б) — Центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков)

ЦНИИП — Центральный научно-исследовательский и проектный институт

ЮКОН — Юношеский клуб общественных наук

ЮНЕСКО (UNESCO: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization) — Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

Научное издание

ЧЕТВЕРТЫЕ ТИХОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ответственный редактор *А. И. Чепель* •
Руководитель проекта *А. В. Вознесенский* •
Редакторы *Д. А. Будаев, А. А. Евстюничева,*
Л. А. Козлова, А. С. Сетгенко, Д. А. Стенников • Принципиальный макет *С. А. Булаговой* •
Верстка *Л. А. Козловой* • Корректор
Ю. А. Смирнова • Предпечатная подготовка
Ю. А. Макусинского

Подписано в печать 16.03.2020 • Формат
60 × 90 $\frac{1}{16}$ • 20 усл. печ. л. • 18 уч.-изд. л. •
Тираж 300 экз. • Заказ № 1091 • Оригинал-макет подготовлен в ООО «Издательский дом „Коло“». 197198, Санкт-Петербург, пр. Добролюбова, д. 1/79, оф. 206. www.kolohouse.ru • Отпечатано в ООО «Аллегро» 196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28, тел. (812) 388-90-00, e-mail: marketingberesta@ya.ru

